

Матрёна Талеева

ЗОВ ОТЧЕГО КРАЯ

Воспоминания и стихотворения

Матрёна Талеева

ЗОВ ОТЧЕГО КРАЯ

Воспоминания и стихотворения

Сыктывкар
Коми республиканская типография
2025

ББК 84(2Рос= Нен)6я44

T16

*Издание финансировано из средств бюджета Ненецкого автономного округа
в рамках государственной программы Ненецкого автономного округа «Развитие культуры»*

Талеева, Матрёна

T16 Зов отчего края. Воспоминания и стихотворения / Автор – Талеева М.И. – Сыктывкар:
Коми республиканская типография, 2025. – 120 с.

ISBN 978-5-7934-1386-2

В первой части книги известный педагог, учитель ненецкого языка Матрёна Ивановна Талеева делится воспоминаниями о детстве в Большеземельской тундре, родителях и родных, а также впечатлениями о работе в летней кочевой школе, организованной для детей семейно-родовой общины «Ямб то», кочующей в Большеземельской тундре Ненецкого автономного округа. Вторая часть книги – стихотворения на ненецком и русском языках.

Проза и поэзия Матрёны Ивановны пронизаны любовью к малой родине, близким и землякам, ведущим нелёгкий кочевой образ жизни.

Фотографии предоставлены автором.

Предназначена для всех, кто интересуется Крайним Севером, традиционным образом жизни ненецкого народа.

ББК 84(2Рос= Нен)6я44

ISBN 978-5-7934-1386-2

Все права защищены

©Талеева М.И., 2025

©ГБУК «ЭКЦ НАО», 2025

Матрёна Ивановна Талеева родилась на просторах Большеземельской тундры, в семье потомственных оленеводов. Была старшей для сестёр и братьев.

Получила образование учителя в Нарьян-Марском педучилище имени И. П. Выучейского и Поморском государственном университете имени М. В. Ломоносова. Более полувека

трудится в Ненецкой школе-интернате имени А. П. Пырерки. Педагогическая деятельность Матрёны Ивановны много лет связана с обучением ненецкому языку и воспитанием подрастающего поколения. Она всегда с большой любовью и ответственностью относится к работе и ученикам, большинство из которых – тундровые дети. Имеет звания «Ветеран труда Ненецкого автономного округа» и «Почётный учитель Ненецкого автономного округа».

Является знатоком ненецкого языка, переводчиком, хранителем ненецкой культуры и традиций, общественным деятелем. Была педагогом летней кочевой школы в семейно-родовой общине «Ямб то» («Долгое озеро»). Несколько десятилетий является активистом регионального общественного движения «Ясавэй», с мая 2017 года – председателем Совета старейшин коренных малочисленных народов Севера при Администрации НАО.

В разные годы Матрёна Ивановна выступала в составе танцевальной группы Народного ненецкого ансамбля «Хаяр» («Солнце»), Народном ненецком театре «Илебц» («Жизнь»). Её пьесы-сказки «Хитрый Хэҗоти» и «Хэкур» входили в репертуар коллектива. Активно передаёт свои знания в клубе хранителей ненецких традиций «Теневана» («Знающие»).

Награждена Почётной грамотой НАО «За значительный вклад в работу по переводу норма-

тивно-правовых актов Ненецкого автономного округа на ненецкий язык» (2014), Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ «За существенный вклад в сфере образования, сохранения родного языка и культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока РФ» (2016), медалью «За верность Северу» (2017), благодарностью Президента РФ «За заслуги в области образования и многолетнюю добросовестную работу» (2019).

Поэт, член Народного литературного объединения «Заполярье» (2004), автор книг на ненецком языке «Вы’ ява” – хар”на” ява”» («Тундра – наш дом») (2000) и «Тепло материнского сердца» (2009).

Произведения Матрёны Ивановны опубликованы в альманахах «Заполярье» (2004-2024), журнале «Двина», сборнике «Здесь добром земля согрета» (2008), «Литературная карта НАО» (2009), «Пульс современной литературы НАО» (2015), детских журналах на русском и ненецком языках «Пунушка» (2009-2022), антологии «Современная литература народов России: Поэзия и проза финно-угорских и самодийских народов» (2023).

На русский язык её стихи переводили Владимир Гордеев, Лукерия Валеи и др. Основная тема её произведений – любовь к малой родине, тундре, жизнь земляков.

МОЯ БОЛЬШАЯ РОДНЯ

У каждого человека есть только одна родимая земля – малая родина. И если человек начинает тосковать по родине и вспоминать всё прекрасное, что там было, что он там оставил, значит, ещё не разучилось сердце слышать тайный зов отчего края.

Много лет живу в городе, а душа просится на просторы родной тундры, где я родилась. Милее их для меня нет места. Почти каждый выходной день стремлюсь к ним. Еду по Лаявожской дороге, люблюсь природой, всё радуется. Даже не в золотую осеннюю пору, когда тундра дарит нам свои дары: золотую морошку, красную бруснику, молоденькие грибы-боровички, а просто в любое время года, – на машине, на снегоходе, а лучше бы на оленьей упряжке. Достаточно выехать хоть за речку Кую вблизи Нарьян-Мара, погулять, подышать воздухом тундры, дурманящим терпким запахом багульника. Полюбоваться дальними сопками, посидеть около костра, попить чай, почувствовать родную стихию, отвести душу, поговорить с духами предков на святом месте, рассказать им семейные новости, ласково погладить деревца, землю, всплакнуть, попросить помощи в делах, чтобы у родных и знакомых всё было прекрасно, чтобы были все здоровыми.

Вот и узнав про летнюю кочевую школу, про возможность работать там, прежде всего я подумала, что оленеводам-частникам необходима наша помощь: научить их грамоте. Вспомнила о местах кочевий своего рода. Может, среди частников есть мои родственники или те, кто был знаком с моим родом? Надо подумать, соглашаться ли. Ведь ехать придётся не в гости к родне, а работать – к незнакомым людям, к частникам, которые сохранили традиционный уклад жизни, говорят только на ненецком языке.

Позвонила своим самым родным и дорогим людям: дочери и маме.

Дочь предложила, чтобы я серьёзно всё взвесила. Хотя она не воспитывалась в тундре, мы часто с ней ездили в чум в гости к родственникам. Ей знаком был и нелёгкий труд оленеводов колхоза «Харп», поэтому она волновалась за меня, моё здоровье. А моя мудрая мама, которая знала про оленеводов-частников, выслушав меня, посоветовала: надо съездить в тундру. Она рассудила, что после потери любимого сына я должна поменять привычную обстановку. Мама рано овдовела, много пережито ею, много слёз пролито тайком от нас – детей, одна её подушка знает. И я приняла решение ехать.

Думы о будущей поездке уносили меня в воспоминания о детстве. Перед мысленным взором чередой проносились лица родных людей и выплывали из памяти картины тундровой жизни...

Дядя Егор

Вот младший брат нашей мамы, дядя Егор, всю жизнь проработал оленеводом в колхозе, был бригадиром стада. Очень добрый человек, с мягким характером, жалостливый, последнюю малицу отдаст, малограмотный. Среди семерых детей он был единственным сыном, остальные девочки. Продолжил дело отца и кочует со своей семьёй по тундровым оленьим тропам отца и деда. Сохранил род Явтысых!

Тётя Дуся

Ещё родная сестра нашего отца – тётя Дуся, симпатичная, курносая, с чёрными косами, стройная, худенькая, как девушка в семнадцать лет. Она работала в колхозе «Харп» чумработницей. Дусе после окончания седьмого класса бабушка Лукерья не разрешила дальше учиться, и она осталась в тундре. Дуся обижалась на бабушку, плакала оттого, что учёба для неё завершилась, мечтала быть врачом. Когда начали приезжать сваты, она не давала согласие. Тут бабушка не стала ей перечить, разрешила выйти замуж по любви. Её любимый

муж Алексей – приёмный сын её брата Николая, который в семье дедушки родился вторым ребёнком, первенцем был мой отец. Дядя Алексей был грамотным, отслужил в рядах Советской армии. После службы учился в Нарьян-Маре, в зооветеринарном техникуме. После учёбы его направили работать в Красный чум культработником и пастухом. Мы с бабушкой Лукерьей часто у них гостили.

Тётя Дуся всегда радовалась нашему приезду. Она угощала вкусным печеньем и блинами, варила сладкую манную кашу. В чуме у них царил идеальная чистота и порядок, было много журналов и газет, играл патефон, показывали интересные кинофильмы. Они кочевали по всем стойбищам Большеземельской тундры. Но потом закрыли Красные чумы. Дядя Алексей с тётей Дусей перешли работать в колхоз «Харп». Он работал оленеводом, а тётя – чумработницей. В последние годы дядя работал бригадиром первого стада. Их единственный сын Вячеслав продолжил дело отца и работает оленеводом СПК «Харп», был бригадиром, женат, у него три сына.

Тётя Татьяна

Няка Николай – наш дядюшка, средний брат отца, маленького роста, коренастый, недобрый, всегда сердитый. Был женат на вдове намного старше его. Они воспитывали пятерых детей, двое старших – дети тётушки от первого брака. Его жену

мы звали «нябава» – наша старшая невестка, русское имя тёти – Татьяна, ненецкое имя – Ямалко. Иногда она дежурила в стаде быков, наверно, за капризного муженька. Дядя Николай был грамотным, что-то писал (был учётчиком стада), громко читал на русском, тётя Татьяна нежно смотрела на него, хотя ничего не понимала. Чтобы не быть одной на дежурстве в стаде, звала тётушка меня с собой. Там она становилась задумчивой, грустной, иногда тихо пела.

Однажды несколько ездовых быков во время нашего дежурства перешли многоводную речку. Весной все реки в тундре разливаются, становятся полноводными. Подъехали поближе к реке. Быки совсем рядом, но между нами река. Ширина реки – метров пятьдесят. Сильное течение несёт чёрную воду. С крутого берега тётя Татьяна во весь голос кричит на оленей. Громко лает наша верная собака Икця. А спокойные быки щиплют зелёную траву на берегу речки, даже головы не повернув в нашу сторону. Я ей говорю, что от крика у неё заболит голова, пусть останутся, сами придут. Но она испуганно отвечает, что дядя будет ругаться. Решила меня оставить на берегу, а сама пересечь реку, вернуть быков, без страха направила упряжку в ледяную воду.

Я стою на берегу и смотрю на это со страхом. На моих глазах её нарту перевернуло, несёт сильным течением. А она плывёт по течению быстрой реки, как лодка, плавно качается. Держит тоненький хо-

рей, вожжи. Её меховая паница, словно веер, расстелилась над водой. Надёжный передовой олень уверенно плывёт вперёд. Вот упряжка вскарабкалась на крутой берег. Смелая тётя Татьяна схватила наклонившуюся к воде иву – неро, подтянулась, поднялась на берег реки. Сняла сырую паницу, стала выжимать, хлопать её о землю. Я от сильного испуга потеряла дар речи, а потом громко заплакала, запрыгала на одном месте, закричала: «Нябаков, ханзер” пуня’ яхам’ мадаңгурда”?» («Тётушка, как же ты обратно перейдёшь реку?»). Она ничего не ответила, села на нарту и поехала за быками. Через некоторое время вредные быки пробежали около меня.

Подъехала тётя в сырой панице, виновато сказала: «Пэдаваков, саць сеямд харев”. Нись нахана салаба’ сёй таниявы. Мят’ тобни’, Лукерья’ хадаханд’ нёйр” вадес”» («Хорошая моя, я сильно тебя напугала. Недалеко есть, оказывается, снежный затор, через него прошли хитрые быки. В чуме об этом никому не рассказывай, бабушке Лукерье об этом не говори»). Я не стала никому об этом рассказывать, но, видно, догадались, ведь сырую паницу не запрядешь, надо её сушить на улице.

Много лет прошло с тех пор. Я всегда думаю, что могло случиться, если бы она меня взяла с собой? Эту страшную картину – многоводную тундровую реку со свинцовой водой – забыть не могу, будто вчера это было! С тех пор очень боюсь воды. Никогда не плаваю, боюсь ездить на лодке.

В первом сборнике стихов «Вы” ява” – хар”на” ява”» я посвятила стихотворение дорогой тётё Татьяне, её смелому поступку. Умница, очень мудрая! Ко мне всегда тётушка ласково относилась, звала нянчить детей.

Я-то детским умом думала, что она не станет меня больше брать на дежурство в стадо, если я расскажу о случившемся, а мне очень нравилось с ней ездить, слушать её грустные песни о тяжёлой женской доле. Тётушка была стройная, боевая, работающая, носилась по стойбищу как лань, чтобы всё успеть по хозяйству, ублажить злого мужа, ведь он мог на неё ещё и поднять руку. Часто она была нервной, раздражённой. Её старшая дочь Елека вышла замуж, сын Алексей женился на нашей тётё Дусе, а трое детей от дяди Николая были малы. А у них уже имелся свой отдельный чум. Её защитницей была наша бабушка Лукерья. С бабушкой заходили в их чум гости, когда не было дядюшки. Бабушка с тётёй спокойно разговаривали. Может, тётя жаловалась на горькую свою судьбу, глаза её были на мокром месте.

Откуда она родом, я не знаю, может с Ямала, имя её в переводе на ненецкий язык – «конец земли». Может, была из богатых вдов? Об этом очень тихо, долго говорили взрослые, но мне, тогда ещё маленькой, их разговоры были неинтересны. Попив ароматный чай с конфетами, поблагодарив её за гостеприимство и радушие, я убежала играть на улицу с младшими моими сёстрами Любой и Та-

ней. Я любила придумывать разные игры. Была очень наблюдательной и любознательной.

Мама

Мои дети с большим желанием ездили в посёлок Красное к бабушке Клаве, моей маме, на каникулы. Мама была тоненькой, со статной фигурой, у неё было светлое лицо, прямой нос, тёмно-русые волосы, заплетённые в две косы. Наша мама была немногословной, послушной и боязливой. Впрочем, она только казалась хрупкой, но была крепкая духом.

Печальна судьба одиноких женщин-тундровичек. Всегда сдержанны ненецкие женщины, им по законам тундры не позволялось громко плакать при людях. Когда не стало отца, все дети в нашей семье были несовершеннолетними, кроме меня и Любы, а младшему брату Васе исполнилось три годика. Большая любовь мамы к детям, работа, поддержка бабушки Лукерьи, родных помогли пережить трудные времена, потерю кормильца.

После смерти мужа мама с маленькими детьми и наша бабушка переехали жить в базовый посёлок колхоза «Харп». Очень тяжело им было привыкать к поселковой жизни. Несколько лет около нашего дома стояли гружённые нарты, где были нюки, шесты, зимняя тундровая одежда родителей. Постепенно мама всё раздала родственникам и знакомым, которые ещё ямдают в тундре. Она смири-

лась, что больше не будет кочевать по знакомым воргам-дорогам кочевий. Без сильной половины не прожить в тундре. Я помню, как старенькая наша бабушка Лукерья вечерами долго стояла на улице, смотрела на небо, а рано утром ходила около нарт, будто собиралась в дорогу, смотрела вновь вдаль, в сторону тундры, будто кого-то ждала.

Весной все вместе ходили в тундру, собирали сухой ивняк для маленькой самодельной печки. Потом около дома на ней варили уху, кипятили чай. В тундре бабушка становилась весёлой, бодрой, шутила с нами. Радостью светились её грустные глаза, опираясь на тросточку, быстро шла за нами.

Вечерами мама всегда шила, брала работу на дом. Ремонтировала старые бурки, шила из пыжиков шапки-ушанки. Мы маме помогали, шили подкладки для шапок и бурок. После работы все вместе дружно пили свежий чай с мягким хлебом, была у нас всегда рыба. Рыбку приносили маме за её работу. Например, угощал старший брат мамы, дядя Пётр, трудолюбивый, скупой, строгий, который жил со своей большой семьёй на другой стороне посёлка. Его жена – тётя Александра – была тихой, молчаливой, доброй, воспитывала детей. Дядя Пётр трудился в колхозе на разных работах, в летнее время – с детьми на сенокосе. Из-за плохого зрения он осел в посёлке, а раньше работал оленеводом.

В их семье жила бабушка Марфа – мама нашей мамы, лёгкая на подъём. У нас бывала нечасто.

Любила ходить в тундру за морошкой, за мелкими дровишками для уличной печки. Её дома редко застанешь, после утреннего чая уже шла на знакомые места, возвращалась поздно. Иногда с ней ходила наша мама, а бабушка Марфа помогала ей наполнить десятилитровое эмалированное ведро морошкой.

Бабушка Марфа оставалась в тундре, а наша мама к завтраку была дома, и на нашем столе были сочные ягоды – натуральные витамины. Глядя на удивлённых детей, радостью светились глаза нашей доброй мамы. Как она всё успевала, диво! Как она нас любила!

У Явтысых круглый год была морошка. Тихая бабушка Марфа знала места, где растёт эта вкусная полезная ягода, с ней ходили дочери дяди Петра. Это были их ягодные места, после смерти бабушки Марфы они продолжали там собирать морошку. Одно заветное местечко всё же наша мама знала! В морошковый год мы с ней всё лето ходили туда: очень красивый, оранжево-красный ковёр, негде ступить ногам. По традиции мы угощали щедрое, любимое болото хлебушком, кусочками варёного мяса, карамельками. На краях моңги – болота, у костра, пили чай, мама рассказывала о местах кочевий нашего рода. Недалеко от этого места проходила дорога – ворга кочевий, ведущая в сторону летних пастбищ.

Любую работу мама делала на совесть. Никогда за заказы не определяла размер оплаты, ведь у тех,

кто обращался за помощью, не было лишних денег. С уважением относились к нашей маме, знали, что Клавдия Кузьминична работу сделает вовремя и качественно.

В семье с деньгами всегда была проблема, надо было отправить сыну Егору, он учился в Вельске в сельскохозяйственном техникуме, дочерям Маше и Ире. Маша училась в Архангельске на швею, Ира в Яренске на продавца. И мне мама всегда помогала. Покупала нам вещи в кредит.

Подросли мои братья Юра и Вася, которые занимались лыжным спортом. Часто ездили на соревнования в сёла Архангельской области, в Нарьян-Мар, в Республику Коми. Старанием мамы, её шитьём – тогда меховые вещи ценились – у сыновей были высокого качества спортивные костюмы, лыжи, которые заказывали в другие города. Сыновья радовали маму успехами, привозили грамоты, благодарности. С ними у мамы не было проблем: никогда не было на них жалоб от учителей, от сельчан, – сыновья росли самостоятельными, спокойными, трудолюбивыми, честными, доброжелательными, внимательными. Заботливая наша мама всегда писала нам письма, посылала посылки, покупала для нас дефицитные вещи.

В нашей семье семеро детей, ещё мама воспитывала Таню – младшую сестру отца, которую мама любила как родную дочь. Да и Таня была всегда к нам добра, внимательна и благодарна маме. Получила образование мастера по пошиву

ву верхней одежды в Архангельске. Осталась там работать в меховой мастерской по пошиву шуб. Вышла замуж. Братья любили ездить к ней на каникулы, всё лето жили у неё. Тётя Таня научила их шить мягкие плюшевые игрушки, которыми мальчишки очень гордились, привозили в подарок маме, родственникам. Наша дорогая мама никого из ребят не отдала на воспитание государству, не увлекалась спиртным. После работы спешила домой к детям, для всех находила ласковые слова, устраивала наш маленький домик, который стоял недалеко от озера.

Я, окончив учёбу в школе-интернате, потом в педучилище, 17 августа 1971 года пришла работать в Ненецкую школу-интернат учителем начальных классов. Учила подготовительный класс – детей из тундры и базовых посёлков (Бугрино, Нельмин-Нос, Красное), где не было интернатов. Дети совсем не знали русского языка, но все прекрасно говорили на родном языке. Ребята были совсем маленькими, добрыми, послушными. Мне работа была в радость. Ребята учились прилежно, быстро усваивали русский язык. Мне всегда было искренне жаль их, потому что они очень скучали по дому (особенно ребята из посёлка Бугрино), а тундровые дети – по родному чуму, родителям, оленям и собакам.

Моя сестра Люба училась в Архангельске на бухгалтера. А младшие сёстры и братья учились в Красновской школе.

Искусная мастерица – мама – зимой работала в колхозной меховой мастерской, шила на продажу бурки, тапки, шапки. С ней трудились женщины, которые тоже перешли на оседлый образ жизни. Среди них были её знакомые, с которыми она дружила, общалась. Ни одна из женщин, овдовев, не вышла повторно замуж, хотя жить было тяжело. Например, много проблем было с дровами. Нет дров – нет тепла, горячей еды. Жалостливые, добрые продавщицы продуктового магазина маме разрешали на растопку брать деревянные ящики, которые лежали около магазина.

Многие годы каждое лето мама и её подруга Мария Павловна Тайбарей трудились на рыбучастке «Ольховый куст» поварами, кухонными работниками. Несколько лет с ними работала моя крёстная Анисья Васильевна Аксёнова из Носовой. Все жили в те годы трудно, поднимали детей. Самим не удалось из-за войны доучиться, стремились детям дать образование. У мамы и отца образование было пять классов Варандейской школы. Поэтому наша мама радовалась, что дети получают образование, будут работать по специальностям, получать достойную зарплату. Всех нас подняла на ноги наша любимая мамочка, всем помогла получить достойное образование.

Время прошло, вышли замуж дочери, женились сыновья, разъехались по области и округу. Славная наша труженица – мама жила с семьёй младшего брата в Красном. Там уже появилось

голубое топливо, дров не надо, свой колодец в доме. В любое время года можно в гости съездить по хорошей дороге на легковой машине, при необходимости на такси.

Посёлок Красное – один из самых благоустроенных сельских населённых пунктов нашего округа. Молодые семьи строят здесь дома, в домах есть газ. Как поётся в песне Екатерины Петровны Тайбарей: «Только в Красном, только в Красном «голубой» огонь горит». Хорошеет наш посёлок с каждым годом, радуют глаз новые добротные здания!

Как прекрасно, что дорогая мама жила рядом, можно было с ней поговорить, она всегда находила сердечные, нужные слова. Только любящая мама, сама пережившая горе, могла предложить мне, что тундровая жизнь с её кочёвками, природой, новыми людьми и работой помогут отвлечься от душевной боли.

Всё незнакомое, конечно, всегда пугает, смогу ли? Немало времени прошло с тех пор, когда в детстве я кочевала с родителями.

Отец

Отец Иван Васильевич работал бригадиром первого стада колхоза «Харп». Он был партийным и очень гордился этим, часто ездил на собрания в город, в посёлки Чёрная, Красное. В стойбище всегда был занят работой: делал изящные нарты и ладные хореи, ремонтировал

упряжь; по оленеводческим делам ездил в другие стойбищам.

Мама, как истинная хозяйка чума, всегда поддерживала отца, жили в согласии и любви.

Пока был жив мой отец, жила наша большая семья в достатке, стадо оленей паслось на бескрайних просторах Большеземельской тундры. Было всё, что необходимо: нарты ездовые и грузовые, тёплая одежда, просторный чум. Отец был истинным тундровиком, который привык трудиться, добывать пропитание для своей семьи и вести себя с достоинством. У него в упряжке по пять-шесть оленей, для каждой поездки подбирались олени по масти: белые, пятнистые, красноватые, серые, чёрные. Для гонок он готовил специальную упряжку: быstroногих хабтарок – бездетных оленей.

Отец имел гордую походку, ходил, подпоясанный ни – широким ремнём с роскошными медными украшениями. Носил красивую тёплую одежду и обувь, которую шили умелые и мягкие руки мамы. У него были добротные подер” – упряжи с большими колоколами. Всё папа мастерил сам.

Отец наш был с добрым, красивым лицом, стройным, высоким, общительным, жизнерадостным, беспокойным, равнодушным к проблемам людей.

Были у папы рыболовные сети, которые ремонтировала бабушка Лукерья. Имелась у нас деревянная лодка, которой пользовались, когда ловили рыбу неводом мужчины стойбища на рыбных

озёрах. А главное, наш тёплый и большой чум – наша крепость!

Бабушка

Мою бабушку Лукерью Семёновну Валея в тундре уважали, а недобрые люди побаивались. Была она справедливой, мужественной, сильной, доброжелательной, с широкой душой и добрым сердцем. Она умела предсказывать погоду, через разные приметы заговаривала болезни, например, пупок на место ставила, лечила зубы. Она была набожной, перед сном всегда молилась и меня учила, на груди у неё был большой серебряный крест. После смерти бабушки мама отдала его мне. Я очень берегу эту святыню, приложу к сердцу, мне сразу станет легко, хорошо, тепло. К моей бабушке приезжали за советами, она хорошо разбиралась в людях, прекрасно знала коми язык и могла общаться на ломаном русском языке. Во время кочёвок пела мне ненецкие эпические песни сюдбабцы и ярабцы. С волнением рассказывала о далёкой жизни нашего рода, о богатых коми-оленеводах, которые тайно жили с ними в стойбище. Моя родня их тщательно скрывала. У этих коми-оленеводов личных оленей уже не было, всё нажитое добро отобрали, раздали «бедным» и «нищим», значит, тем, кто не хотел добросовестно трудиться. Несправедливо! Честные люди не понимали этого. В моей детской голове

это не укладывалось, но я понимала, что с людьми поступили очень жестоко.

Бабушка не очень любила вспоминать и тем более рассказывать об этом страшном времени, по лицу её текли крупные слёзы, она их смахивала рукой. Я гладила её тёплые руки, чёрные волосы, хотелось её успокоить. В этот момент считала себя взрослой, хотелось дать бабушке защиту. Как ей было тяжело жить с такими воспоминаниями! Мне казалось, что об этом знаю только я, никому не передавала наши секреты. В маленькой сумочке - тучейке у бабушки хранились блестящие денежки, мне разрешалось ими играть, когда мы были одни. Бабушка сетовала: эти деньги в магазин не отнесёшь, на них ничего не купишь. Это была горькая правда, которую тоже пережили.

Голос бабушки был мягким и тихим. Тёплая рука её перебирала мои тонкие косички, я внимательно слушала её неторопливую речь. От бабушки я знала, что бумажные деньги сожгли, а часть золотых и серебряных монет дедушка «бросил», а место это только он знает да бабушка. Вряд ли кто их найдёт. Бабушка считала, что деньги принесли много горя тем людям тундры, у кого они были.

Из истории знаем, что Север привлекал всех своими богатствами. В свою очередь северяне были заинтересованы в изделиях из железа и меди, сукне и других товарах, что способствовало развитию торгового обмена. Купцы везли в тундру муку, сахар, сети, железные изделия – топоры, ножи,

металлические наконечники для хореев, ружья, а также огненную воду – спирт и водку, другой товар: табак, ткани, сукно, женские медные украшения и бусы из стекла, медные тазы и рукомошники. В обмен купцы получали от северян пушнину, рыбу ценных пород, птицу, олени шкуры, оленину. Но не всегда меняли, иногда и продавали ненцы свой товар. Теперь-то знаем, что это были трудовые деньги наших зажиточных тундровиков. Добросовестные оленеводы работали для своего блага, растили и пасли своих оленей, воспитывали и берегли своих детей, свою семью. Жили наши предки тогда в тундре хорошо, спокойно и уверенно. Думали, что всегда так будет.

А потом наступили трудные времена, началась коллективизация. Стали богатых людей увозить в тюрьмы, многих преследовала новая власть. Невинные люди пострадали за своё, честным трудом нажитое добро. И дедушку Сясько Вася – Василия Ивановича Пырерко – посадили в тюрьму как врага народа. Были завистники, которые донесли властям, что у него две жены, он богат, имеет большой чум и скрывает «богачей». А новая власть никого не жалела, приказ есть приказ! Вот почему дедушка был всегда печальный, молчаливый, не было радости в его больших чёрных глазах. Сколько же пришлось ему пережить тогда? Он ни о чём не рассказывал. Только после его смерти я узнала некоторые подробности от бабушки, мамы, тёти Дуси, других родственников.

Тётя Дуся

У мамы как хозяйки большой семьи всегда много работы в чуме. Её подругой и помощницей была робкая тётя Дуся, сестра нашего отца. Родились мои младшие сёстры и братья, для них надо было шить тёплую одежду и обувь, выделывать шкуры, готовить пищу, стирать. У женщин в тундре всегда много работы.

Мы с тётей Дусей ездили за дровами, вместо бабушки дежурили весной в бычьем стаде. У тёти Дуси была очень вредная собака по кличке Буро. Стадо спокойно отдыхает, а Буро бежит к оленям, всех пугает. С тётей кричим, зовём непослушную собаку, а она прячется в чум. Ведь настоящая-то оленегонная собака не забегает в центр стада, а должна работать только по его краю. Хорошо обученная собака может активно и успешно собирать оленей, когда они широко расходятся и неохотно возвращаются к стаду. По команде оленевода собака должна бежать к оленям, прекращать работу после отзыва хозяина. Но наша Буро была ещё молодая, поэтому не особо хорошо обучена. С тётей Дусей нам вновь приходилось собирать напуганных оленей.

Во время дежурства мы всю ночь не спали, ели спелую бруснику, искали гнёзда птиц. Миловидная тётушка рассказывала про школу, что она хорошо училась, любила петь, читать стихи. Мне было жаль молодую тётю за то, что ей не довелось продолжить обучение, но так решила бабушка.

Когда мы оставались в чуме с мамой и тётей, они нам пели забавные русские песни о молодом парне, весёлые частушки, рассказывали о том, как учились в Варандейской школе. Вспоминали случаи, когда над посёлком низко пролетал немецкий самолёт. Было очень страшно, воспитатели их быстро прятали в помещении интерната, чтобы на улице никого не было видно. В это голодное и холодное время все дети носили свою тёплую одежду (малицы и паницы), жили дружно, прилежно учились грамоте.

Дедушка, бабушки и крёстная

О том, что у бабушки Лукерьи моей не было своих детей, а мой отец был её приёмным сыном, я тоже узнала от мамы. Нельзя в тундре без детей, дети – помощники родителей, продолжение рода, опора в старости. С согласия бездетной супруги дедушка взял вторую жену (племянницу жены). Вторая жена Варвара родила дедушке шестерых детей. Моя бабушка взяла первенца – моего отца – на воспитание. Наш отец всегда бабушку Лукерью называл своей мамой. А я тоже в семье первая родилась, поэтому бабушка меня взяла на воспитание.

У нас в чуме был свой уголок (сея' няңы), свой с яркими цветами балаган, свой аргиш из четырёх грузовых нарт. В солнечную погоду мы проветривали и перебирали вещи: иконы, сарафаны, яр-

кие шёлковые платки, отрезки тканей, красивые с позолотой чашки с блюдцами, разноцветное сукно, выделанные шкуры, медные украшения для ложных кос... В передней части нарты – вандако стоял большой деревянный сундук с двойным дном, обшитый нерпичьей шкурой. Там жила, наверно, хранительница нашего рода Пыря' хадако. Бабушка сама с ней общалась, никто никогда её не видел, не трогал.

Дедушка с бабушкой Варварой жили с другими детьми на другой половине чума. Дедушка был молчаливый и безобидный, послушный. Бабушка Варвара была очень маленького роста, болезненная, сильно кашляла. А бабушка Лукерья казалась мне великаном, была выше дедушки. Дедушка никогда не перечил ей, во всём слушался, видно, побаивался.

Мы с бабушкой Лукерьей ездили по стойбищам, часто в гости к коми-оленеводам, за продуктами в посёлки Чёрная, Носовая, Фариха, Куя, Просундуй, Пылемец, Лёждуг, ловили сетями на озёрах и речках белую рыбу: сига, хариусов. Я уже тогда знала, что нашему роду нельзя есть пыря – шуку. Наш род Пыря – подобный шуке. Живых шуков отпускали обратно в воду, мёртвых бабушка закапывала в землю, просила у них прощения. Женщины стойбища не чистили и не резали шуку.

С бабушкой весной охотились на куропаток – способом Һамдалкова – на чучело куропатки, караулили оленей в стаде. Помогала нам ласковая и

преданная собака Ливка, которая громко лаяла на быков, словно их ругала.

В Носовой жила моя крёстная мать, гостеприимная русская женщина Анисья Аксёнова. Жила она в своём большом доме, у неё всегда была вкусная рыба.

Она подарила мне маленькую красную чашечку с блюдцем в горошек. Я любила из неё пить чай, очень берегла подарок крёстной. С бабушкой для крёстной мы привозили мясо, олени языки и ножки на студень, меховые тапочки. От неё увозили много рыбы, мороженое коровье молоко, репчатый лук. Бабушка очень любила репчатый лук, а во время кочёвок хранила за пазухой, чтобы не поморозился.

Никогда во время поездок в посёлок бабушка не употребляла спирт, не бывала пьяной. Если даже с крёстной выпивали бражку, то уж в меру. Бражка была вкусная, сладкая, мне бабушка разрешала выпить немножко, но об этом никто не знал в нашем чуме. При луне мы возвращались в свой чум, бабушка была в хорошем настроении. Всю дорогу пела грустную песню – ярабц, о женщине, которая погубила своего любимого мужа, с которым жила хорошо, всё у них было, но не было у них детей. Стала она жить с нелюбимым, который убил её мужа и обещал ей кучу детей. Детей у них было много, а радости и счастья нет. Нажитое с любимым мужем богатство улетело, словно осенние листья.

В стойбище нас всегда ждали, в чуме было тепло. Дедушке привозили огненную воду – спирт, бабушка Варвара натирала спиртом больную грудь, чтобы прошёл у неё сильный кашель.

Всем стойбищем руководила моя бабушка. Я всегда чувствовала её защиту, поэтому не всегда слушалась, была капризной, но слово бабушки – для меня закон. Дедушка был со мной строг, бабушке делал замечания, что она слишком балует одну меня, не учит меня шитью. Да и не помню, чтобы бабушка сидела за шитьём.

Красивые куклы – нухуко – у меня были, сшила их для меня мама, тётя Дуся. В плохую погоду мы играли в чуме с сёстрами Любой и Таней. Также у нас у каждой была игрушка – резиновая обезьянка – няя’ тар”, купила мама в городе. Но больше всего мне нравилось быть с бабушкой, я была её хвостиком, мне нравилась та работа, которой занималась бабушка, хотелось вместе с ней ловить и чистить рыбу, ездить по стойбищам, быть в стаде.

В годы моего детства, в тундре, мне всё было привычно и знакомо. Жила среди своих родных беззаботно, радостно. У нас была дружная большая семья, я была любима, обо мне всегда заботились. С бабушкой, родными, всегда говорили на ненецком языке, хотя взрослые члены семьи знали и разговорный коми.

Я гордилась своими дорогими родственниками, которых очень любила, богатством нашей семьи:

своими оленями, нашей с бабушкой упряжкой, тёплым чумом, изящными нартами, красивой одеждой. Лучшего мя” – жилища не могла и представить. Думала, что всегда так будет! Что не зарастут бурьяном древние мюслава’я” – дороги-ворги моих родных, вечно будет их освещать полярное солнце и луна в ночи. Моё безоблачное детство, когда я была самой счастливой на просторах нашей Большеземельской тундры...

ЛИКБЕЗ В ОБЩИНЕ «ЯМБ ТО»

Семейно-родовая община «Ямб то» («Длинное озеро»), состоящая из тридцати семей, кочует в Большеземельской тундре на обширной территории от Урала до Воркуты. Община сохранила ненецкую культуру и уклад жизни предков, который бережно передаётся из поколения в поколение. Частники-оленоводы избежали в период коллективизации обобщения своего имущества. До 1992 года единоличники жили самостоятельно, в изоляции от общества, не получая медицинской и социальной помощи. У большинства членов общины даже не было документов, удостоверяющих личность. Их дети не учились в школе, мужчины не несли воинскую службу. Семьи единоличников кочевали круглогодично, запасаясь в посёлках необходимыми продуктами: чаем, мукой, сахаром, маслом. И снова в тундру – кочевать, пасти своих оленей, находить для них корм – ягельные пастбища. Однако в сложные 1980-е годы, с введением талонной системы распределения товаров, единоличники утратили возможность снабжать себя через магазины – они ведь нигде не числились! Пришлось решиться на юридическую регистрацию общины, – это дало возможность при сохранении самостоятельности в кочевом образе жизни и

выпасе оленей получать материальную поддержку от Администрации Ненецкого автономного округа. Единоличниками оформили свидетельства о рождении, паспорта, прописку, социальные пособия чумработницам и оленеводам.

Идея обучения кочевников «на дому» не нова для России, не нова и для нашего округа. И. П. Выучейский – заместитель председателя окрисполкома в 1930-е годы, предлагал проект организации кочевой школы и разрабатывал программы обучения для детей, которых не привозили в школы-интернаты. Всё продумано с заботой о детях и их родителях. Кочевали по стойбищам «красные» чумы, в которых работали учитель, медик, киномеханик, свой оленевод-пастух с женой-чумработницей. Я думаю, что это было правильное решение. Благодаря такому обучению в нашем округе сохранялись ненецкие традиции.

Но времена меняются, и вот почти все дети оленеводов вынуждены учиться в школах-интернатах, в отрыве от семьи, родного стойбища, своей культуры, языка. Трудно, тяжело ребятам. Потихоньку отвыкают от своих корней, от образа жизни, после учёбы многие не хотят отрываться от удобных условий, возвращаться в тундру. Такой парадокс.

Единоличники же раньше детей никогда не учили. Но даже они понимают, что надо учить тех, кому учёба даётся легко. Если ученику не дано это, пусть он пасёт оленей за себя и за брата. А способный ученик пусть работает с учителем: читает, пишет, учит русский язык. Так говорил лично мне мудрый Григорий Васильевич Окатэтта (Нокрета) – оленевод-частник общины «Ямб то», отец четверых детей. Но это было уже после, а пока....

В марте 1994 года антрополог из Университета города Тромсё Ивар Бьёрклунд приехал в Большеземельскую тундру. Он начал полевые работы среди оленеводов-частников общины «Ямб то», жил у них в стойбищах, попытался проследить историю развития их отношений с обществом.

В 1995 году в Баренцев секретариат от Ивара Бьёрклунда поступила заявка на финансирование проекта «Образование для выживания» по созданию летней кочевой школы для общины. Прекрасная идея: иностранец неравнодушен к судьбе наших сородичей!

Проект был поддержан, партнёрами выступили: со стороны Ненецкого автономного округа – Комитет по делам народов Севера окружной Администрации, с норвежской стороны – музей города Тромсё (Норвегия).

Соглашаясь на работу в кочевой школе, я, как и многие жители округа, совсем мало знала об общинниках. Но всё же слышала от тех, кто к ним ездил в командировку вместе с Иваром Бьёрклундом

через Воркуту на вездеходах: Ирины Леонидовны Ханзеровой, Юлии Алексеевны Талеевой, Ивана Ефремовича Евсюгина, Галины Анатольевны Артеевой. Эти разговоры вызвали во мне чувство уважения к кочующим труженикам Большеземелья. Видно, крепкие духом эти частники-олeneводы, раз сумели выжить и сохранить традиции, обычаи, родной язык наших предков и оленеводство как основу самой жизни.

Подготовка к работе в кочевой школе

Итак, 1997 год. Учителей для работы в летней кочевой школе набирали знающих ненецкий язык. Вот и я дала согласие! Наверно, смогу, ведь я выросла в тундре. Да и не на год еду, а всего на один летний месяц: прекрасная пора года. Так я рассуждала. И совсем забыла, что места, где живут-кочуют оленеводы-частники, находятся у моря Карского, а там туманы, холодные, пронизывающие ветра, дожди.

Решено, что работать учителя будут в две смены, по четыре учителя в каждой. Первая смена будет работать с 25 июня по 30 июля, а вторая – с 30 июля по 29 августа.

Я решила работать в первую смену. А Серафима Петровна Дуркина, моя подруга Сима, двоюродная сестра, решила работать во вторую. Вот умница, чувствовала, в какое время надо ехать работать к частникам-олeneводам!

При встрече с Симой, после её работы в общине «Ямб то», она рассказала, что в тундре было тепло, но лёд на некоторых озёрах так и не растаял. Она восхищалась своими прилежными учениками, своей жизнью в просторном, большом, тёплом чуме с яркими балаганами. Ей молодые хозяйки дали новый красивый балаган, где она спала на мягкой перине. Проводили банные дни, она стирала и вешала своё бельё около чума.

Хвасталась изобилием морской рыбы – омуля, гольца. На их столе каждый день была омулёвая икра. Её хлопотливые ученицы делали котлеты из оленьего мяса, много было и гусяного мяса. Она их научила делать печенье. Да, не жизнь, а сказка! Наверно, она жила в тех стойбищах, которые оставались за рекой Талатой. Ведь их группу учителей сопровождали Ивар Бьёрклунд и Людмила Истомина, главный специалист комитета по международным связям, член Регионального комитета, руководитель проекта. Они-то знают, в какие стойбища надо ехать, были уже в этих местах. Я очень рада за коллег, которые работали во второй смене. Неужели в тех стойбищах так живут богато? Возможно, среди частников вполне могут быть зажиточные семьи. Ведь они сумели убежать за Уральские горы от коллективизации. А изобилие рыбы, икры, гусятина? Это понятно: оленеводы – исконные охотники и рыболовы.

Много икры я раньше ела, когда с бабушкой жили около рыбных озёр, проверяли сети, чисти-

ли, потом солили. Приезжал отец за рыбой и увозил в чум. Ещё омулёвой икрой нас досыта угощала мама, когда работала на рыбучастке «Ольховый куст». Ой, сколько рыбы было! Диво дивное! Богатство матушки-Печоры! Кормилица всех северян – наша чудная река Печорушка, многоводная наша красавица!

Вот и другие учителя второй смены довольны, встретила Галину Григорьевну Тайбарей, она на будущий год мечтает снова о работе в общине. Надо съездить на следующий год поработать, но это будет продолжение истории летней кочевой школы «Ямб то» в общине у частников-оленовдов, второй год работы.

А пока поделюсь своими воспоминаниями о первом годе работы в летней кочевой школе в общине «Ямб то».

Перед отъездом Людмила Васильевна Лаптандер провела совещание с нами, учителями. Людмила Васильевна – заместитель главы окружной Администрации по национальным вопросам, член рабочей группы по вопросам коренных народов Баренцева региона – выдала нам рюкзаки, палатки, медикаменты.

В управлении образования получили учебники, школьные принадлежности, классные журналы, программы. Специальные программы для кочевой школы были подготовлены Розой Ивановной Канюковой, она в те годы работала в управлении образования.

Амдерма – лежбище моржей

Завтра летим в Амдерму, бывший посёлок городского типа, в самую восточную часть округа. В советские времена там жило и работало до десяти тысяч человек. До наших дней дошло предание о происхождении названия посёлка. Однажды плывший на лодке охотник-ненец увидел на побережье Карского моря огромное лежбище ластоногих. Восхищённо воскликнул: «Њамдерма!» («Лежбище моржей»), он привёл сюда своих сородичей, которые поставили на берегу чумы, образовали стойбище. С той незапамятной поры это местечко так и называется – Амдерма, а этимология топонима вошла в Большую советскую энциклопедию.

Посёлок был основан в 1933 году и с той поры успешно обеспечивал освоение Северного морского пути, защиту северных рубежей нашей Родины. Шло обслуживание трансарктических воздушных трасс, здесь был лучший аэродром за Полярным кругом, способный принимать самые тяжёлые самолёты.

История посёлка – это история освоения нашей страной Крайнего Севера. Основанный для разработки месторождения флюорита, посёлок постепенно превратился в один из самых значительных населённых пунктов на трассе Северного морского пути.

Мне посчастливилось побывать в первый раз в этом посёлке в мае 1968 года с молодёжным

танцевальным коллективом «Хаяр» («Солнце»), тогда наш ансамбль с гастрольями был в этом именитом посёлке.

Вспоминаю, что если смотреть со стороны аэропорта, находящегося внизу, на берегу моря, посёлок казался очень красивым. Дома рядами спускаются к морю. Помню, что очень было много народу: по посёлку ходили стройные солдаты, строгие офицеры в шинелях гуляли с модно одетыми жёнами. Посёлок тогда процветал: не сравнить с нашей столицей округа, где были деревянные дома и деревянный тротуар. А здесь – многоэтажные кирпичные дома, магазины, полные товаров, изобилие разных продуктов, даже есть фрукты и овощи.

Вот так чудеса! Для нас этот посёлок был красивым городом, ведь мы тогда дальше нашей столицы не ездили. В магазинах мы ничего не покупали, наверно, денег не было. Учились с Симой на первом курсе педучилища, стипендия была шесть рублей. Фольклорной группой «Хаяр» умело руководила Евгения Андреевна Соболева, обладательница красивого голоса, у неё был особый талант к ненецким песням, на репетициях с удовольствием слушали песни в её исполнении. Она была скромная, спокойная, очень добрая, с мягким характером. К ней относились с особой любовью, как к старшей сестре, разговаривали на ненецком языке, после репетиций с Симой пили у неё чай. Её муж, симпатичный, высокого

роста, Валерий Антонович Пырерка хорошо знал нас, бывал на наших репетициях, всегда шутливо говорил нам: «А, сестрички пришли. Проходите, как учёба, сколько песен разучили?»

Я и знать не знала, что у нас одни корни: Пырерка. Он-то, наверно, знал, кто мои родители, родственники, кто увёз его отца Антона Петровича с маленькой сестричкой в посёлок Ёкушу. Никогда об этом он не вспоминал, хотя об этом он пишет в своей книге «Пыреркахат нэда ненэць» («Человек из рода Пырерка»). Они очень порядочные люди, так тепло относились к нам, студенткам, словно родные.

Художественным руководителем ансамбля «Хаяр» была известная в округе Евдокия Ефимовна Хатанзейская, очень строгая, но справедливая, хорошо знала коми язык. Мы её уважали, на репетиции не опаздывали, боялись, слушались. На репетициях было весело и шумно, все поддерживали друг друга, помогали в мастерстве, в танцах и песнях. Репетиции были в Доме культуры. Ставил с нами танцы балетмейстер из Архангельска Борис Иванович Данилов. Ездили с концертами по округу, выступали на всех торжественных праздниках в городе.

В Амдерме во время поездки в день давали по два-три концерта в разных коллективах, воинских частях, возили нас на вездеходе, на автобусе. Обедали всем коллективом в ресторане Дома офицеров. Мы были в первый раз в таком заведении,

восхищались посудой, белоснежными скатертями, фартуками официанток, их манерами, как они разносили блюда с едой. Статная певица с красивой причёской в блестящем платье громко пела эстрадную песню, для нас многих всё, что мы видели, было как в кино.

В коллективе «Хаяр» были те, кто уже работал в разных организациях города. Тех, кто работал, Евдокия Ефимовна отпустила на танцы в клуб «Морьяк». А мы с Симой остались в гостинице, наблюдали из окна своей комнаты. Светило ярко солнышко. Было на улице очень тепло. По посёлку с журчанием несли свои воды маленькие ручейки. Проезжали грузовые машины, из-под колёс летели брызги воды. Прогуливались офицеры с жёнами и детьми. Кучками ходили солдаты. Мы жили в одноэтажной гостинице барачного типа, но для нас она была самой шикарной. Ведь в других посёлках мы всегда ночевали в клубе. Прекрасные были времена: мы были молоды, красивы, полны энергии, и казалось, что всё прекрасно вокруг!

Была в Амдерме во второй раз 1 июня 1990 года, прилетела на спецрейсе окроно, на вертолёте. Привезла Степаниду и Егора Валеевых, которые учились в школе-интернате шесть лет. В школе думали, что они сироты, но потом выяснилось, что у них есть родители, частники-оленоводы общины «Ямб то», которые кочуют летом в районе Амдермы.

В нашу школу было сообщение из сельского совета посёлка, что родители просят привезти ребят весной в Амдерму. Меня направили из нашей школы сопровождать ребят. Прилетели в посёлок, но к вертолёту, к сожалению, никто не пришёл встречать детей. Очень расстроилась, мне пришлось из-за этого остаться в аэропорту. С опечаленными ребятами отправилась в администрацию посёлка, объяснила ситуацию, чтобы помогли найти родственницу, с которой договорились родители ребят, чтобы до их приезда ребята жили у неё. Родственницу нашли, была на работе, написала расписку о приёме ребят. Жила она в стареньком бараке, очень скромно, напоила нас чаем, поговорили об оленеводах-частниках, что они к концу месяца должны подъехать к посёлку. Разглядывать посёлок было некогда, вечером должен прибыть рейсовый самолёт из Архангельска. Я вновь пошла в администрацию, мне выписали командировочное удостоверение. Попросила секретаря, чтобы помогли мне улететь в Нарьян-Мар, потому что утром в аэропорту кассир мне строго сказала, что «билетов нет, амдерминцы летят в отпуска на Большую землю».

Приехала в аэропорт, в аэропорту было оченьлюдно и шумно: кто-то встречал, кто-то провожал своих друзей или родственников. Люди весело разговаривали, шутили, настроение у всех приподнятое, все с билетами на самолёт. Работал буфет, был большой выбор продуктов, стояли столики, но ни-

кто ничего не покупал. Только я с любопытством разглядывала продукты. Симпатичная буфетчица любезно предлагала печёное, но я купила сухое печенье «Мария», малиновое варенье, мёд, конфеты. Ведь у нас в столице дефицит этих продуктов, талонная система.

Погода была тёплая, солнечная, зеркальная гладь моря, её синева, радовали глаз. Задержки рейса не было, вовремя прилетел самолёт, началась регистрация билетов. Только я жду, волнуясь, стою у кассы. Вот кассир пригласила меня к окошку кассы и выписала мне билет. Как мне повезло, прилетела на вертолёте, а улечу обратно на самолёте, было оставлено одно место для администрации посёлка. В самолёте все места были заняты, много было детей, жизнерадостные пассажиры, довольные, что летят в отпуск, громко разговаривали, шутили, смеялись.

Вот и Нарьян-Мар, из самолёта вышла только я одна, амдерминцы с детьми летели все до Архангельска, как они говорят, на Большую землю, к тёплому морю, кто-то к себе домой. Всем пожелала счастливой дороги, а я уже дома, в родном городе у Печоры, у реки!

Не зря говорят: «Бог любит троицу». Значит, в третий раз полечу в Амдерму, легендарный посёлок на краешке земли. Столько лет прошло, столько воды утекло, очень многое изменилось и в моей жизни, и в жизни округа. Мне нравится, что летим группой, привыкла всегда

жить в коллективе, не забывается то, что росла в интернате.

Первое впечатление после посадки самолёта на береговую полосу было едва ли не шоковым: зима-зимой, кругом лежит чистый снег, берег моря закован льдом, очень холодно, дует северный ветер с моря, падает сырой снег. Все, кто встречали самолёт, были одеты в зимнюю одежду, на головах меховые шапки. А кто улетал, тут же в аэропорту переодевались, оставляя тёплую одежду родственникам, надевали лёгкие плащи, туфли, они были в хорошем настроении, радовались, что уезжают.

Вот так встретил теперь посёлок Амдерма, а в Нарьян-Маре была прекрасная погода, солнечный денёк. Лето – самая прекрасная пора в тундре. Да, когда в жизни чёрная полоса, значит, так и будет везде! Мне стало горько, пришла в ужас, я ведь даже не взяла либты – меховые чулки, рукавицы, зимнюю шапку. Захотела мысленно сразу улететь обратно, но вспомнила совет мамы. Надо остаться, да и денег нет на билет, для чего деньги, если в тундре буду жить, а там нет магазинов. Люди, которые остались в аэропорту, были незнакомые, мрачные, видно, устали от долгой зимы, от капризов суровых природных условий.

Амдерминцы удивлённо на нас поглядывали, видно, для них не по сезону мы были одеты. Мы перетасили свои тяжёлые вещи на улицу. Все стали садиться в большую красную «Вахтовку», мы с большими неподъёмными сумками и рюкзаками

еле-еле протиснулись, стоим около выхода. До посёлка нам сказали амдерминцы, одна остановка, выйдете около посёлковой администрации, и недалеко от неё будет гостиница.

И. Е. Евсюгин, сотрудник комитета по делам народов Севера, сопровождал нашу группу учителей. Мы покорно поплелись за ним, сильный холодный ветер подгонял нас. Дошли до крайнего жилого дома, в последнем подъезде этого дома была гостиница. Было три комнаты, в комнатах по две кровати. Мы с Ниной Ивановной устроились в большой комнате, Елена с Татьяной – в средней комнате, а наш ясавай Иван Ефремович – в маленькой комнате с видом на море. В комнатах было прохладно из-за сильного ветра. Дом был деревянный, двухэтажный, кухня со всей кухонной утварью. О том, что нет в посёлке столовой, узнали в аэропорту. Как ни тяжело идти на холод, на сырость, но кушать-то хочется. Опять всей группой, съёжившись, пошли по посёлку в поисках магазина. Да и надо купить продукты в тундру, заказать хлеб, отметить командировочные удостоверения.

Ужасная погода, серый вид посёлка, пустые многоэтажные дома с разбитыми стёклами угнетали нас. На улице ни души, как говорят, в такую погоду хозяин собаку не выгонит на улицу.

Печальные мысли крутятся в моей головушке: сколько народу было в Амдерме, когда я в первый раз здесь побывала, жили хорошо, растили детей, есть прекрасные песни о посёлке, например,

у М. Пляцковского: «Амдерма, Амдерма, ты пятнышко родимое у Карского моря на обветренной щеке...». Оставили люди бедный посёлок, уехали на Большую землю.

Вот и мы спешим скорее уехать на просторы тундры, хотя там тоже неизвестность, но зато чистая природа, надеялись жить в тёплом чуме. Познакомились в гостинице с соседкой, она жила в соседней однокомнатной квартире. Она представилась нам бабой Любой, была очень болтливой, жизнерадостной пенсионеркой. Вечером она пригласила нас на чай, в её однокомнатной квартире было тепло и уютно, на стене висело много фотографий. За ароматным чаем мы разговорились, сообщили цель приезда.

От неё мы многое узнали о жизни посёлка и о том, что оленеводы не приезжали в Амдерму. Если бы кто приехал, весь посёлок уже узнал об этом. Потому, что частники-олeneводы останавливаются около магазина, продают оленьё мясо, меховые тапочки. Потом долго сидят на нартах, ждут, когда будет готов свежий хлеб.

Нас огорчили её слова: оленеводы лишены элементарных условий: вынуждены сидеть и мёрзнуть под открытым небом. Видно, говорливой соседке стало стыдно за свои слова, добавила, что некоторые оленеводы останавливаются у неё. Раньше она ездила с мужем к оленеводам в гости в чум, даже жила несколько дней в чуме. Баба Люба вздохнула, прекрасные были времена: они с му-

жем были молодыми, любили ездить на просторы тундры. Многие жители посёлка отдыхали на природе, ловили рыбу, собирали грибы и морошку. Она показывала нам фотографии разных лет, то с грустью, то с восхищением рассказывала о своей судьбе, о людях посёлка.

Жители посёлка были очень дружными, отзывчивыми, во всём помогали друг другу, каждый любил этот суровый, холодный посёлок. Жизнь в нём кипела, работал Дом культуры, проводились спортивные соревнования, отмечались праздники. Мы внимательно слушали нашу энергичную соседку. Видно, она хотела выговориться. Живёт одна, а тут такие гости из столицы округа! С грустью в голосе сказала, что скоро тоже навсегда уедет на Большую землю. Вот среди фотографий баба Люба нашла забавное фото. Вновь лицо её стало светиться. Протянула фото мне, на фотографии были белые медведи, которые, как собаки, валялись на снегу. Около них рядом стояли люди, любовались ими, кормили нежданных гостей. Баба Люба гордо сказала нам: «Хозяева Арктики – частые гости зимой! Они целыми семьями гуляют у моря, приходят в посёлок, дети играют с ними, люди кормят их. Они не трогают людей, а люди – их». От этих слов у меня мурашки по спине, лучше их только на фотографии видеть да в зоопарке на них любоваться. А здесь я не хочу встречи с такими «гостями». Очень «забавная» будет встреча! Ветер с силой стучал в стёкла наших окон, словно пугал нас. В гостях

у соседки хорошо, но надо идти в свою квартиру. Пора отдыхать, надеть тёплую одежду и скорее в постель.

А завтра будем ждать хорошую погоду, решим, когда в путь, в стойбище оленеводов-частников. Как они живут? Хотят ли учиться?

Всё уже приготовлено: куплены продукты, всё аккуратно сложено в коробки, в мешках хлеб и репчатый лук. Правда, только белый хлеб пекут для жителей посёлка, чёрного хлеба нет, обширный выбор продуктов. Строгая заведующая магазином М.А. Сушкова разрешила продукты оставить до утра в магазине, чтобы утром подъехать к магазину на вездеходе и загрузиться. Мы благодарны ей за заботу, очень культурная дама. Наш ясавэй Иван Ефремович оформил заявку на вездеход.

Вот настал день отъезда в тундру. Утром было пасмурно, перед отъездом вдруг вышло яркое солнышко, по небу плыли лёгкие облака. Стала ясная погода, дул слабый ветерок. Это нам подняло настроение.

Нас, учителей четверо смелых: Нина Ивановна Хыльма, Елена Гавриловна Ледкова, Татьяна Васильевна Расулова и я. Мы были оживлены, радостны, одеты в болоньевые пальто на ватине, в вязаных шапочках, на ногах резиновые сапожки. У меня одеты на двойные шерстяные носки, считали, что мы тепло снаряжены.

А вот наш проводник, ясавэй, в дорогу был одет в меховую шапку, тёплый комбинезон на меху, на

ногах сапоги бродовые большого размера, наверно, одел с либтами.

Мы все удивлённо переглянулись, посмотрели на его одежду. Нина Ивановна спросила у своего земляка, нашего проводника, с острова Колгуева: «Что, Ефремович, на Северный полюс собрался?» Он мило улыбнулся и, оглядев нашу одежду, спросил удивлённо у нас: «Разве вы не взяли паницы, либты, дождевики? Ведь в чуме будете жить, кочевать, будут дожди, туманы, да и дрова не всегда будут».

Он был в этих краях с Иваром Бьёрклундом, поэтому уже знал суровый климат у моря Карского. Но его слова для нас прозвучали как шутка. Лето впереди, какие холода! Приветливая Мария Александровна тоже удивлённо спросила нас: «Почему так легко оделись? Ведь не на юг едете, замёрзнете. Сколько будете ехать, неизвестно, ещё наверху вездехода будете сидеть, продует вас, да и ноги в таких сапожках замёрзнут. Возьмите хоть ватники (фуфайки)». Мы нехотя взяли поношенные ватники. А на брюки ватные брезгливо посмотрели, да были они очень велики, как никак громадные дяди их носили, а мы миниатюрные, просто крошечки.

Долгая дорога к чуму

Вездеход полон продуктов, мы уселись наверху, словно весенние птички пуночки, и радостно воркуем. Настроение прекрасное, едем в чум, на

работу! Наш железный «конь» медленно движется, брызжет вода из-под гусениц. Кругом видны снежные сопки, остаются полноводные ручьи. Чистота радует душу! Но вот уже подул холодный ветер в лицо, продувает насквозь. На берегу моря остались громадные глыбы льда и мрачный посёлок с пустыми многоэтажными домами.

Сразу после первой остановки мы надели поверх пальто ватники. Как хорошо, что рукава, длинные до пят, тут и рукавицы. Мне повезло, у ватника есть капюшон. Ура! Голова не будет мёрзнуть. Как мы вновь были благодарны чуткому вниманию совсем малознакомого человека! Есть люди, которые располагают к себе с первого взгляда, с первого слова, с первой встречи. Вот к таким людям относилась Мария Александровна. С ней было приятно общаться, ходила по магазину в белоснежном халате, с красиво уложенными светлыми волосами, говорила приятным голосом, сразу видно, что уважают её односельчане. Ох, если бы не её ватники, то превратились бы мы, наверно, в мёрзлые тушки. К вечеру стало ещё холоднее, лужицы стали замерзать, покрылись корочкой.

Наверху вездехода мы катаемся вместе с мешками сахара и муки, то вверх, то вниз. В поисках чума вездеход то тяжело поднимается на сопки, то спускается вниз. Долго едем вдоль берега многоводной речки, где бурлит свинцово-тёмная вода. Крутые берега реки покрыты снегом, нам надо её

пересечь, а где? Снова страх, я очень боюсь воды с детства. А теперь тем более, ведь вода студёная. Молодые коллеги совсем продрогли, сели внутри вездехода, к водителям. В тесноте, но в тепле. А больше нет места. Мы втроём сидим наверху, вертим головами, как совы, глядим вдаль. Где же стойбище?

Вот поднялись опять на высокую сопку. Но не видно ничего: только чистый снег блестит да небольшие проталинки, словно чугунные котлы, чернеют. Всё едем, едем, едем! У меня уже в голове плохие мысли, что никакой чум не найдём, хочется плакать, но, наверно, от холода нет слёз. Господи, что будет с нами, если не найдём чум?

Снова остановка, но мы уже с Ниной Ивановой не слезли с вездехода. Прижавшись друг к другу спинами, сидим, молчим, слушаем разговоры водителей. Мы уже почти не чувствуем ног, хотя стараемся шевелить пальцами. Сапоги стали как колодки, не сгибаются. От холода зубы у меня стучат, как у голодного волка, героя детской сказки. Наши лица выглядят, наверно, очень напуганными, сердитыми. Хорошо, что у нас не было близко зеркала, сами своего вида бы испугались.

Температура стала минусовой, но видимость хорошая. Это хоть радует. Вокруг белая мгла, лишь местами тёмные пятна, безжизненная тундра. Не летают куропатки, гуси, утки. Не помню, чтобы так летом было холодно. Ведь в детстве у нас всегда была тёплая, надёжная меховая одежда.

Вдруг водители увидели на склоне сопки большое чёрное пятно. Что это? Кажется, что-то там шевелится? Мы подняли головы, подтянулись на локтях. «Да это же чум, олени!» – воскликнул Иван Ефремович, который всю дорогу молчал. Переживал за нас, непутёвых, которые забыли проказы северного лета, а гордились, что выросли в тундре. Слава Боженьке, мы спасены! Да, это был одинокий маленький чум, около чума – небольшое стадо оленей. Видно, из чума тоже заметили нас. Пастух стал быстро гнать стадо оленей от чума за сопку, вместе с оленями скрылся с глаз. Наш вездеход направился к чуму, пересекли реку, там где проезжали аргиши. Остановились недалеко от крохотного чума.

Наш проводник bravо прыгнул с вездехода, а мы уже слезть с вездехода не можем. Так сильно околели ноги, пришлось падать на протянутые руки проводника – ясавэя. От моей тяжести он упал. Пришли помогать водители и весёлые коллеги. Они радостно потащили нас в сторону стоящих около чума людей.

Женщины с детьми стояли около чума, удивлённо смотрели, не подходили к нам. Наверно, не могли понять, откуда взялись незваные гости на ночь глядя. Да, со стороны картина была удивительная: люди, падающие с вездехода. Когда я сравнялась с людьми, стоящими около чума, успела охрипшим голосом промолвить: «Маня” сидда” тохоламбаванзь това”» («Мы приехали вас

учить»). Наверно, это было для них странным, что учителя в таком виде. Одна женщина тихо ответила: «Тида’» («Ну вот»).

Это была молодая хозяйка чума – Вера Григорьевна Ламдо. Как потом пояснила она, все очень испугались, подумали, что пьяные, если слезть с вездехода не могут, а падают, да одеты очень странно. А закон тундры – принять неожиданных гостей в любое время: обогреть и накормить с дороги.

Все зашли в чум, отогрелись, стали в тёплом чуме общаться, познакомились. Худенькая Марина Прокопьевна – золовка Веры Григорьевны – быстро подбросила дрова в печку. От тепла сапоги стали отходить, их сняли, оставили сушиться около печки. Марина молча подала нам либты.

Через некоторое время подъехал хозяин стойбища Николай Прокопьевич Ламдо. Он невысокого роста, молодой, лет тридцати. Молча обвёл всех внимательным взглядом, наверное, думал: «Кто такие, что их принесло в такое время года, для чего приехали?» Снял малицу и молча сел на своё место. В тундре у хозяина стойбища почётное место в передней части чума, даже дети знают об этом.

Вера спокойным, ласковым голосом сказала мужу: «Тохолкода” товы”» («Оказывается, учителя приехали»).

Николай поздоровался, улыбаясь, сказал: «Маня” мава”, тым’ ядаван харванаки”? Њадьбян-

да тын' хэвня' мертёвна танэян» («Мы подумали, что по оленям будут стрелять, поэтому угнал побыстрее стадо от чума»).

Это была молодая семья Ламдо, у них было три сына: Косте – семь лет, Коле – шесть лет, Яше – один годик. Разговорились с Николаем, попили горячий чай.

Надо было на первом педсовете решить, куда дальше ехать. Ведь тут останется только один учитель. Пожелала остаться уважаемая Нина Ивановна. Будет работать в этом чуме, у неё будет четыре ученика.

Вдруг я вспомнила о ребятах, которых привозили от частников-оленеводов в школу-интернат учиться. У хозяйки чума спросила: «Вера, тюку яхад невхэна сидя Һацекем' маня" школахана" тоходанванзь тавыць. Нюмди': Степанида няби Егор. Тарцям' нисян намд?» («Вера, когда-то из общины «Ямб то» привозили двух ребят в школу-интернат учиться. Слышала об этом? Их звали Степанида и Егор»).

Она радостно воскликнула: «Ювэй, тикы мань няхаюн'. Теда' небян', нисян' хэвхана иленаха'. Мято' нядна" хахаись, харвабта ямданахыд" Пыдо' мякдандо' Степан турңась". Ям' тенаванаси", мядм' луцаха' ниди' хоңгу» («Да, это мой брат и моя сестра. Теперь они живут с родителями. Их чум находится недалеко, может, они перекочевали на новое место. На днях приезжал к нам брат Степан. Без проводника –

знатока местности вряд ли водители вездехода найдут чум»).

Хозяйка чума была разговорчивая, а муж её всё молчал. Её золовка молча разливала чай, ни единого слова не промолвила, словно немая. Сразу стало ясно, что здесь первое слово за хозяйкой чума. Тогда я предложила, что буду работать в стойбище её родителей. Там есть мои бывшие воспитанники: Степанида и Егор. Вера уточнила, что они вместе с родителями живут, всего четыре её брата да сестра Степанида.

Надо опять собираться в дорогу. Вдруг Вера мне предложила остаться в её чуме. Потом сама увезёт меня в чум родителей. Как я ей была благодарна! Будто она прочитала мои мысли, мне уже никуда не хотелось уходить из тёплого чума. Пусть чум был маленький, дымный. Но я знала, что это жилище наших предков, около оленеводов не пропадёшь. Это не вездеход, который может сломаться, без бензина – никуда. А пешком далеко не пойдёшь. И куда пойдёшь? Оленеводы на одном месте весной долго не живут, кочуют в сторону летних пастбищ.

Природа тундры сурова для тех, кто не знает её законов. Удивительно, как рискнули водители вездехода ехать на одном вездеходе? Видно, были уверены, да и Иван Ефремович выражал спокойствие, говорил, что чум должен быть близко. Это должен быть чум Г. В. Окатэтты, потом уже узнаем, что теперь они Нокреты. Так рассуждали с Ниной

Ивановной, когда остались в тёплом чуме, около добрых людей.

А за чумом была холодная и мрачная ночь, опять неизвестность. Сколько снова надо плутать по тундре, чтобы найти хоть какое-то жилище и отогреться. Вдруг наша добрая хозяйка решила отправить мужа ясавэем до стойбища. В тундре никогда человека не оставят без помощи, и это воспринимается как само собой разумеющееся. А там, со стойбища её отца, проводником поедет её брат Алексей. Он хороший знаток местности, который сможет найти другие стойбища, где оставят работать двух учителей. Так решили на первом педсовете: развезут учителей по стойбищам очень добрые и сердечные люди тундры, которые всегда помогут. «В этом году лето очень холодное, многие стойбища остались за рекой Талатой. Давно такого холодного лета не было. Очень тяжело оленятам, многие от холода погибли, нет корма для оленей, всё под снегом. На озёрах стоит лёд, только по краям есть вода, где сидят утки да гагары», – мелодично на ненецком языке сказал Николай Прокопьевич.

Вот наши девчата распределили продукты, всё разделили поровну, свои продукты вновь с водителями занесли в вездеход, а наши сложили на нарты. С коллегой были очень благодарны им, что они энергичны, шустры, быстры, не сникли, как мы. Может, им привычнее, ведь они работают на селе. А мы живём в городе, на всём готовом: ни воды, ни

дров, ни уголь заносить не надо. Отвыкли от физического труда: утром из дому ушли на работу – тепло, вернулись – тепло. Ведь с Ниной Ивановной на одной улице живём, дома с частичными удобствами, самые лучшие дома нашего города.

А в посёлках округа нет удобств, хочешь жить в тепле – занеси дрова или уголь, да и за водой не раз надо сходить в день стирки на реку или на колодец, если он есть в посёлке. В некоторых посёлках их нет.

Тепло попрощались с молодыми коллегами. Когда теперь увидимся, никто из нас не знает. Что ждёт впереди, в каких условиях будем работать? Слова благодарности нашему проводнику – ясавэю, водителям, которые смело вели свой вездеход только вперёд, не бранились, были терпеливы, уверены, что найдут стойбище. Им ещё предстоит долгий путь по бескрайней тундре, но с проводником не будет проблем найти чум.

Быстро вездеход скрылся за сопкой. А наша гостеприимная хозяйка приготовила нам, по тундровым законам, мягкую постель из новых оленьих шкур. Мы сразу уснули.

Первое знакомство с учениками

Рано утром младший брат Веры, Николай, привёз её мужа, тоже Николая. Когда мы проснулись, они уже пили чай. Застенчивый брат Веры сообщил, что проводником в вездеходе

уехал их брат Алексей. Все стойбища очень далеко остались, самое ближнее стойбище, может быть, И.С. Валея. Николай попил чай, уехал в свой чум, весной много работы в тундре, надо смотреть за оленятами. Молодые важеньки могут бросить маленьких оленят, ведь у них ещё нет опыта воспитания. Да есть в тундре песцы, которые рыскают в поисках мышей – леммингов, могут напугать маленьких оленят.

В первый день в стойбище погода была в радость: выглянуло яркое солнышко, на небе ни облачка. Пролетела над дальней сопкой большая стая гусей, искрился чистый снег, чернели проталины и тропы оленей.

За завтраком довольная Вера сообщила, что на двух упряжках поедет в гости в чум её родителей. Мне была приятна забота молодой хозяйки. Это из-за меня должны ехать в стойбище, я должна познакомиться со своими учениками, с родителями Веры!

Николай пригнал оленей к чуму. Оленей было немного, примерно четыреста голов, совсем мало оленят. Ездовых быков загнали в загон. Молодой хозяин завязал красивых оленей, запряг их в упряжки. За стадом и чумом будет смотреть Марина.

Вот и в путь, мы едем на оленях, как здорово! Сколько времени прошло, сколько воды утекло с тех пор, когда я ездила на оленях с любимой бабушкой Лукерьей. Меня везёт хозяин стой-

бища, а коллегу везёт хозяйка чума. Едем медленно, олени проваливаются в рыхлом снегу. Я люблю просторы тундры, громадными каменными сопками, стаями птиц, чистым белым снегом, который сверкает на солнце, словно горный хрусталь. Кругом бегут весенние ручейки со своими звонкими песнями. На душе спокойно, я вспоминаю своё детство, будто я еду со своей доброй бабушкой. И места кочевья словно те же, и в упряжке запряжено пять красивых оленей, только нет звонких колоколов, которые были в нашей упряжке.

Мои мысли разогнал громкий собачий лай. Со всем близко показался большой чум, где я буду жить и работать. Покрышка чума из оленьих шкур. Это хорошо, будет тепло в чуме.

Около чума видны две женщины, это Степанида и её мать. Остановились около чума. Две женщины, согласно традициям, подошли к нам, поздоровались за руку, познакомились. Сыновья сидели около грузовых нарт, работали. Капюшоны у стареньких малиц сняты, нет тканевых покрытий на малицах. У них одинаковые стрижки, под горшок, волосы смолисто-чёрные, они молча смотрели в нашу сторону. Медленной походкой Николай направился к ним, мужчинам стойбища.

А мы начали разговаривать о женских делах в чуме. Я стала интересоваться жизнью Степаниды: «Степанида, ты рада, что осталась в тундре? Не жалеешь ли о том, что не продолжила учёбу

в городе?» Она улыбалась, но ни на один вопрос не ответила. Может, рядом была мать.

Степенная Устина Егоровна сообщила, что они собирались кочевать, в руках держала бинокль. Муж её давно уехал к стаду, но не едет и оленей не собирает, а стоит около маленького озера, машет хореом, кого-то бьёт в воде, только брызги летят. И подаёт Вере бинокль, чтобы она посмотрела. Вера, посмотрев, даёт бинокль нам, но мне плохо видно. Видно, что ходит человек с хореом около озера, бегают собаки.

Неожиданно Егоровна с грустью в голосе говорит: «Харвабта нэвада вомдакы, нибтя сэвха”ната намгэхэвам’ маниенараха нэдакы? Вэнекомдов хадабадараханю?» («Может, с головой у него неладно стало или в глазах его кто-то показался? Вот собаку, кажется, стал убивать?») Наша хозяйка Вера испугалась этих слов, заплакала.

Мы молча стоим, не понимаем, что надо говорить в таких случаях. Мне тоже очень страшно. Как жить и работать в этом стойбище, если такое творится?

Устина Егоровна строго приказала сыновьям и зятю: «Сидя ханхана хаяда”, ня”мара”, Амдерман’ хана тара» («Поезжайте на двух упряжках, хватайте его, надо связать и увезти в больницу, в Амдерму»).

Нам стало плохо от слов Устины Егоровны. Мы пошли под горку, там я заплакала и стала Нину Ивановну уговаривать, чтобы попросила хозяйку

жить нам в одном чуме. Пусть они вместе поставят чумы, два чума будет в стойбище. Я буду целый день работать в чуме родителей Веры, а жить буду в чуме Веры с ней. Что-то вновь захотелось домой, в наш Нарьян-Мар...

Когда вернулись к женщинам, то услышали, что отца поймали, связали и везут к нам. От этих слов бешено стало колотиться сердце. Я спросила у Устины Егоровны: «Тарця взвако сер” танесеты»? («Бывали ли такие страшные случаи в тундре?»).

Она мне спокойно и уверенно ответила: «Хурка сер” яңгуда илевахана. Хибярим’ выңгана сале”мбада нохо, ты, вэнеко сякальць пирнада» («Что не бывает в жизни? Человека может дикий песец, олень, собака укусить»).

Мы со страхом все смотрели в сторону приближающихся упряжек. Никогда не видела таких «причудливых» людей, больных такой страшной болезнью. Господи, мне жутко страшно! И опять стала мысленно себя ругать: «Зачем приехала в такую даль, в неизвестность, что теперь будет, как работать? Ведь говорили, что там разные болезни есть. Частники – люди вольного нрава. Всю жизнь сами живут, кочуют, где хотят. Да и шаман среди них есть. Ведь жили они столько лет, никто их не учил. Хотят ли учиться? Спрашивали их об этом или нет? Боженька, помоги нам всё преодолеть!»

Вот подъехали упряжки, все направились в сторону чума. Среди них незнакомый человек странной внешности: капюшон малицы снят, руки дер-

жит за спиной, наверно, связаны. Длинные волосы заплетены в косичку. Молча идут в нашу сторону, я стою как вкопанная, стараюсь не смотреть на незнакомца. Он высокий, худощавый, подошёл к нам. Опустил руки, со всеми здоровается за руку. Его загадочная улыбка, его взгляд, заплетённая косичка: точно, это он – шаман общины «Ямб то».

Он, поняв наши вопросительные взгляды, спокойным голосом спросил: «Сейда” саць харедм’?» («Я вас очень напугал?») Вежливо пригласил всех в чум. У гостеприимной Степаниды накрыт давно стол, стали пить чай, есть очень мягко сваренное мясо.

У меня аппетита нет, настроение на нуле, попила чай, стала разглядывать внутреннее убранство чума. Внутри чума было просторно, но мрачно, балаганы были сшиты из тёмной ткани. Только у Степаниды балаган радовал глаз, фон ткани был красного цвета, на нём крупные полевые цветы.

За столом хозяева стали общаться: говорили о погоде, своих оленях, пастбищах, трудностях с оленями. Отец большого семейства повёл неторопливую речь с такими выражениями и понятиями, какие можно услышать у постоянных жителей тундры – настоящих носителей ненецкого языка.

Мы наслаждались красотой и богатством, ёмкостью и меткостью одного-единственного слова, которым можно выразить многое. Он лукаво улыбался, когда рассказывал о том, что произошло с ним у сопки. В маленьком, покрытом льдом

озерке, где только по краям была вода, вдруг он увидел гагару. Его собака стала заливисто лаять на птицу. Тогда он решил хореем ударить её, но она быстро ныряла в воду. Он не успевал гагару ударить, так увлёкся, что не заметил, сколько времени прошло. Видно, гагара была очень напугана лаем собаки, не могла взлететь.

Да и чтобы взлететь, надо было ей взмахнуть крыльями, набрать скорость полёта, ничего этого она не могла сделать, так как страшный для неё человек стоял рядом, махал хореем. И больше всего гагару – птицу печали и горя – пугала звонким лаем собаки. Да, очень забавная история, просто сказка. А подозрительная Егоровна опять поёт свою «песню»: «Нина һадыда нив һа» («Это ведь нечистая сила»).

Я тихо говорю напуганной Вере, что Нина Ивановна хочет предложить, как нам дальше жить и работать в стойбищах.

Моя коллега вежливо обратилась к матери большого семейства: «Нян саць сейда хая, һобт” мядода” мярбата” сава һэись» («Коллега моя сильно перепугалась, было бы хорошо, если вы встали одним стойбищем»).

Мудрый отец большого семейства Григорий Николаевич внимательно посмотрел на меня и неспешно сказал тихо: «Һэя, тарем’ тараңгу» («Ладно, сделаем так»).

Вдруг слышали шум приближающейся техники. Все вышли на улицу, к чуму подъехал вез-

деход. Мужчины направились к водителям. Мы с коллегой обрадовались, решили, что это Иван Ефремович вернулся с дальних стойбищ. Вот теперь-то поедem с ним в Амдерму, как нам повезло! После пережитого вновь с большим желанием захотели домой, в родной город на Печоре. Но это были незнакомые нам люди, привезли в стойбище Григория Николаевича сухой плавник. Видно, их хорошо знакомые, громко разговаривали, смеялись, шутили.

Мы расстроились, но был решён главный вопрос с учёбой. Братья Веры да её странные родители дали согласие учиться. Завтра они и мы будем кочевать на новое место, там поставим два чума. Это радовало, подняло мне настроение.

В душе восхищалась смелым поступком уважаемой Нины Ивановны и была ей очень благодарна. Ей тоже был неприятен загадочный отец нашей хозяйки. Пока мужчины громко разговаривали около вездехода, Степанида с матерью хлопотали в чуме, мы позвали Веру под горку.

На улице уже было прохладно. Там стали спрашивать её об отце: «Вера, Һамгэ нисянд' Һэбтада тарем' паҥгалпэй»?» («Вера, почему у твоего отца так волосы заплетены?»)

Вера важно ответила, что у отца всегда была такая причёска, она ему нравится. Он очень славный человек, знаток ненецких песен, добрый, любит детей. Беспокоится о многочисленных оленях – их богатстве! А про мать сказала, что она иногда вы-

пивает, поэтому Вера живёт отдельно от них. Есть у матери любимое чумовище, там оленеводы проезжают через их чум, любители выпивать. И она пьёт с ними, да и брат Алексей стал выпивать. Вера за него переживает. Хорошо, пока Степанида с ними живёт, ухаживает за братьями. Скоро она выйдет замуж, уже сватались к ней из рода Тайборей, родители дали согласие, осенью будет свадьба.

Вера рассказала, что раньше родители её мужа тоже сильно пили огненную воду. У них совсем мало оленей осталось, всё растеряли, сами рано умерли. Поэтому Вера и Николай решили совсем не употреблять спиртное: так жить намного увереннее, спокойнее, да и ребятишки растут. Такие слова приятно слышать, значит, мы спокойно будем жить, работать. Как нам повезло с учениками!

К нам подошла Степанида, вежливо пригласила пить чай. Ведь по тундровым законам положено в гостях дважды пить чай.

Хозяйка большого чума, гостеприимная Егоровна, была в хорошем настроении, сама хлопотала у печки, разливала крепкий ароматный чай по чашкам. Красивые чайные чашки все с блюдцами, оленеводы пьют чай из блюдец, сахар прикусывают, почти никто не ест конфеты, печенье. Длинный, низенький стол вновь накрыт, дымится горячее аппетитное мясо в больших мисках.

Два крупных краснолицых водителя из Амдермы сидели около хозяина чума. Они весело рассказывали о своих приключениях, как до-

бирались до чума. Ученики улыбались, вряд ли понимали, о чём идёт разговор. На их вопросы отвечал за всех тихий Егор. Он хорошо знает русский язык, учился в городе, грамотный человек, образование пять классов, шесть лет жил в столице округа. Тёплая атмосфера, весёлый разговор создавали уют в чуме.

Мы не захотели пить чай, сели около печки с другой стороны чума, стали греть ноги, которые успели замёрзнуть, пока ходили под горку.

Жизнерадостные водители предлагают нашему хозяину тоже подвезти дрова. Егор переводит ему, но он вежливо, к нашему удивлению, отказывается от дров. Наша хозяйка промолчала, хотя около нашего чума не было сухих дров, и тёмноволосая Марина топила печку маленькими ивами – неро. Вот почему в чуме было дымно и мало тепла.

Разрумянившаяся от горячего, ароматного чая Вера опрокинула чашку на блюдце, значит, напилась чая досыта, коснулась края стола, так принято у ненцев, значит, попросила разрешения выйти из-за стола.

Николай за ней как иголка за ниткой. Вера взяла в руки паницу, громко сказала жителям большого чума: «Маня” нэдалаңгуна”, хуняна’ мюсевндава”» («Мы поедем, завтра будем кочевать на новое место»).

Мы за своей хозяйкой вышли из тёплого чума. Следом вышли на улицу остальные, направились в сторону наших упряжек. По обычаю гостепри-

имных хозяев, надо попрощаться с нами, пожелать счастливой дороги. Один из шутливых водителей тактично спросил у нас: «Ну, как вам в чуме живётся, не замёрзли ещё? А одежда тёплая у вас есть? Кто в этом стойбище будет работать? Почему отказались от дров?»

Нина Ивановна сухо ответила, что здесь нам очень хорошо и тепло, встретились нам добрейшие люди, которые приняли как родных, пустили жить в своём чуме. Работать в этом стойбище будет Матрёна Ивановна. Здесь её воспитанники Егор и Степанида. А дрова нам привезут, хозяева съездят к морю на оленях. И, не взглянув на них, мы с ней важно уселись на свои нарты.

На двух упряжках поехали в свой чум, в чум Ламдо. Пусть маленький, дымный, но тёплый. Осталось далеко стойбище родителей нашей хозяйки. На высокой сопке белеет, словно белая лебедь, большой чум семьи Валеев. На горизонте видны большие камни, издали похожи на двухэтажные дома. Господи, откуда взялись эти громадины, словно айсберги?

Мы остановились, после небольшого отдыха вновь поехали. Олени в сторону чума неслись рысью, умные, знают, что в свой чум едем, что скоро их отпустят, что они отработали своё. К вечеру дорога была отличная, твёрдая, как асфальт.

Хозяин молчит, я размышляю, что же произошло в том стойбище. Да, интересные у меня будут ученики, но работать надо.

Горькие воспоминания хозяйки

Вот и маленький чум, который отогрел нас и приютил как самых дорогих и уважаемых людей. В чуме тепло, но темно, прикрыто верхнее отверстие. У молчаливой Мариночки готов чай, ждала нас. Тепло одетые дети играли около чума. После вечернего чая Вера с грустью в голосе стала рассказывать о своих земляках – оленеводах, их тяжёлой жизни: «Когда в посёлке было много военных, они по всей тундре вольно разъезжали на вездеходах. Могли близко проехать около стада оленей, обязательно без разрешения убить оленя, забросить в вездеход».

Какая жестокость! Даже после войны, когда наши оленеводы-солдаты гнали своих оленей через Архангельскую область, никто не осмелился попросить оленя на мясо, хотя люди голодали. Так говорили старики. Да и сами оленеводы были голодными, но на оленей смотрели как на боевых товарищей.

Выходит, что бедные частники-оленеводы жили в вечном страхе. Большим шоком была для них поездка за продуктами в Амдерму. Как увидят оленевода на упряжке, отовсюду бегут солдаты, все нарту облепят. Они не понимают того, что олени устали, упряжка ведь идёт издалека. Нарта трещит от тяжести солдат, и упряжка останавливается. Тогда они кричат, машут руками, хлопают оленей по спине. Несчастный оленевод не знает,

как им объяснить, ведь он не умеет говорить на могучем русском языке. Знает одно слово: «Нельзя!» Но солдаты хохочут, им весело. Для них олень – экзотика, оленевод – дикарь! Почему грамотные командиры не проводили работу с солдатами, что олень для оленевода – всё, без оленя нет жизни у оленевода?! Ох, коротка у них память! Про Великую Отечественную войну забыли, там олени были как бойцы на фронте.

Вот почему так быстро угнал своих оленей Николай! Нам-то понятна психология временщиков, они на нашей земле ничего не берегут, им здесь ничего не жаль. Где-то у них свои дома с дачами, где выращивают цветочки, фрукты и овощи. А судьба нашей малой родины их не волнует, приехали отработать да больше денег накопить. С какой радостью улетали на Большую землю. Может, даже лучше, что в посёлке мало осталось людей. Оленеводы наши спокойно будут жить. Будут множить стада оленей, новое поколение будет чувствовать себя хозяевами на просторах тундры. Жить без страха и унижения.

И теперь в посёлке терпят унижение: упряжки стоят около магазина, оленеводы продают мясо. Потом ждут открытия магазина, чтобы купить хлеб, сидят на нартах в любую погоду, даже с малыми детьми, как сказала болтливая баба Люба. Столько лет частники кочуют в этих местах, ни один руководитель власти посёлка не подумал о том, что надо для них иметь в посёлке маленький

тёплый уголок. Чтобы они с дороги могли попить чай, отдохнуть, пока ждут хлеб насущный. Мясо в посёлке все хотят, а к судьбе оленевода полное равнодушие. Обязательно надо решить вопрос с гостиницей, в Нарьян-Маре эту информацию сообщу в комитет Севера. Помогут ли?

А вот про вольности солдат баба Люба нам не сказала, может, ей никто из оленеводов не жаловался или просто не хотела говорить о неприятностях перед нашей работой.

По тундре катаются, как на легковых машинах, губят пастбища. Хрупкая тундра бессильна перед варварским наступлением гусениц вездеходов. А частники-оленеводы молчат, что им остаётся.

При нашей беседе говорила одна Вера, а Марина слушала, только кивала. Николай уехал на всю ночь к оленям, дети уснули сладким сном. Все вместе прогулялись под горку, постояли около чума, послушали песенку речки, которая угощает нас чистой водой, но долго не постоишь. К вечеру морозит, да и спать пора, завтра ямдать – кочевать на новое место. Будет два чума, хорошо, родители нашей доброй хозяйки дали согласие, что я буду работать в их чуме.

Интересно и горько слушать Веру, видно, она хочет высказаться, всё рассказывает нам, новым людям, чтобы помочь им в их нелёгкой жизни. Да, оказывается, вольная жизнь в наше время небезопасна. Время будет для разговоров, она нам ещё о многом расскажет. Надо расспросить

о религии, о мяд' пухуця – покровительнице рода, о тадебя – шаманах, об оленеводах-частниках, живущих в других стойбищах.

Из книг мы знаем историю наших народов в предыдущих веках, но не знаем, как мы будем жить в XXI веке. Что ждёт нас? Кем станут сегодняшние воспитанники школ-интернатов и дети наших частников? Будут ли они полезны нашему народу, своим семьям, которые всегда будут нуждаться в их поддержке: в духовной, материальной, социальной. Кто спасёт легкоранимую культуру северян? Возможно, многие факторы жизни сыграют свою роль в этом нелёгком деле, но, думается, что культуру спасёт сама культура, вернее, этнические традиции семьи. Мы сами должны спасти себя от деградации и вымирания, надежда только на себя.

Сила народной педагогики в воспитании подрастающего поколения основана на эколого-трудовых и других, не менее важных, традициях ненецкого народа. Они хорошо описаны в книге Валентины Артемьевны Ханзеровой «Народная педагогика ненцев». Авторитет родителей в ненецкой семье чрезвычайно высок и в наши дни. В семье преобладает воспитание на личном примере. Жизнь ребёнка с первых лет протекает в гармоничном мире природы. Родители являются образцом для подражания в трудовых семейных делах – всё это я вновь увидела в семьях оленеводов-частников.

Родной чум, множественные родственники, бескрайняя тундра, олени с ветвистыми рогами, долгие и дальние аршинные пути, нарты, верные друзья – тундровые собаки, птицы и звери, чистое небо – с этого начинается малая родина оленеводов.

Кочёвка на новое место

Утром, когда проснулась, через балаган вижу, что луч солнца играет в макодане. Значит, с погодой нам сегодня повезло, нет дождя, будет тепло во время кочёвки. После завтрака стали разбирать чум. Вещей у хозяев немного, опытные хозяйки всё уложили на грузовые нарты, перевязали верёвками. Наша помощь не нужна, да мы и не понимаем, что надо делать. Лучше не мешаться, ведь только хозяйки чума знают, на какие нарты укладывать вещи. У каждой нарты своё предназначение. Хотя это знаем, значит, не всё ещё забыто. В сторонке покрытые нюком-покрышкой лежат наши продукты.

Продуктов много, а нарт грузовых у хозяев мало, поэтому за ними поедет на другой день, с пустыми нартами – санным поездом наш хозяин и кто-то из стойбища отца Веры. И продукты должны разделить поровну, у каждого учителя свой чум, где будем работать, там и станем питаться. Но добрая хозяйка сказала, что мы будем жить вместе и есть из одного котла в её чуме. Это опять в мою пользу,

внимательная Вера догадалась, что мне не понравилось в мрачном чуме её родителей. Словно шаманка наша Верочка.

Спокойный хозяин стойбища пригнал оленей. Мы нянчимся с Яшей, который капризничает. Хочет слезть с люльки, к нам он ещё не привык, поэтому позвали его старших братьев. Около них Яша успокоился, смотрит в сторону оленей, показывает пухлой ручкой и говорит: «Ав-ав-ав!» Значит, идут маленькие оленята, он подражает им.

Разговариваем с оживлёнными мальчиками Костей и Колей, они очень рады кочёвке, своим оленям. Коля радостно говорит: «Нерденя нарка ты нэцян’ пелей» («Первый большой олень – папин пелей, крайний олень в упряжке»).

Круглолицый Костя побежал в сторону отца, взял в руки свой хорей. Стали загонять ездовых быков в загон. Олени – очень умные животные, среди них бывают разные по характеру: выносливые, ленивые, драчливые, гордые с ветвистыми рогами менуреи, капризные важенки-оленихи, бездетные хабтарки. Они прекрасно знают своих хозяев. Когда мы подошли поближе к загону, они удивлённо подняли на нас большие чёрные глаза, словно хотели спросить: «Хибядинди’, ханяд надимяди’?» («Кто вы и откуда к нам пожаловали?»). Некоторые олени сердито фыркали, видно, не нравился им наш городской дух. Мы отошли к Вериной женской нарте. Яша крепко, беззаботно спал в тёплой люльке.

Нашим хозяевам знакома работа, запрягли оленей и в путь. Слышу знакомые слова с детства: «Ехэй, ехэй!», призыв оленям, которые запряжены в грузовых нартах, что пора в путь. Я еду с Костей, у нас нет ни одного воза, в упряжке четыре оленя. Моя коллега едет с Верой, у них три воза в аргише. Впереди едет наш хозяин Николай с сыном Колей, у них два воза. Замыкает наш санный поезд Марина, у неё два воза. Она ещё подгоняет стадо оленей.

Вот первая остановка, мы немного замёрзли, стали прыгать около своей нарты. Весёлые Костя и Коля смеются, думают, что мы играем. Марина отстала, ждём её. Стадо оленей пробежало мимо нас, появился аргиш Марины. Опять тронулись в путь. Едем быстро, так как кругом снег, полозья хорошо скользят. Сижу за маленькой спиной Кости, шевелю пальцами ног, опять ноги мёрзнут. Как хорошо, что сразу надела ватник, всё же тепло, не продувает. Костя мне вдруг говорит: «Матрёна, ирин' мя" һадимя» («Матрёна, показался дедушкин чум»).

Посмотрела вперёд, на высокой сопке стоял чум-великан, из макодана чума вился вверх сизый дымок. Это подняло настроение, значит, можно с дороги зайти в тёплый чум, попить чай, согреться.

Наш хозяин остановился, тоже смотрит в сторону чума. Мы остановились около него, подъехал аргиш хозяйки. У неё от радости светится лицо,

говорит нам: «Ти, тэвутына", нина" мале һэсувы", мято' яка һади, сяйндава"» («Скоро подъедем к чуму, они уже поставили свой чум, печка топится, попьём чай»).

Вот и Марина подъехала, сказала тоненьким голоском брату: «Тына" ты' няю' хая"» («Наши олени пошли к стаду»).

Молчаливый Николай взял хорей, поехал в сторону чума родственников. Мы с Костей – за ним. А Вера, слышу, ответила Марине: «Саць сава!» («Очень хорошо!»). Её аргиш рысью пронёсся мимо нас, она направилась в сторону чума родителей. Покорный муж направил свой аргиш за шустрой женой. Теперь за нами едет Марина.

Вот громко залаяли собаки, из чума стали выходить люди. Кто-то пошёл от чума, недалеко от своего чума остановился, смотрит в нашу сторону. Значит, наш чум будет на этом месте стоять.

Вера поехала навстречу, без слов ей всё понятно. Все аргиши подъехали, место чума подобрано удачно, без снега, сухое.

Поздоровались по ненецкому обычаю за руку, так принято. От Григория Николаевича пахло винным перегаром. Лицо нашей хозяйки моментально изменилось, радость сразу прошла, она испуганно спросила у отца: «Небав һамгэм' пэрһа?» («Что делает мать?»)

В это время открывается дверь чума, выходит сама Егоровна, направляется к нам, а за ней вышла Степанида, с нами поздоровались. Хозяй-

ка большого чума была выпившая. Братья Веры молча стали помогать распрягать ездовых оленей с грузовых нарт.

Устина Егоровна пригласила всех в свой большой, тёплый чум. Расстроенная Вера тихо сказала нам: «Пыдари' мят' хаяди', юңгуди', маня" мя"ма" мярңгува"» («Вы идите в чум, пейте чай, согреться, а мы чум поставим»). С нами в чум пошли Костя и Коля, а Яшу в чум занесла Степанида.

В чуме было жарко, Степанида нам налила горячий ароматный чай, на столе дымилось аппетитное жаркое. За день мы проголодались, с радостью стали есть свежее мясо. Пришли в чум Вера с Мариной, за ними зашла хозяйка большого чума. Степанида быстро поставила им чашки и пригласила их за стол. Стали трапезничать.

Вдруг Устина Егоровна, улыбаясь, спрашивает у нас: «Пыдара" мякнанда" тарем' иба?» («В вашем чуме также тепло?»)

Вера с Мариной молчат, тогда Нина Ивановна быстро ответила: «Маня" мякнана" нобтарем' иба» («Да, в нашем чуме тоже тепло»).

Она ехидным голосом продолжает: «Мята' хэ-вхана нобкарт хасуй пям' нидм' манэс"» («Около вашего чума ни одного сухого брёвнышка я не видела»).

Вера быстро встала, взяла паницу и пошла в сторону выхода, возмущённо сказала матери: «Ңани" нина таранам' вадецъ пянню"» («Опять лишнее стала говорить»).

Егоровна, посмотрев недовольным взглядом на Марину, сердито ей заметила: «Пыдар тяхакуна ябемыд" юрид?» («А ты забыла, как раньше пила сярку?»). От этих слов испуганная Марина пулей вылетела за невесткой.

Нам неприятно было то, что услышали от «приветливой» хозяйки. Поблагодарив её за гостеприимство, мы вышли из чума, пошли в сторону своего чума. Вот такая моя ученица! Вера была права, от неё хочется уйти подальше, когда она выпившая. Нам хотелось побыть вдвоём. Вышли из чума, стали разглядывать стойбища. Около их чума было много распиленных дров, лежали ещё брёвна, много грузовых нарт. «Как сумели они столько дров привезти на оленях», – удивлены мы. Точно, их друзья-водители на вездеходе привезли. Вот колея от гусениц вездехода. Всё ясно, значит, водку тоже они привезли. А около нашего чума лежала жалкая кучка неро – ивы, совсем мало было грузовых нарт. На улице никого, все были в нашем чуме, громко разговаривали, из макодана вилась тонкая струйка чёрного дыма.

Мы пошли под горку, не хотелось заходить в чум. В голове крутились разные мысли. «Если у них есть сухие дрова, значит, и с нами они поделятся дровами, ведь родная дочь, внуки», – так мы рассуждали.

По голосам слышно, что все вышли из нашего чума, пошли в свой чум. На улице стало прохладно, и мы направились в сторону своего чума. Вера

готовила постель. В чуме тишина, мужчины на улице или в соседнем чуме.

На другой половине чума было пусто, от этого казалось просторно. Кроме наших больших рюкзаков, сумок с книгами, ничего нет. Мы молча прошли к своим вещам, уселись на капроновые ящики. Это были наши стулья, сидеть на них надо целый месяц, работать.

Вера тихим голосом спросила: «Есerti' таня?» («Есть ли у вас балаган?»). Мы дружно ответили, что балагана у нас нет, но есть одноместная палатка, спальные мешки. Вера продолжила: «Ханзер" теда' нэңгувата"? Мань нобтарем' вата есерм' яңгу, небяхаван яңгуванңгабя?» («Что теперь делать нам? Ведь у меня нет лишнего балагана, у моей матери вряд ли есть»).

Заплаканная Марина копошилась со своим стареньким балаганом, видно, сшитым из старых оконных штор, наверно, их в Амдерме обменяла на мясо. Вера предложила поставить палатку. Мы обрадовались, что будем жить на целой половине чума одни. Какое счастье, ура!

Хозяйка занесла две новые оленьи шкуры, чтобы постелить под спальные мешки. Лишних подушек у них нет, но мы не расстроились, под головы положим рюкзаки. А сверху для тепла набросим пальто и ватники.

Вот устроились внутри одноместной палатки, в тесноте, но в тепле. Спать друг другу спинами теплее и удобнее нам. Я благодарна уважаемой моей

коллеге и добродушной хозяйшке, что с их согласия я живу вместе с ними в этом маленьком чуме. А так Нина Ивановна могла бы жить одна в палатке. Мой чум рядом. Жила бы около Степаниды, в её цветном балагане было бы тепло и просторно. Но на этой половине ещё живут её родители, мне не хотелось бы их тревожить, а на другой половине её братья, они не женаты. По ненецким законам чужая женщина не должна жить, ставить свой балаган на их половине чума. Таковы законы предков, Вера придерживается этих правил, знает традиции и обычаи, видно, воспитывали её строго по всем канонам. Она с теплотой в голосе разговаривает с братьями, сестрой. Они её слушаются, с ней советуются, помогают, радуются успехам старшей сестры. Вера хочет, чтобы братья вовремя женились, а сестра вышла замуж.

Вот зашли с улицы мужчины нашего стойбища, молча юркнули в свои балаганы. Опять в чуме тишина. Надо спать, набраться сил для работы.

Учёба в стойбище

Вот настал первый день работы. Мы уже позавтракали, строгая Нина Ивановна достала учебные принадлежности: ручки, карандаши, цветные карандаши, ненецкий и русский буквари. У меня всё, что надо для работы, готово, сложила в пакет, направилась к чуму моих учеников. Стала слушать, слышны ли голоса из соседнего чума. Тишина.

На улице идёт мелкий дождь-морось. Вдруг из-под горки, со стороны озера, появилась Степанида, несёт в чайниках воду.

Я к ней, спросила: «Мят' тер" җамгэм' пэрҗа"? Сяйнзяда"?» («Встали или нет в вашем чуме? Пили ли чай?»)

Степанида поставила большие чайники на землю, тихо ответила: «Тамна хоны", мань теда' тум' пятаҗгудм'. Мят' тю"» («Спят ещё. Теперь растоплю печку. Заходи в чум»).

Я растерялась, что делать, неприлично в чужом чуме сидеть, когда люди спят, неизвестно, когда встанут. Вспомнила вчерашний разговор Устины Егоровны, решила лучше не заходить. У молчаливой Степаниды спросила тихо: «Небяр ни тэдорт"? Тедари пуня' хантадм'. Нид" сидеид", хонран", тохолкодара" тохолкованзъ турҗасъ» («Матушка не будет ругаться? Пока пойду в свой чум. Разбуди братьев, передай, что учительница приходила»).

Вернулась в свой чум. За низеньким столом сидят Марина, Костя, Вера, Николай, внимательно слушают учителя, идёт первый урок.

Когда я зашла в чум, все посмотрели на меня. Вера не удивилась моему быстрому возвращению обратно, уверенно сказала мне: «Тикид" ёльце пон" хонё мэнедо'. Небядо' нюта' пуд" юркорта. Пэвсюмб" җани' пон" сырцеты", илева' ямбан' тарця". Нисяхан' хусаран» («Они любители поспать. Мать позже детей встаёт. А вечером допоздна бу-

дут смотреть, всю жизнь так живут. Тебе надо отцу пожаловаться»).

Проснулся и заплакал Яша, я стала качать люльку, чтобы дать возможность Вере учиться. Все заняты делом. Вдруг дверь чума медленно открывается, заходит наш Коля, ненецкое имя – Папако. Теперь он живёт в соседнем чуме, так как на одной половине чума им тесно. Ему предложила бабушка Устина пожить у них, он её любимый внук. Сонный Коля сказал, что в их чуме все проснулись, уже пьют чай, до прихода стада оленей все будут учиться, так велел передать дедушка.

Я обрадовалась его словам, мигом взяла свой школьный пакет, вышла вместе с Колей. На улице спросила у него: «Папако, хадар җэрпэй ни җа"?» («Коля, бабушка не пила «сярку»?») Он внимательно посмотрел на меня и серьёзно ответил: «Ни җов", сяркадо' яҗгу" нив» («Нет, у них больше нет сярки»).

Мы с ним зашли в чум, здесь жарко, темно, так как отверстие макодана – верхнее отверстие чума – закрыто тюсером, специальной шкурой от дождя и снега. Все сидели за столом, пили чай. Степанида вежливо предложила мне чай. Я не отказалась, прошло много времени после завтрака. Устина Егоровна приветливо улыбнулась и подала мне стул – пластиковый ящик, подобранный на побережье, на нём мягкая оленья шкурка. Она была сонная, спокойная, сказала строго своим сыновьям: «Тохолкодара" то, ты" това' җэсонд' тоходанҗ-

гуда» («Пришла ваша учительница, до прихода стада оленей будете учиться»). Степанида убрала посуду, повернула клеёнку сухой стороной, все вновь уселись за стол, чтобы учиться. А сама вышла, ей не надо учиться, она училась шесть лет в школе-интернате.

Все взгляды учеников направлены на меня, в чуме тишина. От пристального взгляда их отца стала волноваться, видно, болтливая Вера успела когда-то сообщить наш разговор о шамане. Заметив моё волнение, мудрый отец семейства отвёл взгляд, сказал сыну Егору: «Тына” ни” њадю”, нин сырт”» («Не подошли ли олени, посмотри»).

Слово отца – закон, грамотный Егор вышел из чума, чтобы посмотреть. Я раздала всем буквари, ручки, тетради, карандаши. С интересом ученики стали разглядывать учебные принадлежности, листать букварь, вертеть в руках тетрадь, боясь их запачкать. Вот первый урок! Да, ни в городе, ни в селе, а в чуме, на просторах тундры! Как жаль, что у нас тогда не было фотоаппарата и видеокамеры! Такие бы кадры могли получиться для истории! Объяснила ученикам, для чего ручка, карандаш с ластиком, тетрадь. Разрешила ученикам пописать, чтобы рука привыкла к карандашу, нарисовать свой чум, нарты, озеро, сопки, оленей, собак. Одним словом, своё стойбище, кто что желает и сможет. Ведь для них школьные принадлежности – это диво! Они никогда не держали в руках тоненький карандаш, ручку. Они привыкли

держат хорей, шесты, топор. За работой не заметила, как время пролетело.

Вдруг слышим спокойный голос Егора: «Тедари’ њэвадэйдов”, тына” тоңов”» («На время сделайте перерыв, олени подошли к чуму»). Учеников как ветром сдуло, осталась около меня одна усидчивая Егоровна. Виновато улыбаясь, наверно, чувствовала себя неловко после вчерашнего разговора, сказала: «Манзьван я”амгодванџабяв, џудин’ тарка” ни” व्याџг”, паднабцм’ ня”амба я”мадм’» («Я-то, наверно, не смогу учиться, пальцы рук не сгибаются, не могу держать карандаш»).

Мне была приятна её откровенность, я решила её успокоить и похвалить, что она направила сыновей на работу: «Янамбоковна тоходанэи”, пили” вунин паднаџгу”, лаханакодани’, ханяџз”-на хынутани’» («Потихонечку научись, ведь не всё время будешь писать, будем читать, даже петь»). Мои слова ей понравились. Мы вместе вышли из чума, она предложила прогуляться до загона для ездовых быков. Моя ученица весело стала рассказывать о том, как она на вездеходе кочевала на новое место.

Я удивлена, очень забавная картина: вездеход тянет за собой аргиш Егоровны. Олени не нужны. Просто как в сказке «По щучьему веленью». Первый раз я от души смеюсь, вот бы сфотографировать да в журнал фотографию поместить, пусть люди гадают, где это было, что значит? Впереди, вместо ездовых саней, вездеход!

Я с гордостью шла около своей развеселившейся ученицы в сторону загона, где уже собрались жители двух чумов. Все с восхищением смотрели на приближающееся многочисленное стадо оленей. Пастухом дежурил в стаде средний сын хозяина, Степан. Как нравится их семье это имя: дочь зовут Степанида и сына зовут Степан. А в нашем чуме, у Ламдо: сам Николай и второго сына назвал своим именем.

К нам подошли Нина Ивановна, Вера, Марина, Степанида. Хмурая коллега спросила, что такого весёлого рассказала моя ученица.

Весёлая Егоровна с удовольствием стала снова рассказывать, все внимательно её слушали, улыбались. А догадливая Вера и говорит матери: «Харт хонёвакэнда?» («Наверно, сама спала?») Всех развеселил её вопрос, у наших учеников появилась улыбка на обветренных лицах.

...Покорные сыновья и молчаливый зять взяли в руки хореи и побежали вперёд стада оленей, стали пропускать оленей между собой. При этом пронзительно кричали, если какого-то оленя надо направить в загон. Значит, оленя приучают к загону. Всех громче слышен крик тихони Алексея, на уроках тише комариного писка его голос. А тут родная стихия, знает своё дело, знает оленей. Привил эти умения отец.

Приучить оленей в загоне – непростое дело. Олени непослушны, ведь они из разных стойбищ, ещё не привыкли к чужим голосам, к новому месту.

Мы замёрзли, пошли в свой чум, но и там было прохладно. Стали разглядывать чум: наша половина чума была покрыта только стареньким брезентом, сшитым из палаток, которые, видно, остались от воинских частей, наверно, поменянных на мясо. До кочёвки чум был покрыт оленьей покрывкой, поэтому было тепло. Может, от тяжести оставили на старом чумовище или для надёжного покрытия продуктов.

А соседний чум покрыт двойными покрывками, внутри чума меховая, а поверх брезентовая покрывка. Вот и ответ, почему там всегда жарко, когда топится печка, и чум всегда тёплый, не остывает.

Снова вышли на улицу, стали наблюдать за учениками. У сестёр Веры и Степаниды тёмно-синие пань – суконные паницы с орнаментом, которые сшиты из байковых солдатских одеял. У мальчиков были совики, переделанные из серых солдатских шинелей. Важная Егоровна носила всё чёрное: заношенный длинный сарафан, плюшевый жакет, шерстяной платок. Худенькая Марина ходила в таңы мальца хана – старенькой малице, была как подросток. Все мужчины стойбища тоже в стареньких малицах. Мы же ходим в пальто, поверх пальто – ватники, в чуме сидим тоже в пальто.

Погода нас не радует, идёт мелкий дождь со снегом, видимость плохая. На улице долго не постоишь, вернулись в свой чум. Вслед за нами тихо зашла грустная Марина, поставила чайники

и сковороду на печку. Мы сели на свои любимые места около печки и сняли сапоги, чтобы согреть ноги. Молча смотрим за работой добросовестной ученицы моей коллеги. Она ловко занесла охапку тоненьких ив, всё аккуратно сложила в печку. Разожгла печь, бросила на сковороду кусочки мяса, чёрные пузатые чайники уже стоят на печке. Нашим ногам стало тепло, но со стороны спины всё же холодно.

Вот чайники закипели, варится мясо, Марина бросила туда вермишель. Пришли с улицы уставшие Николай, Костя, Вера с Яшей в люльке.

Все, как обычно, молча сели на свои места, в чуме у каждого своё место. Хозяин стойбища сидит в середине, а остальные – вокруг него. Стали обедать.

За обедом хозяйка чума сообщила, что ночью откололось стадо оленей. Мужчины поедут искать оленей, дежурить в стаде будет её отец.

Затяжная весна, земля ещё не оттаяла, зелень не думает появляться. Олени в поисках корма убегают далеко в разные стороны. Их организму требуется зелёная пища: трава, почки и листья карликовой берёзы и ивы.

После чая я радостно пошла на работу, учить хозяйку чума и Колю – Папако. Отца семейства не будет, он дежурит в стаде. В чуме очень тепло. После ночной смены, на своей половине в балагане, спал Степан. Старательная Степанида мыла посуду, её мать с любимым внуком Колей сидели

на постели, рассматривали картинки в букваре. Приветливо меня встретили, я села на своё рабочее место.

На улице было пасмурно, весь день шёл снег с дождём, по шестам текли капли дождя. Вокруг шестов, выше балагана, были привязаны верёвочки, чтобы капли дождя падали не на постель, а на разборный пол – латы. В чуме было темно, так как макодан был прикрыт тюсером, поэтому я решила заниматься устно по букварю, провести урок-закрепление пройденной темы по алфавиту, по произношению слов.

Послушный Коля слушал внимательно, производил за мной буквы и слова, бабушка пыталась повторять. Но получалось плохо, она смущалась, я старалась её похвалить, подбодрить, что у неё всё получится.

В тёплом чуме время пролетело незаметно, мне здесь было очень комфортно и радостно, что есть, кого учить.

Нас отвлёк несмелый голос Кости, он протяжным тихим голосом звал меня: «Матрёна, таля», сыйндава»!» («Матрёна, иди чай пить!»)

И я нехотя пошла в свой чум. У нас быстро остывает чум, чай будет холодным, надо успевать вовремя к чаю.

Прошёл первый день работы, я довольна своими учениками.

После чая поставили свою палатку, пока не очень холодно, надо лечь спать. Вера сказала, что

мужчины неизвестно когда приедут, может, оленей далеко ушли от чума, может, сошлись с оленями других стойбищ.

Мы быстро зашли в палатку, забрались в свои спальные мешки, под головой у нас мягкие рюкзаки. Для тепла укрылись пальто и ватниками, плотно прижавшись спинами, так было теплее, слушая однообразную музыку дождя, заснули.

Утром, проснувшись, прислушались, есть ли дождь. Крупные капли дождя стучали по брезенту. Это расстроило нас. Значит, опять весь день будем работать в чуме, а так хотелось работать на улице при солнышке. Моей коллеге снова придётся работать в холодном чуме, а я хоть днём не мёрзну. Прибегу в свой чум, попью чай и снова в тёплый чум учить.

Совсем подружилась с прилежной ученицей – Егоровной. Она приветлива со мной, будит сыновей к моему приходу. В чуме всегда тепло, у каждого ученика своё место за низеньким столом. А Степанида хлопочет по хозяйству, у неё много дел, всё надо успеть вовремя сделать.

Нина Ивановна пригласила к себе учиться моих учеников, Степана и Николая. Ведь каждый учитель хотел больше способных учеников. Я с ней не спорю, у меня остались: уважаемые хозяин и хозяйка жаркого чума, старший их сын Алексей, их любимый внук Коля. Они старательно обводили по моим образцам ручкой палочки, кружочки, элементы букв, потом работали устно, протяжно

произносили звуки, слоги, составляли слова из разрезной азбуки.

Хорошо усваивает материал Коля, если бабушка забывает, он возмущённо говорит: «Тикахава харт буквар ню». Нани' мале юрвэрню». («Это ведь твоя буква! Опять уже бабушка забыла»). Она смущённо оправдывается: «Нэдакы, мань мале юрав» («Может быть, я уже забыла»).

Загадывала загадки, ученики развеселились, стали загадывать свои загадки, мне это очень понравилось. Некоторые загадки я раньше не слышала, очень забавные, я их записала в тетрадь. Читала им сказки из книги «Вы' терко», «Ковёр-самолёт», учила общаться на русском языке по картинкам русского букваря, спела несколько русских детских песен, считали устно.

С математикой не было проблем, все знали устный счёт, умели быстро прибавлять и отнимать. Решали задачи, задачи были про оленей, про шесты чумов, про животных и птиц, которые были им знакомы, на которых они охотятся. Познакомила с денежными единицами, решали задачи на определение стоимости, цены и количества на родном языке. Математикой с удовольствием занимался Алексей, быстро называл ответы на задачки.

Как все матери, Егоровна гордилась успехами любимого сына. Он обычно ездит в посёлок за продуктами, любую просьбу матери выполнит, купит её заказ, она считает его успешным в этом деле.

Он тихий, стеснительный, молчаливый, всегда спокойный, очень ласков с оленями, нежным голосом разговаривает с ними, словно с детьми. Прекрасно и то, что сыновья и зять не курят, только сам хозяин курит дешёвые сигареты. Только плохо, что Алексей изредка нюхает табак, потом громко чихает, всех нас этим пугает.

Тогда я занимаюсь культурно-просветительской работой: рассказываю о вреде табака и алкоголя, о личной гигиене человека. Да, здорово я постаралась! Они сильно напуганы паразитами-микробами, которые могут быть на руках, в воздухе. Строгая Егоровна поддержала меня, сделала замечание сыну. Послушный Алексей больше при мне не нюхал табак. Как всегда, от работы нас отвлекал протяжный тихий голосок Кости. Тогда я быстро накидывала ватник и шла пить чай в свой прохладный чум, чтобы не обижать сердитую от холода мою коллегу.

Ученики Степан и Николай любили после уроков попить чай у старшей сестры. Степан учился без желания, часто ездил в поисках оленей, иногда его в стойбище не было несколько дней, никто не удивлялся его исчезновению. Николай – младший брат Веры – учился с большим желанием. Он очень хотел научиться читать, часто с книгой сидел около грамотного брата Егора, тот ему охотно помогал.

Мои ученики были очень медлительными, кроме шестилетнего Коли, любимчика бабушки. Алек-

сей говорил очень тихо. Когда по крыше стучал дождь, лучше его было не спрашивать: всё равно ничего не услышишь. Хотя строгая мать на него повышала голос. Она старалась мне во всём угодить, замечания делала и мужу.

Так проходят дни, наши рабочие дни.

На Петров день Степанида испекла вкусные блины. Надоели всем чёрствый хлеб и сухари, печенье, сушка. Я попросила прилежную ученицу о том, чтобы она разрешила моей коллеге попить чай с блинами. Моя ученица, Егоровна, быстро отправила за ней Колю, добавила, что все могут прийти в гости на блины. Нина Ивановна пришла очень быстро, воскликнула удивлённо, быстро сняв свой ватник: «Нянов ибанёв! Надьбянда няв ёльце пон' тохолку» («Как тепло у вас! Вот почему моя коллега так долго работает!»)

Не отстала от неё Вера, принесла в люльке маленького Яшу, а Марина с Костей не пришли, наш хозяин Николай был в стаде.

Что-то Костя не заходит в чум бабушки. Очень странно, почему? Причину Марины знаем, она не желает встречаться с моей прилежной ученицей.

Все уселись пить чай с блинами. Вкусные блины получились у Степаниды. Вдруг радостно залаляли собаки. Значит, кто-то едет свой, собаки зря не лают в стойбище. Они дают сигнал хозяевам.

Приехал весёлый Степан, он всегда в хорошем настроении. Он важно обратился к нам: «Нянди' юн' падарм' тадм', посылкам' няхаюди' нэдара-

наха'» («Я привёз вам письмо и посылку от ваших учителей»).

Мы удивлённо воскликнули: «Ханзер" илеҥаха', мято' ҥа"на ҥа?» («Как они живут, далеко ли их чум?»)

Степан неторопливо ответил: «Ехэрадм', юн' падаркана нив паду". Мято' ҥа"на ҥа» («Я не знаю, в письме, наверно, написано. А чум у них далеко»).

Мы очень обрадовались письму и посылке! Поблагодарив Степана за весточку, Степаниду за вкусные блины, заботливую Егоровну за её приглашение, в хорошем настроении пошли в свой чум читать неожиданное послание от наших коллег.

В чуме два молчуна: тётя с племянником пьют чай, от удовольствия лица их сияют, как медные пятаки. В честь праздника накрыт богатый стол. На столе шоколадные конфеты, печенье, сгущённое молоко, сыр, малиновое варенье, сладкие сухари, репчатый лук, на сковороде много мяса с вермишелью. Марина быстро встала, поставила наши чашки на стол, но мы вежливо отказались от угощения. Уселись на свои стулья, как две совы на сопке, стали радостно читать первую весточку от наших коллег.

Прошло почти три недели, а мы ничего не знали друг о друге. Никто к нам не приезжал, ни у кого ничего не спросишь. Прочитав быстро письмо, мы, то ли от удивления, то ли от испуга за них, замолчали. Одновременно Марина с Костей посмотрели в нашу сторону, видно, их удивило наше молчание.

Обеспокоившись, Марина тихо спросила: «Ҧамгэм' падбихинди, ханзер" илеҥаха'?» («Что пишут-то, как они живут-то?»)

Мы, не произнося ни слова, вышли из чума, направились под горку. Здесь можно дать волю слезам, никто не услышит. Оказывается, нашим коллегам несладко, они с чужими людьми в общем балагане спят. Нам искренне жаль их, но помочь им ничем не сможем.

Из-за непогоды мы сидим целыми днями в чуме на стульчиках. У моего стульчика середина прогнулась под моей тяжестью, вынуждена подкладывать на сидение большую книгу «Ковёр-самолёт» с интересными сказками на ненецком и русском языках.

Книг у нас много, после уроков читаю ученикам, они восхищаются героями или переживают за них, внимательно слушают, только дрова трещат в печке-буржуйке.

Степанида хлопчет в передней части чума, готовит мясо. В тундре каждый день едят оленьё мясо, то в сыром виде, то в варёном, иногда жарят на печке, но здесь только варят. А рыбки нет, на озёрах лёд. Постоянно минусовая температура, вздохнёшь – пар идёт. И птицы не летают, может, вернулись обратно на юг. Даже куропаток и совушек не видать. Они-то никогда не покидают северный край. Они тундровые птицы, должны быть, а в этих местах нет их. В ясную погоду в детстве много было видно куропаток.

Видать, тоже прячутся или улетели в другие места, велика наша тундра.

Ой! Как надоели холодные дни, снег с дождём, туманы, пронизывающий насквозь ветер. Мы ничего не стираем, переодевались, когда в чуме никого не было, всё бросаем в печку. Пусть сгорит всё вместо сухих дров. Такого добра много в городе, купим. Лишь бы не заболеть. От постоянного холода появляются мечты: хочется посидеть и полежать на мягкой постели, снять пальто, сапоги, надеть домашние тапочки, походить в лёгком халатике.

Тихая Марина уже не удивлялась «сухим дровам», молча дальше наполняла ивняком буржуйку-печку, разжигала огонь значит так надо. В тундре не задают лишних вопросов.

Наши дорожные рюкзаки становились всё меньше и меньше. Скоро нечего будет подкладывать под голову.

Целебное лекарство – панты

Вдруг к нам в стойбище неожиданно прилетел маленький вертолёт. Оставили занятия, ученики пошли смотреть. Мы остались около чума, стоим и смотрим. Открывается дверь вертолёта, появился крупный мужчина в малице, без покрытия, капюшон малицы снят, пояса нет. Странно, по ненецким обычаям уважающий себя мужчина не бывает без пояса. Наши ученики напра-

вились к нему. Видать, знакомый им человек, приветливо с ним здороваются, по ненецкому обычаю за руку. Вышел из вертолёта солидный пилот, русский мужчина. Они разговаривают, из-за сильного ветра ничего не слышно. Мы подошли поближе. Незнакомый человек в малице удивлённо посмотрел на нас и спросил у Григория Николаевича: «Таких-а' хибяханди?» («Кто это такие там стоят?»)

Хозяин большего стойбища гордо отвечает ему: «Тикы тохолкодина» («Это наши учителя»).

Человек в малице очень удивлён, опять задаёт вопрос: «Намгэ тарем' ембдыхиди?» («Почему они так одеты-то?»)

Отец большого семейства смущённо отвечает: «Иба ембдярти' янгу» («Нет у них тёплой одежды»).

Гость ему возмущённо и строго говорит: «Намгэ ембдяртамди' нида' мипю?» («Почему им не даёте тёплую одежду?»)

Тут виновато отвечают Вера и Устина Егоровна: «Ембдырона" сёбэй", Һа"на хаи"» («Зимние вещи оставили в санях, далеко отсюда остались»).

Мы подошли поближе, я осмелилась спросить у пилота: «Откуда вертолёт прилетел, полетит ли в Нарьян-Мар?» Важный пилот ответил, что вертолёт прилетел за пантами, в Нарьян-Мар не полетит, а полетит в Воркуту. Вдруг он удивлённо спросил у нас: «Что так богато живут эти олениводы, если для них специально работают учителя? Есть ещё в других стойбищах учителя?»

Нина Ивановна громко ответила самоуверенно-му пилоту: «Мы не знаем, богаты ли они. Нас направили к ним на месяц, ликбез. Два учителя ещё работают где-то, но о них ничего не знаем. Наша тундра необъятна».

Громкоголосый человек в малице вдруг спрашивает: «Хибя џэбте”э џанзим’ џэрман” харва?» («Кто желает «лошадиную мочу» выпить?») И выносит из вертолѐта бумажную коробку, а оттуда достал жестяную баночку. Мы направились в сторону чума, очень замёрзли ноги, резиновые сапоги опять затвердели, и тёплые носки не греют.

Мужчина нам кричит: «Нянди’ нани’ татадм’, џатенади’» («Подождите, я вам тоже дам по баночке»).

Я спокойно ответила: «Мани’ есями’ яџгу» («У нас нет денег»).

Он пошутил: «Пуна’ манзараџуди’» («Потом отработаете»).

От удивления мы остановились, повернулись лицом в их сторону. Он с коробкой подошёл к нашим ученикам, щедро раздаёт банки. Те вертят их в руке, не знают, как открывать. Видно, такой товар не покупали, первый раз у них в руках «лошадиная моча».

Уверенной, твёрдой, гордой походкой незнакомец направился в нашу сторону. Улыбаясь, подошёл к нам, от него пахло винным перегаром, положил по банке около нас на землю. Понятно теперь, что это – пиво.

Он открыл свою банку, рекламируя, как это правильно делать, пошёл к вертолѐту. Пилот его торопит: «Погода портится, надо лететь. Согласны ли сдавать панты? Сколько надо им продуктов?»

Продавец «лошадиной мочи» разговаривает с мужчинами. Моя прилежная ученица крутится около них. Вера и Марина положили свои банки обратно в коробку, подошли к нам. Человек в малице позвал Веру, наверно, её знает хорошо. Она нехотя, покорно направилась к вертолѐту. Он что-то ей настойчиво объясняет, Вера кивает головой. После этого из вертолѐта стали выгружать коробки и мешки. Послушные ученики взяли всё, понесли мимо нас в сторону чумов. Впереди всех идёт быстрыми шагами хозяйка большого чума. Незнакомец в малице идёт последним, несёт бережно бумажную коробку. Около нас остановился, положил коробку на землю, там что-то брякнуло. Поздоровался с нами, важно представился: «Я – крокодил Гена, Душман, Бармалей!»

Мы удивлённо посмотрели на него, но поздоровались, так принято. Это был мужчина лет сорока, высокий, крепкого телосложения, лицо его обветрено. Может, оленевод? Хорошо знает наших учеников в стойбище, говорит на тундровом диалекте большеземельского говора ненецкого языка. Значит, ненец из Большеземельской тундры, но не частник-оленевод, так как хорошо говорит на русском языке. Очень странный «Крокодил». Что унесли в чум жители большого чума?

Подошли Марина и Вера, в руках у них ничего нет. Мы молча стоим, смотрим. Солидный пилот закрыл двери вертолёт. Вертолёт мигом улетел, будто его и не было. А «Бармалей» остался, пошёл к соседнему чуму. Наша группа направилась в свой чум.

По дороге Вера тихо сообщила: «Тикы взвако хибяри, сяркам' нэрпи, колхозник» («Это плохой человек, любитель спиртного, колхозник»).

Жители нашего чума сильно расстроились, неспеша идём в сторону своего чума, я спросила у Веры: «Ңамгэ хаида?» («Почему он остался?»)

Вера объяснила нам: «Пыда ты' мора ма"ламби, нисяв мори мадангу", җадьбянда җаварм' хае"» («Он собирает панты, отцу оставили продукты, он согласился сдать панты»).

Всё ясно, вот почему с хорошим настроением пронеслась моя прилежная ученица. Продукты их, и то, что бренчало в коробке у «Крокодила Гены», видно, подняло её настроение.

Из другого чума слышны громкие голоса, смех. Может, над нашими нарядами смеются. Какие удивлённые глаза были у «Крокодила» и пилота, когда они нас увидели!

Поникшая Марина стала топить печку. Расстроенная Вера возится с Яшей. Грустные Костя и Коля взяли в руки буквари, видно, догадываются, что унесли в чум дедушки.

Мы открыли свои банки пива. Сидим на своих стульчиках, пьём холодную «лошадиную мочу»

в надежде согреться. Пока стояли на улице, совсем продрогли. Сегодня вряд ли будут мои ученики учиться. Придётся мне в холодном чуме учить Колю, играть с Яшей.

К моим прилежным ученикам пожаловал важный гость с множеством имён, учёный-колхозник, им теперь не до учёбы. Как покорно они его слушали. Он их будет забавлять, только бы слишком не развеселились, ведь панты надо резать, собирать.

Мора – панты, неизменное лакомство, очень вкусное и полезное. Сколько в детстве съедено нами, для нас готовила мама, иногда бабушка. Теперь неслучайно из молодых оленьих рогов изготавливают популярное во всём мире лекарство «Пантокрин», повышающее иммунитет организма. Да, такое мы не видели, а тут сами участие примем, ведь сказал нам «Душман», баночку пива придётся отработать. Надо же такое придумать! Видно, «Крокодил» любит денежки. Не шутил, когда говорил про отработку.

Залаяли наши собаки. Подошли олени, в чум зашёл в сыром совике Николай, спросил у расстроенной жены: «Хибя тода", няби мякана, саць җаркавна лаханаку"» («Кто приехал, в другом чуме очень громко разговаривают»).

Вера тихо, с грустью в голосе ответила: «Колхозник вертолётхана то, Вале́й Петра, мора ма"ламби» («Колхозник на вертолёте прилетел, Вале́й Пётр, панты собирает»). Ещё Вера добавила: «Җавар хае", сяркам' та» («Продукты и водку оставили»).

Николай спросил у расстроенной жены: «Маня' морам' митава»?» («А мы сдадим панты?»)

Вера тихо ответила мужу: «Ехэрадм', харт ибедор", ханзер" сава» («Не знаю, сам решай, как лучше»).

Неожиданно широко открылась дверь, в дверях в одной рубашке появился «Крокодил», он приветливо поздоровался за руку с Николаем. Посмотрев в нашу сторону, строго сказал: «Тололкодаха', ман-заради'!» («Учительницы, работайте!») И в сторону нашей палатки бросил кусок велосипедной шины. Оглядел зорким взглядом нашу половину, увидел палатку, удивлённо воскликнул: «Те, палаткая" җани' ңамгэм' мякана пэрҗа?» («Что делает палатка-то в чуме?»)

Вера испуганно ответила: «Пыди' есerti' яңгу» («У них нет балагана»).

«Колхозник» ещё больше удивлён от этих слов, хлопнул от удивления себя по бокам: «Те, ханяд' тодинда', иба ембдяри' яңгу, есярти' яңгу, ёльце пысадм'!» («Откуда вы приехали-то, тёплой одежды нет, балагана нет, очень меня удивили!»)

Нина Ивановна строго ответила: «Хибя манза саць тарем' тецьңгу. Няръяна маркад тони'. Хурка манзаям' сертабни' тараңгу?» («Кто мог предположить, что так здесь будет холодно. Из Нарьян-Мара мы приехали. Какую работу нам надо делать?»)

Он важно сел около кучки дров-ивняка, посмотрел на наши дрова, достал из кармана тонкую круглую резинку, ответил: «Тарця резинки мадаб-

ти' тараңгу. Хасуй псясида"? Няна пихина пя" җока-ню"» («Вот такие тонкие резинки будете отрезать от шины. Почему сухими дровами не пользуетесь? Столько у вас сухих дров на улице»).

Вера на ненецком языке ответила, что это дрова её родителей. А они не ездили за дровами к морю. Он ещё раз внимательно посмотрел на нас, вышел из чума. Мы все облегчённо вздохнули.

Наконец-то уселись за наш низенький столик, стали пить долгожданный чай. Из другого чума стала слышна песня-ярабц. Моя ученица Егоровна поёт на коми языке, красивая, грустная мелодия и слова, которые наводят тоску-печаль. Хочется завывать, как сармик – волк. Наша хозяйка тихо сказала: «Ти, мале сём' хана, небянда сё» («Вот уже запела песню, песню своей матери»). Молча пьём чай, сегодня в гостях у нас мой лучший ученик – Коля. С грустным видом, наверно, уже слышал эту песню, уткнулся в чашку. Я-то довольна, хоть с ним сегодня могу позаниматься. А остальные мои ученики покорно будут слушать «Колхозника», уж очень он здесь чувствует себя вольготно.

Наш хозяин вновь пошёл к оленям, чтобы пригнать их к чуму.

Вот слышны мужские голоса на улице, негромкий лай собак, наверно, пастух пригнал оленей. Наши ребята вышли на улицу посмотреть. Почти сразу заглянул в чум Костя, позвал маму и тётю, что будут ловить оленей, надо панты собирать.

Мы стали готовить резинки для оленьих рогов. Они нужны для того, чтобы остановить кровь на срезанных рогах, надо затянуть туго резинкой то место, с которого отрезали панты – мягкие рога оленя. Хорошо продумано, значит, знает своё дело колхозник Пётр, он же «Бармалей», «Крокодил Гена», «Душман». Лучше звать его «Шут гороховый».

Работа сделана, резинки нарезаны, мы вышли на улицу. От своего чума смотрим по сторонам. Что это? Все люди стойбища в одинаковых зелёных одеждах, словно инопланетяне.

Всё так же падает сырой, липкий снег, дует ветер, мрачные тучи плывут по небу, очень холодно, над стойбищем поднялся пар от тёплого дыхания оленей. Многотысячное стадо кружится вокруг чумов. Лают дружно собаки, все хотят работать. Очень умные тундровые лайки.

Сюда летают вертолёты из Коми республики. Знают ли об этом в округе? Может и знают. Надо уточнить, как приедем в город.

Вокруг озера бегают олени, к чуму их направляет маленькая Марина, её фигурка еле видна из-за плохой видимости, ей помогает верная собака по кличке Сэвко. Сыновья Григория Николаевича ходят между оленями с арканами. Их отец показывает, какого оленя надо им заарканить. Наш хозяин тоже высматривает своих оленей. У «Крокодила» в руках пила, за ними покорно плетутся Степанида, Вера, Костя, Коля, в руках у них мешки. Моей

ученицы – «певуны» среди них нет, да и песни её не слышно, наверно, отдыхает.

На улице долго не постоишь, мы вновь зашли в свой остывший чум.

Вот и Яша проснулся, надо его развлекать, накормить печеньем, переодеть колготки, наверно, опять «рыбку ловил». Так обычно говорят о детях, кто описался в постель. Малыш к нам привык, весело улыбается, тянет ручки, чтобы взяли из люльки. Хотя с ним поиграем, больше нет у нас дел, ученики все заняты важной заботой: добывают будущее лекарство. Лучше бы сами свежее поели, было бы больше пользы. Мы помочь им не можем, нет у нас дождевиков, промокнем, наши ватники вряд ли получится высушить.

На улице каждый день дождь, сырой снег, морось. А в чуме хотя бы сухо, пусть холодно, но всё же не на улице. У наших хозяев нет сухих дров, только успевают чайники закипеть, больше чум не топят, экономия дров.

Вот и вспомнили слова Ивана Ефремовича, как он был прав...

А дождь всё стучит по брезенту, ветер хлопает по крышке чума. Грустно. Пока мы одни, можно и слезу смахнуть, а маленькому Яше весело, что лепечет на своём детском языке будущий оленевод-частник Ламдо Яков Николаевич, а пока Яшенька «рыбак».

На улице стало тихо, не носятся олени, заходит в чум в сыром плаще Костя, ласково говорит:

«Наябарманзь сидди' хаңа» («Поайбурдать вас приглашают»). По тундровым законам в честь уважаемого гостя забивают яловую важенку – бездетную олениху, самое лучшее угощение для гостя. Всех людей стойбища хозяин приглашает к туше есть сырое мясо с кровью. Мы нашли причину, что Яшу не с кем оставить. Как приехали в стойбище, мы ещё не ели сырого мяса. При нас ни разу не забивали оленя. Да и мы боялись, что с непривычки заболит желудок, а заболеть здесь нельзя, нет больницы, нет врача, хотя есть таблетки, но лучше не рисковать.

Ничего не знаем, в какой стороне море, посёлок Амдерма – пятнышко родимое? Хотя здесь есть свежая колея от вездехода, но по весенней тундре далеко даже на оленях не проедешь. Кругом вода, рыхлый снег, большие многоводные реки, их не пересечь без лодки.

Наконец, пришла долгожданная Марина, стала топить печку, бросила тоненькие веточки ивняка, но не хочет огонь разгораться, стала дуть на огонь. Я тихо говорю волшебные слова, колдую: «Гори, гори, огонёчек, пожалуйста! Мы очень хотим согреться, пить чай». Огонь словно послушался меня, разгорелся, Марина выбежала, занесла нарезанное свежее мясо, бросила на сковороду, поставила чайники на печку. Она вся сырая, как мокрая мышь, но ей не привыкать, она не замечает этого, занята работой. А мы-то как рады: будет тепло, будет чай, да ещё свежее мясо. Моя колле-

га считает наши командировочные, сколько примерно мы уже заработали, а я считаю дни, сколько ещё осталось мёрзнуть.

На улице слышны громкие мужские голоса, голос моей ученицы. А Веру не слышно. Видно, опять в тёплом чуме, около Степаниды. Мы заметили, она частенько заглядывает в чум родителей. Даже с уроков может незаметно уйти в тот момент, когда Нина Ивановна занята другими учениками. Будто под горку пойдёт, а её нет да нет. Не первый раз уже это было, как сердилась моя коллега на «прилежную» свою ученицу, делала ей строгое замечание. Любит наша хозяйшечка поговорить, учить братьев, ведь она в семье старшая. Больше общается с отцом, с ним советуется. А теперь, видно, пока мать на улице, даёт советы сестре, хотя в своём чуме ждёт её годовалый Яша, да и другие дела есть в чуме. А ей захотелось сестре нужные советы дать, попить крепкий чай.

Я очень замёрзла, мне стало жаль строгую коллегу. Она целый день работает в холодном чуме, потому и повышает голос на Марину, что та очень тихо говорит, и на меня иногда ворчит, что я долго работаю. Не зря Степан убегает с уроков, как он объяснил, что не понимает некоторые ненецкие слова. Да, вполне возможно, моя коллега говорит на колгуевском говоре ненецкого языка. На колгуевском говоре есть такие слова, которые произносятся и пишутся иначе, хотя обозначают один и тот же предмет. Например: бумага на колгуевском и

канинском говоре – мярё, а на большеземельском говоре – падар”, жук у них – султы, а у нас – сисо, блюде у них – лебя, у нас педак. На колгуевском говоре не произносятся: глухой и звонкий гортанные смычные звуки и звук «ң». Всего в ненецком алфавите 36 букв, а в русском – 33 буквы.

Вот запахло свежим варёным мясом, закипел первый чайник. Пришла с тёплого чума раскрасневшаяся Вера, вполне возможно, попила горячий чай с сестрой. Она сняла сырой зелёный совик, бросила к выходу. Крохотный Яша радостно пополз в её сторону, пришла его «основная» еда, мать накормит его грудью. В тундре некоторых детей до трёх, а иногда до семи лет кормят грудью. Оттого тундровые дети бывают здоровыми, краснощёкими, потому что их родители молодые и здоровые, без вредных привычек. Вера бережно взяла ребёнка на руки и стала рассказывать самые последние новости с улицы.

А Марина уже ставит на стол чашки, на середину стола, как всегда, поставила горячую сковороду с мясом, сегодня без вермишели. Ждём хозяина, ребят, чтобы всем вместе трапезничать. Вот наконец-то они сняли у входа сырую одежду, все на своих местах, с аппетитом принялись за свежее мясо. За целый день все проголодались, мигом сковорода опустела. Недовольная коллега попросила Марину: «Марина, сырм’ нин тюлеңгу»?» («Марина, не занесёшь сыр?») Марина ничего не ответила, молча пьют чай. Вера будто не слышала, смотрит

на свою чашку чая. Молчаливый хозяин старательно обгладывает аппетитную косточку. Довольные мальчишки, фыркая, пьют чай с печеньем. Маленький «рыбак» Яшка тоже держит кусочек мяса, весь вымазался, изо всех сил кусает зубками жёсткое мясо. Я уткнулась в пустую чашку. Хотя хотела к чаю попросить варенье, но промолчала. По лицу Марины видно, что она чем-то недовольна, а может, лишний раз не хотела выходить, чтобы не попасть на глаза «певуны». Да ещё странный колхозник со множеством имён гостит в стойбище. Мне тоже была непонятна Марина, может, устала, бедняжка. Крутится как юла, всё хозяйство на ней, да и за оленями сегодня набегалась. А хозяйка нашего чума любит только поговорить, а за хозяйственной работой в чуме не видели.

Я опрокинула чашку на блюдце, значит, напилась чаю, по тундровым обычаям.

В чуме тишина, мальчики взяли книги, Николай, закрыв глаза, лежит на своей мягкой постели, рядом сидит любимая жена с маленьким Яшей на руках.

Марина взяла чайники, вышла из чума. Мы надели ватники, тоже вышли за ней. Из соседнего чума раздаются задорные голоса и весёлый смех. Над макоданом вьётся густой дым, значит, топится печка. Удивительно то, что мёрзнем, а насморка у нас нет, может, влияние свежего воздуха, что чум проветривается, микробы улетучиваются. Расстояние от нашего чума до соседнего чума метров

пять, поэтому слышимость очень хорошая. Мы медленно направились в сторону озера, под горку.

Сегодня у нас вынужденный выходной. Хотя бы завтра была погода ясная, пусть даже ливень. Что-бы прилетел вертолёт и улетел неожиданный гость – невежа с большими мешками пантов. Хотя будем работать, время быстрее пойдёт.

Есть ли у нас дрова на завтра? Около чума жалкий пучок тоненьких ив – неро, на одну топку. А около того чума лежат расколотые дрова, прикрытые зелёным плащом. Может, Степанида прикрыла, ведь в том чуме всё хозяйство на ней. А может их отец прикрыл дрова, стараясь помочь своей дочери. В тундре самое главное, чтобы были дрова, хоть какие, без них не прожить. Они дороже золота! Когда проходили мимо расколотых дров, невольно рука моя потянулась к ним. Я взяла одно полешко.

Вера увидела полешко, воскликнула: «Ювэй, тэ-дорта”!» («Ой, будут ругаться!»)

Я её успокоила: «Нопой пякуця’ нид ни тэдорт”, нидо’ хамадаңгу”, хуняна тараңгу» («Из-за одного полешка не будут ругаться, даже не заметят, а на растопку пригодится»).

Чтобы утешить их, я заверила, что завтра об этом скажу своей ученице Устине Егоровне, она поймёт.

От таких слов ученики успокоились, все легли спать. В чуме тишина, только дождь стучит. Утро вечера мудренее. Спокойной ночи, дорогие жители нашего чума!

Учительницы, работайте!

Вот и новый день. Проснулась, слушаю, но опять крупные дождинки стучат по чуму, будто играют со мной и говорят: «Просыпайся, мы в гости пришли!» Не хочется выбираться из спального мешка, из палатки на сырой пол. Вновь прислушалась, очень странно, но из соседнего чума уже слышны голоса. Марина хлопчет у печки, в чуме ещё холодно, зашевелилась Нина Ивановна.

Открывается дверь, на пороге ранний гость, выпивший Пётр, удивлённо спрашивает у Марины, которая собирается топить печку: «Нид” тамна хоны”, няна” пон хоныданю”» («Твои ещё спят, как долго спят-то»). Марина тихо отвечает: «Нинараха” хонё”, янамбовна юркота» («Нет, не спят, потихоньку встают»).

Гость громким требовательным голосом, постучав по шесту чума, потом по нашей палатке, обращается к нам: «Учительницы, резинкам’ маторҕади’? Ханяна ҕа”, ҕамгэ нян ниди’ та”?» («Учительницы, готовы резинки? Где они, почему мне не принесли?») Ему сердито ответила моя подруга: «Да, ещё вчера всё сделали. Вон, под печкой в пакете возьми».

Он шуршит пакетом, перед выходом сказал, что, если не прилетит вертолёт, то снова они будут резать панты. Ой, как хочется от холода, от дождя, от тоски по дому и теплу завыйть. Но подруга ткнула локтем в спину, что пора выходить

из палатки. Палатка нагреется от печки, так уже всё внутри палатки влажно, надышали за ночь. За весь месяц ни разу не снимали свитера, так и спали в спальниках, поэтому я мигом надела пальто, вытащила сапоги и ватник, вышла из палатки, завернула свой спальный мешок, положила внутрь своей оленьей шкуры, села у холодной печки, жду строгую коллегу.

На другой половине чума из своего балагана вышел сонный Николай, за ним – растрёпанная Вера с Яшей. Из балагана Марины появились коротко стриженные головы наших мальчиков Кости и Коли.

Наконец-то вышла недовольная Нина Ивановна, палатку перевернула наизнанку, чтобы подсохла, повесила за шесты. Мы молча вышли из чума, пошли под горку.

На улице видимость хорошая, только дождь, нет снега, быстро плывут по небу сероватые тучки. Из нашего макодана вьётся чёрный дымок, из соседнего макодана – сизый. Наверно, от дров зависит цвет дыма. Около соседнего чума видна хлопотунья Степанида, взяла охапку дров, зашла в чум.

Вот из нашего чума стали выходить по одному, всем надо сходить под горку, но даже мальчики знают, что под эту горку ходят женщины, а мужская сторона в направлении головок нарт.

Вот все снова в чуме, помылись и сели завтракать. Вера очень ласково спрашивает у мужа: «Вертолёт ниб” то”, тамна морам’ мадагунни’? Тоходана тара нив”, ялена” мер” ваеңга» («Если

вертолёт не прилетит, будем ещё панты резать? Надо учиться, время быстро летит»).

Приятно слышать её слова об учёбе. Только время для нас летит очень медленно, когда, особенно, ждёшь в холодном чуме, когда мёрзнут руки и ноги. Николай степенно ответил жене: «Мэсь нэя, морам’ мадава тэхэ”на сава ни һа”, ты” хаңгурта”» («Хватит, не будем, говорят, от этого олени болеют»).

Слова хозяина нашего стойбища радуют. Всё он молчит, а знает о том, что вредно резать у оленей молодые рога. Беспокоится о своих оленях истинный оленевод из рода Ламдо! Наверно, род его из-за Урала, у нас в округе я не слышала таких ненецких фамилий. Значит, будем работать, хоть время быстрее пройдёт. А соседи сами решат, что делать. Я буду Колю да прилежную Егоровну учить, если другие будут заняты пантами. С такими мыслями молча пью тёплый чай.

Вдруг широко открылась дверь, зашёл улыбающийся Степан с вестью о том, что вдали слышен гул летящего вертолёта. Мы от радости готовы были выскочить на улицу, но неприлично так делать, тем более, все спокойно продолжили чаёвничать.

Вера пригласила брата пить чай, Степан с удовольствием сел за стол, чаепитие продолжается. Костя вышел на улицу, скоро вернулся: «Вертолёт мале һади, тальня’ миндяраха» («Вертолёт уже виден, кажется, сюда летит»). Костя снова вышел, за

ним выбежал Коля. Мы перешли на свою половину, сидим на «стульчиках», ждём, какие новости принесут ребята, но уже гул слышен, совсем рядом возле чума. Точно, сюда вертолёт летит, за пантами. Но мы не спешим выходить, в чуме пока тепло, все сидят за столом, разговаривают, а замёрзнуть на улице ещё успеем.

Вновь открывается дверь, на пороге злой «Шут гороховый» возмущённо говорит: «Њамгэ, хасида», вертолёт ъамдута!» («Что, глухие, вертолёт садится!») Николая и Степана как ветром сдуло, только пили спокойно чай, разговаривали. Видно, и на них Пётр наводит страх.

Как испугались они, когда я на картинке показала настоящего крокодила. Испуганная Марина спросила: «Ханяна' тарця ъылека илета?» («Где такие чудовища обитают-то?») Вот тут-то пригодились мои знания по географии. Пока Вера собиралась и одевала Яшу, а Марина мыла посуду, я с удовольствием стала им рассказывать про обитателей южных стран, показывая иллюстрации из книги «Животные мира». Видно, навела на них страх, они испуганно воскликнули вновь: «Тарця ъылека' тюкон' ни тут»? («Такие чудовища к нам не смогут прийти?») – спросила Вера.

Две хозяйки нашего чума, напуганные картинками из книги, ахая, охая, вышли на улицу, между собой рассуждая о животных.

Мы стали писать образцы букв в тетрадах для урока письма, готовить разрезную азбуку. Улетит

вертолёт, и мы вновь продолжим нашу учёбу, и я пойду в свой тёплый рабочий чум. Сначала попрошу свою ученицу ласково, чтобы она мне спела коми песню, да про полешко надо сказать. А я ей спою современные песни, может, из бабушкиных песен что-то вспомню, сказки ей почитаю, она любит слушать. А учиться будут её дорогие сыновья, её уважаемый муж да любимый внук Коля. Ой, это я размечталась, надо выйти на улицу.

Недалеко от чума важно сидит большой и пузатый вертолёт, все ученики покорно стоят около него с мешками. Мы стоим около своего чума, что нам остаётся делать: смотреть, ждать и мёрзнуть.

Около наших учеников ходит толстый незнакомый мужчина высокого роста. Вынес весы, значит, приехал продавец. Деловой Пётр взял мешок у хозяина стойбища и положил на весы. Продавец, видно, смотрит на весы, записывает, Пётр берёт следующий мешок, так прошли все мешки моих учеников. Подходят к продавцу со своими мешками Вера с Николаем.

Мы решили подойти поближе к вертолёту. Вот Пётр быстро берёт Верин мешок, ставит на весы, продавец смотрит на весы, говорит, что вес мешка двадцать восемь килограммов.

Я переспросила продавца на русском языке: «Сколько?»

Продавец посмотрел на меня и спросил удивлённо: «А вы кто?»

Я не успела рта открыть, Пётр ответил: «Это учительница, у них работает».

Продавец вновь задал мне вопрос: «Давно вы здесь работаете?»

На вопрос ответила вопросом: «А почему мешок так мало весит? Ведь обычно мешки весят пятьдесят килограммов».

Продавец растерялся, неуверенно ответил: «Так показали весы».

Тишина. Николай подал свой мешок Петру. Продавец положил большой мешок на весы. Все ждут ответа, я подошла поближе к весам, посмотрела, но жду, что скажет продавец. Продавец, посмотрев на меня, недовольно сказал: «Сорок восемь килограммов». Вдруг сердито сказал: «Я не буду брать у них панты, пусть сдают, куда хотят».

Все посмотрели на меня, я перевела слова продавца своим ученикам. Мудрый отец большого семейства Григорий Николаевич спокойно, уверенно говорит мне: «Сянри нэя ноб», моракуна” намгэхэртаңэ ни” хант”» («Пусть столько, сколько он сказал, иначе панты совсем зря пропадут»).

Пётр молчал, а тут повернулся к продавцу. Радостно сказал ему, что они согласны, будут ему сдавать панты. Довольный продавец достал калькулятор. Моя дорогая коллега кивнула головой в сторону чума.

Мы медленно, в своих «красивых» нарядах, поплелись в остывший чум. Здесь свои законы. Видно, и раньше так шла у них торговля.

А мы – учителя, наше дело учить, а не права качать. Настроение было испорчено, что делать, только сидеть в чуме и ждать учеников. Скорее бы улетел вертолёт в Воркуту, а нам надо домой, в Нарьян-Мар.

На душе кошки скребут. Хорошо, что рядом внимательная подруга, которая поддержит добрым словом, полезным советом, просто своим присутствием. Немного осталось, надо отработать, а потом добираться в Амдерму. Но как, на чём? Опять неизвестность! Может, Стёпка – наш почтальон, мы его так стали звать, опять поедет в стойбище, где наши девчата работают? Вдруг вездеход с дровами придёт?

Вот уже около чума слышны голоса учеников, заработали двигатели вертолёта. В чум зашла Вера, виновато сказала: «Ңацекэв хэвхананди’ хаяңгув”, ты” то”, ёркола тара» («Оставлю около вас ребёнка, подошли олени, надо помогать их ловить»). Мы попросили её, чтобы она отправила Костю и Колю, хоть с ними позанимаемся: повторим буквы, прочитаем, повторим русские слова, поработаем над произношением слов.

Послушные ребятки быстро пришли, сообщили, что колхозник не улетел на вертолёте, а его увезут сегодня на оленях в стойбище Г.В. Окотэтты. Вдруг Коля, лукаво взглянув на нас, тихо сказал: «Хадан’ мякана тамна иба, Степанида намзам’ пиревысь, теда’ таяна хибяхарт яңгу, мал’ вад’ няна мэ”. Таня хэхэва”, таяна тохолкуди’» («В бабушкином

чуме очень тепло, Степанида сварила много мяса, теперь в чуме никого нет, все около загона, ловят оленей. Пойдёмте туда, можно там учиться»).

Да, быстро я их научила своим примером, всего лишь одно полешко взяла, а Коля понял, что теперь можно и в соседний чум идти, даже с их котла поесть. А может, думает, что он там живёт, значит, можно нас пригласить в чум бабушки. Очень вежливо стала исправлять свою ошибку. Я ему объяснила, что нельзя так делать, там никого нет, неудобно без разрешения и приглашения бабушки заходить в их чум, а тем более есть в их чуме.

Расстроенный моим ответом, Коля из рукавички достал карамельки, протянул нам и братьям, наверно, его угостили около вертолёта. Мы были очень благодарны ему за заботу, видно, и ему стало нас жаль.

Яшу посадили в ебц – люльку, дали в руки потрёпанную книгу «Ковёр-самолёт», пусть привыкает к книгам.

Забавный Коля своим вниманием поднял настроение, тогда решили, играя, учить русские слова: мы называем вещи в чуме на ненецком, ребята отвечают на русском языке, потом отгадываем загадки. Я читаю стихи Агнии Барто, Сергея Михалкова, сказки из книги «Вы’ терко». Хорошо, что я взяла книжки-малышки с картинками, мальчишки с удовольствием работали, а книги им в подарок. Радостные мальчишки вышли из чума. А мы опять остались с крохотным Яшенькой.

Вот пришла наша кормилица – Марочка, Марина. Как всегда, принялась за топку печки, внутри печки – сухие дрова.

Наконец-то пришла хозяйка нашего чума, прилежная ученица Нины Ивановны, села на мягкие олени шкуры, стала рассказывать последние новости. Продавец с ними расплатился деньгами, Петру дал свёрток, она не знает, что там, он унёс свёрток в чум её родителей. Продавец у отца взял деньги за те продукты, которые привезли на маленьком вертолёте, ещё дал отцу сколько-то денег, деньги у Степаниды. Вера протянула свои деньги нам, чтобы сосчитать. Было две тысячи восемьсот рублей. Да, сколько же стоил один килограмм пантов? Вера не знает, мы тоже не знаем, да и вряд ли нам скажет помощник продавца, «Бармалей». Вполне возможно, он может тоже не знать.

Все жители нашего чума собрались, на столе чашки, стали обедать. Из соседнего чума слышны весёлые голоса, хохот «Шута горохового». Вдруг открывается дверь, зашёл желанный гость – наш Коленька, по лицу видно, что он чем-то расстроен, снял малицу, прошёл на своё место, сказал, чуть не плача: «Ҧани’ җоб” сяркам’ колхозник макаданда туюхулҗа» («Опять колхозник из-за пазухи бутылку достал»). Вот теперь ясно, что было в свёртке, который передал продавец «Крокодилу». Наверное, отвальную решил поставить, от одной бутылки такой толпе ничего не будет.

Степанида сварила на обед десятилитровый бак мяса. А у нас как всегда одна сковорода: утром, днём и вечером мясо с вермишелью. Наши хозяева молодые, они малооленные, поэтому мало мяса. Права наша Вера, что родители Николая растеряли своих оленей. Вот теперь каждого оленя берегут.

Теперь надо дожидаться отъезда колхозника, после обеда провести уроки в тёплом чуме. Радует то, что дождь перестал стучать по чуму. Наконец-то, может, будет хорошая погода. Хоть пройтись по берегу озера после уроков, где сидят маленькие уточки, неизвестно, когда прилетели. Может, раньше сидели на гнёздах, прятались от холода. Это озеро со странным названием Трипаты, говорят, рыбное, но кто в такой холод будет сети ставить, если лёд на озере.

Нина Ивановна готовится к урокам, у меня тоже всё готово. Зашёл в чум Костя, сообщил, что все вышли на улицу. Вера сказала, что надо выйти из чума, а то к нам могут зайти. Ведь «Бармалей» у нас не пил чай. По ненецким обычаям надо гостить в обоих чумах. Мигом надев ватники, направились на улицу. Моя весёлая Егоровна очень приветлива с нами, ласково говорит: «Степанидари' мякана мэ, хыдина" халтамби, тания' тюдима, сяйндади'» («Степанида в чуме, моет посуду, зайдите к ней, попьёте чай»).

Прощаются, по ненецкому обычаю, за руку с гостем. Пётр подошёл к нам, приветливо улыбнулся и очень ласково сказал: «Тамна ят" ханьтаңгуди'.

Валакада хардати' няю ятнаңгуди'. Нумда савумдана, сарёда нэвадэй". Маркана мань не' нюв тоходана, Таня Валей. Матрёна, пыдар школахананд' тоходана. Теневар тарця не нацекым'?» («Ещё придётся вам мёрзнуть. Хорошо хоть дождь перестал лить. Скоро домой поедете. В городе у меня дочь учится, Таня Валей. Матрёна, в вашей школе учится. Знаешь такую девочку?») Он был выпивший, но спокойный, даже добрый. Мне было приятно, что он сочувствует нам, спросил про свою дочь. Да, помню его дочь, училась хорошо, старательная. Может, и он порядочный человек, нужда заставила его собирать панты, оленеводы теперь везде плохо живут, получают мизерную зарплату.

Вот Пётр важно уселся на нарты молчаливого Алексея. Тот взял в руки хорей, развязал вожжи, на ходу прыгнул на нарту, и упряжка Алексея понеслась по кочкам. Не привыкать им к быстрой езде! Гость махнул рукой, крикнул: «Лакамбой!» («До свидания!») Мигом упряжка скрылась с глаз.

Все облегчённо вздохнули, что колхозник уехал.

Две «совы» на нарте

Добродушный хозяин стойбища, улыбаясь, ближе подошёл к нам и сказал: «Теда' ямдана пяңгува"» («Теперь кочевать будем»). Никто не возразил ему, значит, всё было уже решено, только наше стойбище об этом не знало. А может, Вера знала, поэтому была недовольна?

Все пошли в сторону чума. Зашли в холодный чум, холодные и голодные стали собирать свои вещи. Долго ли нам, у нас уже почти нет вещей, только книги в большой сумке да спальные мешки положить в рюкзак. Вера с Мариной выносят всё из чума на улицу к грузовым нартам, помогают мальчишки, Николай готовит упряжь.

У нас опять работа – Яша, стоим около Веринной нарты, развлекаем его, ходим около нарт. Как жаль, что не зашли перед дальней кочёвкой в тёплый чум, хоть согрелись бы перед дальней дорогой.

Вот недовольство Веры – загадка, возможно, поставим чумы на любимом чумовище её матери. Из другого чума Степанида, Николай, Степан, Егоровна тоже выносят вещи. Их отец, глава семейства, ходит между нартами, смотрит упряжь. Неожиданно подул сильный ветер, пошёл сырой снег. Все стали надевать плащи. Вера, порывшись в вещах, достала один плащ, потом другой, подошла к нам, подала новенькие зелёные плащи. Мы поблагодарили свою хозяйку, она показала, как прикрепить пуговицы. Быстро надели плащи, помогли друг другу застегнуться (необычные пуговицы). Плащи наши до земли, сразу стало намного теплее. Как приятно, что о нас заботятся. А ноги мои уже мёрзнут. Я прыгаю, Яше весело, он звонко смеётся, а мне-то не до смеха.

Вот уже разобраны чумы, все вещи уложены, ждём оленей, они рядом за озером. Уже летят

большие хлопья снега, земля вновь вся побелела, стало ещё холоднее. Яша заснул.

Слышим громкий голос Егоровны, она обращается к Вере: «Сидя ханебцёр ханяна тиңгухунда?» («Две твои совы где будут сидеть?») Вера спокойно отвечает: «Тямда’ пыди’ ханди’, мань вандаков нэнгу» («Вот их нарта, моя вандако будет ею»). Вандако – это грузовая нарта для вещей, у зажиточных оленеводов их бывает несколько.

Мы были удивлены тому, что прилежная моя ученица назвала нас совами, но на это не обратили внимания, радовало то, что у нас есть своя нарта. Будет нарта в аргише у нашей заботливой хозяйки Веры. Ура, у нас своя нарта!

Стали громко лаять собаки, значит, загоняют оленей, чтобы потом выбрать нужных ездовых быков, запрячь их в ездовые и грузовые нарты.

Мы не знаем оленей, а оленеводы каждого своего оленя знают в «лицо». Да и олени знают своих хозяев. Вот и мальчишки там радостные бегают, у них уже есть свои олени. Смотрим на дальние сопки, которые плохо видны из-за падающего снега...

Вот все готовы, перед дорогой проверяют аргиши. Пора в путь!

Ясавзем будет мой ученик, хозяин многочисленного стада оленей Григорий Николаевич Валей.

Он очень стремится научиться грамоте, но не получается, хоть бы заглавные свои буквы – В. Г. Н. знал. Самая большая проблема для него –

писать, ему привычнее держать хорей большими натруженными руками, чем тоненькую ручку – паднабць’.

Наша хозяйюшка взяла в руки хорей, посмотрела в нашу сторону, сидим ли на нарте. Мы сидим на своей нарте, прижавшись спинами друг другу. Взгляд мой упал на ноги Марины, на ногах у неё громадные сапоги, заплатка на заплатке в изгибах. Видно, надела на пимы, для тепла. Опять вспомнила Ивана Ефремовича, который был в больших бродовых сапогах с липтами. Умный человек, на острове Колгуеве вырос, знает проказы природы. А мы всё надеялись на лето. Где же лето? Ау!

У нас мёрзнут ноги, потому что сапоги одеты на шерстяные носки, а здесь спасением являются большого размера сапоги и либты.

Вот и моя Устина Егоровна идёт к своей нарте, еле ноги поднимает, но зато не мёрзнут ноги. Надо здоровье беречь.

Уже конец июля, а лета нет, и, наверно, не будет. Сырой снег всё идёт и идёт, вся земля белым-бела, даже проталин нет.

Аргиши едут быстро, легко, только снег скрипит, из-под ног ездовых быков иногда брызжет вода, летят комья снега. Громко плачет наше солнышко – краснощёкий Яша. Он устал в люльке, хочет кушать, а может, сырой лежит. Скорей бы остановка, хоть походить, ноги размять. От холода только пар стоит над аргишами. Ничего не видно.

Поставить чум – это спасение от холода, погреться около печки, попить чаёк. Совсем немного осталось времени работать, хоть бы не заболеть.

Нина Ивановна говорит, что не чувствует ног, вода ей попала в сапог, видно не успела поднять ноги, когда проезжали большую лужу. Что делать, надо ждать, хотя бы остановку. Я ей отдам свои стельки от сапог, нам Марина вырезала стельки из оленьей шкуры. Или отдам шкурку, которая у меня на спине пальто, приделала Степанида, на булавах держится. Пришлось попросить шкурку у Степаниды, когда у меня очень мёрзла и сильно заболела спина, не могла уже наклоняться. Ещё у меня есть шкурка маленького песца, серенькая шкурка, чуть больше рукавицы. Мне её подарил добрый Николай, младший сын моей Устины Николаевны. Он сам поймал маленького песца, хотел его воспитывать, но укусила собака. Шкурку он снял, высушил, вот и мне пригодилась, она у меня на шее, под платком, очень хорошо греет.

Я вся мехами обложилась, но всё равно мёрзну. Совсем отвыкла от тундровой жизни. Кто бы из городских школьных коллег увидел меня, сейчас, точно испугался бы моего вида. Даже Пётр был удивлён, да пилот вертолёта и продавец пантов не приняли нас сначала за учителей, пока мы не заговорили с ними на русском языке. В тундре известную пословицу можно переиначить: «Встречают по одежке, а провожают по разговору». Нине Ивановне Вера тоже предлагала шкуру, но моя на-

парница отказалась, и мне не велела брать: а вдруг песец больной? Может, и больной был песец, но шкурка греет, это моё спасение от холода. За заботу обязательно отблагодарю всех, лишь бы доработать, добраться домой.

Наконец-то остановка! То ли от инея, то ли от холода или снега, все мы тоже белые. Моя коллега не может снять сапог. Опять сапог стал твёрдым, придётся терпеть до тёплого чума. Ноги теперь у нас на нарте, прикрыли шкурой, которую принесла Вера. Мы, наверно, выглядим смешными и жалкими, точно две «совы» на нарте. Подошла тихая Степанида, принесла сушки, карамель, сухарики. Но нам не взять, мы словно деревянные идолы. Длинные рукава мешают. Не можем шевелиться. Она успокоила нас, что уже скоро будем ставить чум рядом с рыбным озером. Поставим сети, наберём много рыбы.

Снова в путь. Мысли только о тёплом чуме, о горячем чае. Вот, кажется, остановились первые аргиши. Все идут в сторону озера, ходят, выбирают место для чума. Мы слезли со своей нарты, плетёмся к ним. Да, место красивое: под крутым берегом большое рыбное озеро, на берегу небольшая избушка, на озере лёд, место ровное. Недалеко видна остроконечная сопка. Всё покрыто снегом, от дыхания оленей в воздухе густой пар. Соседи распрягают ездовых быков, стали ставить чум.

А мы ждём Марину, которая отстала. Вера отправила мужа узнать, что произошло, помочь Марине.

Вот и они едут, мы очень рады. Соседний чум готов, но туда не пойдёшь, будут заносить постельные принадлежности.

Пришли братья Веры помогать ставить наш чум, может, отправила их Устина Егоровна. Видит, что от нас, двух «сов», пользы нет. Только ходим около нарт, глядим в сторону своего чума. Заботливый отец Веры молча принёс охапку сухих дров к нашему чуму. Шустрая Марина побежала к озеру, принесла в чайниках воду, поставила на печку. «Какая она молодец, – восхищаемся ею, – дай ей, Боженька, много здоровья, женского счастья!» Сколько в ней энергии, терпения, ловкости в движениях. Да, такая наша ученица – тундровичка! Потом принялась за печку.

Пришёл с улицы Костя, сказал: «Егор, Степанида ня' няманзейм' юнкон' пядбихи'» («Егор и Степанида пошли ставить сетку на речку-юнку»). Я очень обрадовалась, подумала: «Вот молодцы! Может, на уху что попадёт. Все соскучились по свежей рыбке. В Нарьян-Маре уже рыбку давно горожане едят».

Чудо рыба – голец

Образ жизни кочевых народов складывался долгими веками, особенности их жизни и быта во многом определялись суровой северной природой, с ней всегда надо говорить на «вы», за неуважительное отношение можно и поплатиться. Да,

это так, вот и нас проучила за легкомыслие родная наша матушка – природа.

Утром снова шёл дождь со снегом, сразу после завтрака я побежала на работу. Как я удивилась и была рада, когда увидела, что Степанида чистит красную рыбу – гольца. За ночь попало в сеть около десятка рыб. Три средние рыбки она положила в миску, с ними вышла, унесла в наш чум. На душе стало радостно, значит, будет ловиться рыбка. Все мои ученики пишут образцы, повторяют пройденное, пытаются читать. А мой взгляд так и просится в сторону красивых гольцов.

Тихая Степанида хлопочет у огня, поставила большой котёл с водой на печку, два громадных чайника, занесла дрова, затопила печь. На обед будет аппетитная уха, вот какие большие куски она нарезала. Я уже про себя решила, что сегодня буду здесь обедать.

Вдруг протяжно залаяли собаки, Коля выглянул на улицу, сказал: «Нэдалёда миңа» («Упряжка едет»). Настроение упало, опять отвлекут от работы моих учеников, да и кто такой счастливый, что будет угощаться рыбой. А может в наш чум зайдёт, там опять моя коллега расстроится, ведь у них рыбки небольшие. Строго говорю ученикам: «Хибы тона харта мят' тюңгу» («Кто приехал, сам зайдёт в чум»). Устина Егоровна за всех отвечает: «Тарем', тарем', но́б" паднада", валакада едвa" пиңгу Һавортава"» («Так-так, пишите, скоро рыба сварится, обедать будем»).

Тишина в чуме, только дождь стучит да дрова в печке трещат. К нам никто не зашёл, да и Костя не идёт, видно, ещё не готов в нашем чуме обед.

Вот Степанида с печки подняла котёл с рыбой, приготовила два больших блюда для рыбы, стала аккуратно доставать рыбу из котла, сверху посолила. Запахи ухи дурманят. Я встала, пошла первая к умывальнику, ученики будто этого и ждали, закрыли тетради, все отошли от стола. Степанида перевернула клеёнку, положила на стол блюда с рыбой, разлила в миски уху. Ой! Вот это вкуснятина! В чуме тишина, будто никого нет, молча наслаждаемся Богом подаренной едой.

Вдруг совсем рядом зов Кости: «Матрёна, таля», сыйндава"» («Матрёна, иди, чай пить собираемся»).

Быстрый взгляд направила в сторону хозяйки, она без слов меня поняла, громко ответила внуку Косте: «Харт мят' тю", тюкохона мядондан, халям' һамдан» («Сам зайти в чум, гостем будешь, рыбу поешь»).

Я волнуюсь, зайдёт ли боязливый Костя.

Вот тихонечко открывается дверь, на пороге как всегда улыбающийся Костя, всех оглядел пугливым взглядом, ждёт приглашения бабушки. Щедрая бабушка сказала ему: «Мальцямд' екад, нерня', ва"ав' ерт" һамдад", Микул' хэван һамдад"» («Сними малицу, пройди вперёд, на середину постели, около дяди Николая садись»).

У Кости от радости узкие глазки заблестели, быстро снял малицу. А вот младший брат его Коля

сделал недовольное лицо, неожиданно сказал: «Степанида нянда” халям’ җокавна ханасню”» («Ведь Степанида унесла в ваш чум рыбу»).

Слово взял мудрый дед, строго сказал: «Степанидахава ханя’ халям’ хана”, харта хадавэмда хана, таня’ няр тюкохона мядоҗая. Хибя тода”?» («Степанида правильно сделала, сама рыбу наловила и угостила их, пусть брат здесь погостит. Кто приехал-то?»)

Счастливый Костя глубоко вздохнул, сел около молодого дяди Николая, а недовольный брат Коля после слов деда замолчал, сердито принялся пить наваристую уху, на старшего брата больше не глядел.

Добрый Костя посмотрел преданно на деда, оглянувшись на бабушку, тихо ответил: «Соболев Як Стёпанда’ ня’ тоҗаха’» («Соболев Яков со Стёпой приехал»).

Правильно воспитывают бабушка и дедушка своих внуков! Понравились мне их спокойные советы внуку. Теперь стало ясно, почему боязливый Костя не заходит в чум дедушки, это Коля ему запрещает. Он один себе хочет внимания родственников, а особенно, дедушки и бабушки.

Это кого-то мне напомнило, хоть было так давно. Мой дедушка тоже делал замечания моей бабушке, что только я около неё, но у моей бабушки было доброе сердце, она всех детей стойбища любила. Мне стало неудобно за Колю, значит, и за себя в детстве, я краснею, но все заняты вкусной едой, никто не заметил моего состояния.

Как много значит для человека вкусная, долгожданная, желанная еда. Все в чуме мне будто стали родными и милыми. У всех учеников счастливые и довольные лица. Рыбы хватило всем, даже осталось на тарелке. Молча сидим, ждём, когда Степанида уберёт со стола посуду, и мы опять продолжим заниматься по русскому языку.

А Егор и Степанида пойдут проверять сети. Они всегда вместе, наверно, в интернате привыкли держаться друг друга. Несчастные они, натерпелись при живых-то родителях, их считали сиротами. Очень непонятная история, кто их привёз и почему в город, в школу-интернат? До сих пор для меня загадка. Надо подобрать момент и спросить у родителей. В школе-интернате, помню, всегда были тихими, молчаливыми, тогда не могли в школе добиться от них, откуда они. А может, они и сами не знали, в каких местах кочуют их родители, да и не знали русский язык, не могли ничего объяснить, даже свой возраст, даты рождения. Пришлось специалистов приглашать, чтобы определить их примерный возраст. И теперь всё молчат, особой радости не видно в их лицах. За шесть лет, наверно, отвыкли от тундровой жизни, а теперь вновь привыкают к условиям, к порядкам, к кочёвкам. Что только в судьбах людей не бывает...

Вот всё убрано со стола, я села за рабочее место. Мои ученики покорно заняли свои места, ждут начала урока. Косте, видно, что здесь хорошо, тепло, он не спешит в свой чум.

Урок русского языка. Я спрашиваю у учеников: «Лавкан' тубат", ханзер" Һаварм' ханзь тара?» («Какие слова надо сказать продавцу, чтобы купить продукты?»)

Все молчат, смотрят на отца, тогда отец семейства говорит: «Һэсыхына теневана хибярина" ханзьтыва", пыдо' тэмдорта» («В посёлке обычно зовём знакомых, они покупают для нас продукты»).

Громко произношу предложения, которые надо говорить продавцу. Послушные ученики пытаются повторить за мной русские слова, предложения. Получается очень смешно, я еле-еле сдерживаю смех.

Костя нехотя стал собираться в свой чум. А то получит замечание от строгой учительницы Нины Ивановны, что долго засиделся, а ведь ему тоже надо учиться!

...Мы составляем предложения про погоду, о вкусной рыбе, о членах семьи, о чуме, про оленей.

Незванные гости

Сегодня я в очень хорошем настроении, хочу даже петь. Вдруг заходят незванные гости: Яков – коренастый мужчина лет сорока, чистые смолисто-чёрные волосы пострижены аккуратно, приятная внешность, и его сын Стёпа – маленький худенький мальчик, с большими глазками, как у оленёнка, – зашёл пугливо за отцом.

Яков улыбнулся и приветливо поздоровался, удивлённо спросил: «Тамна Һоб" тоходанада"? Пыдари' Һамгэ Һани', тоходанади'?» («Всё ещё учитесь, вы тоже учитесь?») Последние слова были обращены «молодым» моим ученикам. Они дружно ответили: «Ханянинда, нив" тара" пидте" мям' падба» («А как же, ведь надо нам уметь расписываться в документах»).

Яков внимательно посмотрел на меня выразительными чёрными глазами, с сожалением в голосе сказал: «Мань Һобтарем' тоходанван харвадм'» («Я бы тоже желал учиться»).

На его слова я ответила, что мы уже отработали в этих стойбищах, что теперь бы нам надо в посёлок. Прилетит вторая смена учителей, которые будут работать в следующем месяце.

Григорий Николаевич приветливо предложил гостям сесть на почётные места. Тогда я разрешила ученикам собрать учебные принадлежности: на сегодня все уроки окончены, можно отдыхать. Я вышла из чума. Пусть с гостем пообщаются, есть о чём поговорить. Может он приехал по делу, в такое трудное время оленеводы просто так по гостям не ездят.

Всё также падает снег, на улице никого не видно. И дым не идёт из макодана нашего чума. Значит, в чуме не топится печка. Зашла в свой чум, прошла на свою половину. Стала слушать хозяйку, которая рассказывала моей коллеге странную историю: о Якове, его большой семье. Марины нет

в чуме, видно, пошла за водой. Костя рисует, Николай восхищённо смотрит на работу сына.

Вот залаяли собаки, наверно, подошли олени. Собаки хотят работать, устали сидеть на привязи. Заторопился молчаливый Николай, Костя первый выбежал на улицу, меланхоличная хозяйка стала укладывать малыша в люльку. Я решила сделать подарок симпатичному маленькому Стёпе, положила в пакет новые книги, три букваря, школьные принадлежности, пусть в чуме занимается. Вера сказала, что у Якова жена грамотная, жила в Иваново, там работала, красивую ткань делала. Да, удивительные люди – частники, очень хотелось побыть в чуме ткачихи. Как у неё в чуме? Но кто повезёт нас, да и вид у нас не по гостям ездить, нарядно одетые люди от нас подальше будут держаться.

Какое удивление было в глазах Якова, когда я стала выходить из чума, набросила свой «красивый» ватник. Выходить на улицу не хочется, как сказала Вера, что Яков очень болтлив, сразу по всей общине слух пойдёт о наших нарядах. Пусть Вера передаст мою посылку маленькому Стёпе. И она должна мальчику дать гостинцы, так принято в тундре. Всегда так было, закон предков. А мы пождём, пусть неожиданные гости уедут.

На улице стало тихо, значит, загнали оленей в загон. Марина хлопчет у печки, мы пишем образцы букв, слов, предложения из двух слов к завтрашнему дню. Прошли совсем мало, всего поло-

вину алфавита, да и эти буквы ученики путают. Из всех учеников стойбища твёрдо знают буквы только старательный Николай – младший брат Веры, да Коля с Мариной. Мой друг Костя, – как сказала строгая Нина Ивановна, – некоторые буквы путает, а с остальными хоть всё снова повторяй. Степан и Алексей, наверно, надеются на Степаниду и Егора, – они ведь грамотные, учились, если надо прочитать что-либо, они прочитают и переведут им.

Вера с Николаем тоже слабы в знаниях, у них есть тоже надежда – их сыновья Костя и Коля, ещё Марина, у которой есть способности к учёбе.

Григорий Николаевич родился в 1937, Устина Егоровна – в 1943 году, несмотря на свой уже солидный возраст, в учёбе старательны, может, хотят быть примером для своих детей. Я им благодарна за моральную поддержку, ведь они перестроились, стали вовремя вставать, с большим желанием слушают меня и направляют сыновей, сами прилежно учатся.

Мы занимаемся с учениками добросовестно, каждый день работаем в своих чумах не для того, чтобы использовать грант, норвежские кроны, поставить галочку для отчёта. Нам доверили важное дело!

Вот Марина занесла охапку сухих дров, сообщила, что Яков с сыном только что уехали, Вера передала мою посылку Стёпе. Раньше приехал бы Яков, может, уехали бы в его стойбище, там тоже есть, кого учить.

Кто его знает, где лучше? Работать надо во всех стойбищах, всех учить, охватить всю общину, – таков наказ, тех, кто нас сюда направил. Я рада и горжусь тем, что внесла свою лепту в это благое дело! Свою работу сделали мы на совесть в тяжёлых условиях. Многие узнали о жизни частников-оленоводов. Честь и хвала им за то, что сохранили они традиционный уклад жизни!

Пришли с улицы жизнерадостные ребята. С ними сияет миловидной улыбкой Николай – младший брат Веры. Он протянул нам по маленькому беленькому яйцу. Наверно, утиные, Степанида успела их сварить.

Аккуратный во всем Николай всегда чем-нибудь удивит. Он приветлив и добр к нам, самый талантливый ученик в стойбище. В семье Валева самый младший сын очень деловой, щедрый, везучий, любимчик старшей сестры. Нам приятно его внимание, приятно, что сам он нашёл гнёзда и угостил всех. Вот и опять полезная свежая еда на ужин!

Пришёл разговорчивый Коля и сообщил, что в сети попало всего три небольшие рыбки и добавил, что Степанида хочет их посолить, утром будут готовы, – и хитрыми глазками посмотрел на меня, понял, что я очень люблю рыбку. Я похвалила Колю за добрую новость, спросила, что рассказывал Яков.

Смышлёный Коля всегда всё знает, любит слушать разговоры взрослых в чуме. Да и куда пой-

дёт, если на улице холодно, идёт снег. Коля важно стал рассказывать то, что Яков рассказывал дедушке, – что прошёл вездеход в сторону реки Талаты. Яков не знает, для чего, может, обратно проедет через его чум, он поставил чум у дороги, где ездят вездеходы.

Странно, почему в нашем чуме об этом Яков не сказал? Сообщит ли водителям о нас, если вездеход обратно проедет через его чум? Ведь я говорила ему, что мы завершаем работу, что нам надо добираться как-то в посёлок. Эта новость очень важна для нас! Меня подхватила бурная волна радости! Коленька-дружочек очень нас обрадовал. Как жаль, что у нас нет шоколадки, угостить бы его. Что ему подарить? Подарила ему книгу о животном мире. Он взял книгу, пошёл в свой чум.

Добродушный Костя стал играть с Яшей. Нашей хозяйки что-то нет, видно, с мужем на улице, они в зелёных плащах не мёрзнут. Подолгу могут быть на улице, им привычно. Трудолюбивая Марина растопила печку. Стало в чуме тепло, нет дыма, дрова сухие.

Мы решили перебрать сумки с книгами. Я в отдельный пакет положила классный журнал, рабочие планы, чтобы потом положить в рюкзак. В рюкзаке осталась одежда, которую надену после баньки в посёлке. Никаких больше вещей, если повезут на упряжке, хоть будет легко оленям. А книги хозяевам подарим, пусть читают, учат могучий русский язык.

Пришли наши хозяева, Марина стала накрывать на стол. Молча поужинали. После ужина мы сразу ложимся спать, здесь так принято. Прогулялись под горку, поставили палатку, дело уже привычное и залезли в свои спальные мешки. Спите спокойно, дорогие жители стойбища!

Сердитый ветер всё играет с покрывкой чума, крупный дождь стучит по чуму, опять наводят грусть и тоску. Лишь бы утром была хорошая погода.

Что-то не спится, разные мысли крутятся в голове. Почему-то за ужином наши хозяева ничего не сказали про поездку в посёлок. Завтра утром узнаю у серьёзного своего ученика Григория Николаевича, а лучше всего у своей дорогой Устины Егоровны.

Вспоминаю то, что Яков тоже был удивлён, когда на нашей стороне увидел палатку и два наших «стульчика», большую сумку с книгами и два рюкзака. Об этом сказала моя коллега. Она заметила, что он очень разговорчивый и любопытный. Интересовался о наших делах в стойбище, о жизни в городе.

Наши хозяева сухо разговаривали с ним, наш хозяин всегда молчаливый, а разговорчивая Вера, к удивлению моей коллеги, почти не общалась. Зато сегодня сама хлопотала у стола, потчевала гостей.

А тихая Марина совсем сделалась маленькой, сидела у очага, изредка подбрасывала сухие дрова в печку. Хорошо, что теперь у нас появились сухие

дрова, – здесь нет ивушки, совсем голая тундра у моря Карского. Видно, решили вопрос с дровами. Я честно сказала своей прилежной ученице, что брала одно полешко на растопку, но дров у неё не просила. Это дело наших хозяев.

Права Вера, её отец очень добродушный человек, чувствуется, что переживает за семью дочери, заходит в её чум. А вот матушка Веры ни разу не заходила в чум своей дочери. Да, чужая, незнакомая жизнь, для нас, как говорится, потёмки.

Опять вспомнила слова Стёпки-почтальона. Он сказал, что реки ещё очень многоводны, чтобы их пересечь, надо ехать, стоя на нарте. Вода будет по колени. Мне становится страшно.

На днях, когда Николай пересекал реку, унесло течением собаку-трудяжку, она упала с нарты в воду. Он был очень огорчён. Тихо рассказывал нам, как собаку стало уносить сильным течением, хотел её поймать, но собаку унесло под ледяной затор, сколько звал, ждал, но она не появилась на поверхности воды. Очень горько ему, ещё тяжелее будет работать ему без умной собаки. Уж придётся обучать работать новую лайку. Да, собак много в стойбище, но обучение требует времени. Без хорошо обученной собаки трудно оленеводу пасти оленей. Недаром говорят, что хорошая оленегонная собака в тундре стоит упряжку оленей.

Крутятся картинки из рассказа хозяина передо мной, как наяву, и страшно мне становится. Как нам добираться до посёлка? Ведь у наших учени-

ков нет лодки. А рек в сторону посёлка будет много, сколько воды кругом было, когда мы кочевали на новое место.

Я надеюсь, наши ученики что-нибудь придумают. Можно на женские нарты положить наши стульчики-ящики. Ведь женские нарты выше и шире мужских нарт. Мы будем сидеть высоко на ящиках и не вымокнем. В таких случаях обычно на нарты оленеводы кладут воз ивняка, но здесь ивняка нет.

Так мы тихонько рассуждаем и успокаиваем себя с Ниной Ивановной. И сон приходит.

Долгожданная встреча

Среди ночи я проснулась, будто слышу шум вездехода. А, может, мне уже кажется, или сон приснился. Снова прислушалась, в чуме тихо. Наверно, злой ветер свистит, играет со мной, пугает.

Вдруг прикрывается дверь чума, я слышу голос нашей учительницы Татьяны Васильевны: «Здесь учителя?» Я испугалась, точно схожу с ума, толкнула Нину Ивановну, молчу. Вот уже кто-то зашёл в чум.

Татьяна, видимо, увидела нашу палатку, стала трясти её. И громко сказала, что надо скорей собираться, водители не хотят стоять, спешат домой. Тогда я быстро скинула спальный мешок, схватила свой рюкзак, ватник, быстро обула сапоги, бросила пакет с документами в рюкзак, пулей выскочила из

чума. Оглянулась кругом, увидела долгожданный транспорт – вездеход, он стоял в стороне от чума.

Напрямик по рыхлому снегу, проваливаясь, побежала в сторону вездехода. Слышу, громко кричит Татьяна: «Матрёна Ивановна, вы палатку и спальник забыли».

«Пусть останутся. Может, пригодятся нашей Марине», – подумала я. Оглянулась назад, Татьяна бежит с рюкзаком моей подруги, накинув его на спину. Последней бежит Нина Ивановна.

Я прибежала к вездеходу, водители недовольны, ворчат, что нет места. Даже не взглянув на них, забросила рюкзак в вездеход, быстро вскарабкалась внутрь. Всё ещё ничего не понимая, уселась с краю.

Только тогда оглянулась вокруг, заметила, что тут сидит наша Елена, что много вещей. Прибежали коллеги, тоже закинули вещи. В приоткрытую дверь я увидела, что около вездехода стоят с грустными лицами наши сонные ученики. Когда успели? Вот они помогли Нине Ивановне забраться в вездеход. Шустрая Татьяна сама легко прыгнула в него. Недовольные водители стали закрывать дверь. Я успела только громко крикнуть нашим ученикам: «Лакамбой!» («До свидания!»)

Вездеход несётся быстро, нас подбрасывает на ухабах. Всё это можно вытерпеть, главное, внутри тепло и едем в посёлок. А в думах печальные глаза наших учеников. Я не попрощалась с ними, как положено ненке, забыла сказать добрые слова. Как мне горько, непрощенные слёзы бегут по

лицу. Я не стесняюсь их, в вездеходе темно, да и все свои, они меня поймут.

...Вот и посёлок, не верится, что скоро домой, в Нарьян-Мар! Водители остановились около крайних домов, видно, там живут. Три часа ночи, между домами не так уж холодно. Взяли свои вещи, поплелись за незнакомой молодой женщиной, предложившей до утра остаться у неё. Да, есть добрые люди на белом свете! Вот и водители помогли нам вытащить вещи из вездехода, тепло попрощались, вовсе не такие угрюмые, как показались в тундре.

Наконец-то дошли до дома. Зашли в квартиру, в коридоре сняли свои ватники, пальто, влажные сапоги, теплую одежду. В двухкомнатной квартире Даши, так её звали, было жарко. Может, после прохладного чума так нам казалось. У неё в квартире был титан с горячей водой. Приветливая хозяйка разрешила нам всем помыться с дороги. После чая всем постелила на широком диване. Все были уставшие, сразу провалились в глубокий сон. Какое это счастье – спать в тепле!

Утром в тундровых нарядах мы пошли в администрацию. Там должны быть наши билеты на самолёт и командировочные удостоверения. Узнали, что заботливый Иван Ефремович забронировал места в гостинице. Устроились в тех же гостиничных комнатах, оставили вещи. Разговорчивой соседки нет, навсегда уехала на Большую землю?

Пошли в магазин к нашей знакомой Марии Александровне, чтобы вернуть ставшими для нас дорогими тёплые ватники. От души благодарили её за заботу, жаловались на погодные условия. Она сообщила, что вечером можно сходить в баню, погреться.

Какое счастье – тёплая банька, о которой мечтали! В посёлке у нас нет дел, пошли в гостиницу отдохнуть, вечером в баню. А завтра домой! Ура!

Баня оказалась далеко от посёлка, заботливая Мария Александровна договорилась с машиной. Как хорошо в баньке! Сразу почувствовали прилив сил, словно вновь родились. Какая замечательная Мария Александровна!

Кроме неё мы ещё знали разговорчивую соседку бабу Любу. Да, подружились с молодой, красивой, с толстой косой Дашей, у неё есть доченька Марина. Даша работает в детском саду, а пока в отпуске. В тундре у частников-оленоводов живёт её старшая сестра Елена, жена Якова. Она к ней ездила в гости. Родом она из Усть-Кары, хорошо говорит на коми языке. Вечером пришла к нам в гости Даша с доченькой. Она принесла конфеты, солёную и свежую рыбу.

Решили чаёвничать. Разговоры льются ручьём, есть нам, что рассказать друг другу. Почти целый месяц не виделись.

Прощай, Амдерма – пятнышко родимое у Карского моря! Мы никогда не забудем своих первых учеников – оленеводов. Помня их наказы и

просьбы, надеемся их разрешить. Это я обещаю и сделаю. Есть в городе равнодушные люди среди руководителей, кто решает проблемы жителей округа. Они поддержат нас, помогут оленеводам-частникам.

Пусть простят нас наши ученики, но, кажется, мы, уже отвыкшие от кочевой жизни, для них были обузой. Да, они старались, понимали, что мы хотим научить их грамоте, делаем благое дело. Они относились к нам с пониманием! А мы, ставшие городскими, словно бы новички, испытали все трудности кочевой жизни и почувствовали, что обратного пути нам уже нет.

Я уже никогда не смогу быть хозяйкой большого чума, вернуться в то безмятежное состояние счастья, как когда-то давно, в детстве. Жить и кочевать, как истинные частники-оленеводы. Увы, уже нет! А они? Они-то другой жизни не знают, никогда не отдыхали, не жили в посёлках. Может и лучше?

Частники – вольные люди. Живут ради своего блага, душевный отдых при них всегда: это олени, их дети, жилище, места кочевий, где они привыкли жить и трудиться в гармонии с природой. А главное то, что они не хотят жить в посёлке. Тундра – это, может, и есть их трудное, но счастье! Может быть, они, наоборот, жалели нас, мы им казались несчастными, оторванными от родных корней? Мне пока трудно разобраться. Знаю только, что надо верить, уметь радоваться,

надеяться на светлое будущее, жить с надеждой и верой в душе!

Поеду к дорогой мамочке, съезжу к любимой дочери, увижу новорожденного внука. Маленького, славного малыша! Я стала бабушкой. Это здорово! Эти добрые мысли вновь вдохновили меня.

До свиданья, Амдерма

Совсем скоро прилетит белый лайнер, я вернусь домой. От радости у меня поднялось настроение, захотелось одновременно петь на родном языке, читать стихи, гулять у Карского моря, любоваться бескрайним простором моря, дышать морским воздухом. Всё должно быть хорошо!

Вот мы в аэропорту, одни в холодном здании. Приехали рано, что делать в гостинице? Рады, что нет тумана, прохладная, ясная погода.

Мысли мои возвращают меня в общину. Я очень надеюсь, что работали мы не бесполезно. Наши гордые частники-оленеводы учились, старались. Я очень благодарна им за науку выживания в любых погодных условиях.

...Приземлился лайнер, амдерминцы быстро прошли регистрацию. А мы ждали у стойки группу учителей второй смены кочевой школы. Прошли около нас с большими рюкзаками и с сумками, жизнерадостные учителя. Мы поздоровались с ними. Что их там ждёт, они ещё не знают. Я успела сказать Серафиме Петровне, чтобы она работа-

ла у Веры, что там пустует половина чума. С ними идут Ивар Бьёрклунд и Людмила Истомина.

Наконец-то нас пропустили к самолёту. Ура, летим домой!

Послесловие

После первой поездки в общину «Ямб то» я ещё тринадцать раз проработаю в летней кочевой школе. Посёлок Амдерма станет для меня родным и милым, в нём появится у меня много друзей.

Много возможного и невозможного сделано главой посёлка Татьяной Васильевной Федоровой для его сохранения. Мы все очень ей благодарны. Для членов общины была сделана гостиница, в которой оленеводы, приехавшие в посёлок, могли отдохнуть, при желании пожить.

Большим уважением в общине пользовалась и Мария Александровна Сушкова, работающая заместителем главы администрации Амдермы. Её любили оленеводы из общины, которым она оформляла паспорта, свидетельства о рождении. Теперь оленеводы общины получают социальные выплаты. Оленеводы общины ласково её называли «Сись» тядэ-лтана» («Душа нараспашку»). В честь неё названы в семьях оленеводов девочки Машеньками.

Каждое лето вновь хочу в эти места, в тундру, к моим ученикам. Выражаю искреннюю благодарность инициатору проекта «Образование для выживания» Ивару Бьёрклунду, доброжелательной

и красивой Даше, разговорчивой соседке – бабе Любе, моим прилежным ученикам, нашему уверенному ясавэю Ивану Ефремовичу, смелым водителям вездехода. К сожалению, не знаю их имён и фамилий, даже лиц не помню. Моим дорогим коллегам: заботливой Нине Ивановне, неунывающим и весёлым Елене Гавриловне и Татьяне Васильевне, а также всем организаторам летней кочевой школы в «Ямб то». Всем крепкого здоровья, счастья, радости, любви!

Урок ненецкого языка в Ненецкой средней школе имени А. П. Пырерки, 2012 г. Фотограф Юлия Алексеевна Талеева.

*Отец Иван Васильевич Пырерко, сестра Ирина, мама Клавдия Кузьминична Пырерко. 1970-е годы.
Из личного архива М.И. Талеевой.*

Перепись населения на Дне оленя, 2010 год. На фото слева направо: Ульяна Фёдоровна Вылка, Серафима Петровна Дуркина, Вера Григорьевна Ламдо, сверху — Алёна Николаевна Ламдо. Фотограф Юлия Алексеевна Талеева.

Возле «барского дома» в п. Амдерма, 2017 год. Остановилась у Лидии Юрьевны Заиченко во время командировок в общину. Фотограф Светлана Николаевна Лисицына.

*Стойбище, 2017 год. Чумы Вылки Степана Фёдоровича, Вылки Василия Фёдоровича, Тайбаря Ильи Васильевича.
Фотограф Светлана Николаевна Лисицына.*

Община «Ямб то», 2017 год. Урок в чуме. Слева направо: Лена Вылко, Паша Вылко, Андрей Вылко, Дуся Вылко, Петя Вылко, Таня Вылко. Фотограф Светлана Николаевна Лисицына.

Община «Ямб то», 2017 год. Работа с букварём. Фотограф Светлана Николаевна Лисицына.

Группа детей на уроке физкультуры и подвижных игр. Слева направо: Андрей Вылко, Петя Тайбарей, Петя Вылко, Галя Вылко, Таня Вылко, Дуся Вылко. Фотограф Светлана Николаевна Лисицына.

Вечер в стойбище перед Днём оленя, 2017 год. Фотограф Светлана Николаевна Лисицына.

*Серафима Петровна Дуркина с ученицами Аввой (Августа) Вылко и Сашей Тайбарей, Матрёна Ивановна Талеева, 2017 год.
Фотограф Светлана Николаевна Лисицына.*

С Серафимой Петровной Дуркиной перед выступлением ненецкого театра «Илебц» («Жизнь»), 2017 год. Фотограф Светлана Николаевна Лисицына.

Полина Тайбарей обрабатывает камус. Стойбище Тимофея Васильевича Тайбарей, 2017 год. Фотограф Светлана Николаевна Лисицына.

Съезд оленеводов в г. Нарьян-Маре. С Валентиной Федотовной Ледковой и Николаем Артёмовичем Ледковым, прим. 2015 г.
Фотограф Юлия Алексеевна Талеева.

С Верой Григорьевной Ламдо на Съезде оленеводов, 2015 год. Фотограф Юлия Алексеевна Талеева.

Община «Ямб то», 2017 год. Урок творчества с Петей Вылко.
Фотограф Светлана Николаевна Лисицына.

Община «Ямб то», 2017 год. Учим счёт. Фотограф Светлана Николаевна Лисицына.

Община «Ямб то», 2017 год. Фотограф Светлана Николаевна Лисицына.

Община «Ямб то», 2017 год. Урок в чуме. Фотограф Светлана Николаевна Лисицына.

Матрёна Ивановна Талеева, 2017 год. Фотограф Юлия Алексеевна Талеева.

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ

Вы' яна" соты"

Яха' сяд' ниня мань тёрьядм'
 Нудам' тидкуць наха" сырнадм'.
 Вы' яна" соты" ихин' ха" амьяд":
 Савнды' седа, Лабахэй' седа,
 Сидя Хакцяраха', Пыря' ябцо.
 Седи' хэвувна маня" мюдна"
 Нись паромбю" хэсьты".
 Тына" мандал" соты' ядувна
 Тахарасьты", пон" хадырцеты".
 Ыока понэ хая тикы' иле" мява"
 Нив юраңгу", пили" тенеңгув...
 Маренуй тиртя" иба ян' пыдо'.
 Яха' ти' нимня мунзавэй хая".
 Пыдо' мандараха", тарем' тёрена"
 «Ир сава нэя, сит маниева".
 Сейхад миндя вади нэдарав".
 Вы' яхана" нюна" вадаванзь
 Нара' няна нани' тутавов"!
 Вы' яна" соты" таня' натеная"».

Тундровые сопки

На высоком берегу я стою.
 Прикрывшись рукой, смотрю вдаль.
 Тундровые сопки опять вспоминаю:
 Сопка Савнды, сопка Лабахэй,
 Сопка Два Уха, сопка Щучья.
 Около сопок кочевали всегда.
 Не торопясь, шли наши аргиши.
 Стадо оленей под сопкой паслось.
 Долго, не спеша, они паслись.
 С тех пор прошло много лет.
 Не забуду, хочу помнить всегда.
 Проходят дни, годы идут.
 Перелётные птицы на юг полетят.
 Над берегом реки с шумом промчатся.
 Будто мне сказать хотят, кричат:
 «Не расстраивайся, мы видим тебя!
 От души говорим тебе, родная, –
 В тундре нашей вырастили детей,
 А весной мы опять вернёмся!
 Тундровые сопки пусть нас ждут».

Тундровые сопки

На угоре реки стою я,
 В даль далёкую долго смотрю,
 Сопки тундры родной вспоминаю.
 Сопка Савнды, Лабахэй,
 Сидя Хакцяраха', Пыря' ябцо.
 Здесь когда-то аргиши наши шли,
 А по склонам оленьи стада
 Неспешно и вольно паслись.
 Как же много минуло лет с той поры.
 Никогда не забуду тех памятных дней...
 За рекою за дальнею
 Снова птиц улетающих крики я слышу.
 Словно мне, тоскующей, говорят:
 «Будь в согласии с собою,
 Будь в согласии с душою,
 А мы улетаем на юг,
 Чтоб весенней порою
 Вернуться к древним сопкам
 Тундры нашей родной».

Перевод Ольги Латышевой

Перевод автора

Тиртя” ябдая”

Нарэй хаерако ям’ юдамби.
 Вар” Һарма”, ид” лохорҺа”.
 Сую” туро”Һа”, нявотарҺа”
 Маренуй тиртя” вынд’ вэрна”.

Вы’ якоцява”, ява” илелтаны”.
 Падяраха паным’ ти сервы.
 Яндаха”на лэ” мор” мална”.
 Им’ майбтамби”, хылотарха”.

Вындер” ненэць” ватом’ тенева”.
 Муңгм’ ни мэт”, есм’ ни мэт”.
 Маңгты’ ирийхана тиртя” тэтна”.
 Нюдо’вадамби”, идо’ няркна”.

Хэбетяку таңы мер” ваераңгу.
 Һани” ё” няю тиртя” ятнаңгу”.
 Һэрм’ якоцява” тецьбата Һод”
 Тиртя” Һо” ядо’, тания’ ябдая”!

Счастье птицам желать

Весеннее солнце землю греет.
 Проталины выросли, ручьи поют.
 Оленята бегают, звуки издают.
 Перелётные птицы в тундру летят.

Наша тундра ожила, зеленеет она.
 В зелёную паницу оделась она.
 Кругом птички-синички щебечут.
 Душу радуют, славно поют.

В тундре оленеводы знают законы:
 Не ставят силки, стрелы не берут.
 В месяц гнездования заняты птицы, –
 Детей они растят, тревожно им.

Короткое лето быстро пройдёт.
 В дальние страны птицам надо лететь.
 Север суровый – им родная земля,
 Пусть счастливы будут они!

Перевод автора

Пусть будут счастливы птицы

Снова солнце весеннее светит.
 Проталинок много, ручьи звенят.
 Оленята резвятся и хоркают,
 Птиц вереницы в тундру летят.

Тундра моя вновь оживает.
 В зелёной панице нарядна она.
 Тут и там птички чирикают.
 Душу радуют, славно поют.

Тундровые люди законы чтут:
 Не ставят силки, стрел не берут.
 Заняты птицы – гнездованья пора,
 Детей они растят, не тревожат их.

Короткое лето быстро пройдёт.
 В дальние страны вновь птицам пора.
 Северный край – им родная земля,
 Пусть будут счастливы наши друзья!

Перевод Ольги Латышевой

Вы' ява" – хар"на" ява"

Вы' ява" – хар"на" ява"
 Сэр" паныкомд' нани' сервэн.
 Хохорэйдареv вы' яна" ниня
 Тэри" лехэбтын.
 Буровой" нэ"ми, еся хан" хэ"ми
 Сыракохона мал' тондэяд".
 Сэракоця сыра им' майбтамби.
 Соты" ядха"на ты" сарпякоця"
 Мэсева' неда" тэри" енты"!
 Сывы вато' пон" нэбта цо",
 Пили" вуни нэңгу".
 Нарэй хаерэця ям' юдаңгуда.
 Буровой" нэ"мя", еся хан" хэ"мя"
 Нани' надимда".
 Сэвха"на вэва, сейха"на е.
 Сыра ха"амварим' сянд' натеңгува"?
 Тарця маяңгана соты" ядха"на
 Ты" сарпякоця", мюсева' неда"
 Вуни" ентэд".

Ерпэй ява" тебтм' вуни тат",
 Нядэйм вуни тат",
 Вы' иленя",
 Ёндана" тиртяңэ
 Сава илм' пюрць
 Хантанақы"?
 Илебядёда я, ява" вуни' нэңгу".

Вы' хибярина" тына" таневан,
 Ява" илеван' илебцава" тания.
 Хар"на" вы' ява" маня" хавнана"
 Нэдаvнда яңгудараха.
 Соя"ма' ява" тецьбата цод" -
 Ява" - хар"на" ява",
 Нарка ма"лэян' сидна" ма"лая.
 Сей есьмы вади таслабна" тара".
 Сянд' мунзыңгува"?!

Тундра – наша земля

Лебедицей вновь надела тундра
 Легкую и чистую паницу.
 Буровых места покрыты снегом,
 Вездехода след лежит под снегом,
 А на склонах сопок след олений,
 На снегу оставлен след аргиший,
 И следы зверей узором дивным
 По просторам тундры разметались!

Все покрыто первозданным снегом.
 Радует нам душу первый снег.
 Хотя зима, она так долго длится,
 Бег ее упряжки прекратится.
 С солнечными теплыми лучами,
 И паница тундры обещает.
 Плохо глазу, беспокойно сердцу.
 Вездехода след я вижу снова,
 Тундра вся изранена, побита,
 Буровых места без жизни стынут.
 Вышедшие раны из-под снега
 Ставят на душе свой горький след.

Но настанет вдруг такое время,
 Что на склонах сопок не увидим,
 След аргиший и своих оленей,
 И узоры, что рисуют звери,
 Птицы улетят в иные земли,
 И покинут тундру наши звери?
 Ведь бесплодная земля оленям
 Дать не в силах никакого корму.

Только люди тундры вряд ли смогут
 Жить вдали от милых своих буден.
 Север наш с характером суровым
 Дорог нам, всем жителям тундровым.
 Не молчите, земляки, скажите
 Слово свое веское от сердца.
 Кроме нас заботиться кто будет
 О земле единственной, о тундре?!

*Перевод Лукерии Валей***Тундра – наша земля**

Тундра – милый мой край,
 В белоснежной панице снова.
 Ты, как белая лебедь,
 Над тундрой паришь.
 Покрываешь пушистым снегом:
 Буровых заброшенных станы
 Да вездеходов нарывы дорог.
 Радует зиму снегом своим.
 Вот аргиши спускаются с сопок
 Да вереницы оленьих троп!

Хоть и длится зима долго,
 Но не будет она вечна.
 С весенним солнцем растает всё.
 Появятся снова места буровых,
 Следы вездеходных дорог.
 Боль на сердце, глазам тяжело.
 Что нам ждать опять снега?
 При такой беде на склонах сопок
 Не увидишь ворг да оленьих троп.

Израненная тундра не даст нам жизни
 И пастбищ ягельных не даст.
 Жители тундры родной, мне скажите,
 Перелётными птицами отправитесь
 За лучшей долей своею?
 Такая земля – не наша земля.

Тундры оленные люди,
 Пока есть олени – есть у нас жизнь.
 Кому как не нам самим
 Защитить нашу землю?
 Тундра – родная земля,
 Вместе всех собери.
 Скажем громко о боли своей,
 Сколько будем молчать?!

Перевод Ольги Латышевой

Варандэйхана

Яв' вархана нэда нэсыхына"
 Хусувэй нэрэй ма"ласьтына".
 Сякна" сырп" - маймбцова" яңгусь.
 Ханяны" тарця" хой" няю' сырць
 Сёнзяндо' вомб" тале ярцеты".
 Нарэй хаер" товам' нәтесьтыва".
 Яв' вар нямна,
 Хоё" някумна ядэрцетыва".
 Хар"на" мя"на" нямна ина" ядэрцеты".
 Тохолкодина" сидна" сянзеты".
 Пыдо' нә" харто' яхато'
 Нарэй яля' пуд хэвам' нәтесеты".
 Нина" хамадамба тарем' илеваць.
 Ненэй нәцекеы" тэри" нюдяко".
 Нэсы вархана нэда хардакон'
 Тохолкодина" сахарамбась
 Сеңга' пумна паромбасетыва"
 Пыдо' вадахато' инзелесьтыва".
 Тоходанвава" – саць нарка сер".

В Варандее

Только задуют холодные ветры,
 Осень промозглая вновь настаёт.
 Волны в белесую пену одеты,
 Море холодное плачет, ревет.
 Каждую осень сюда привозили
 Из тундры детишек, учиться пора!
 Наши родители нам говорили:
 Нас постоянно за сопки манило,
 Мы уходили туда погулять.
 Чумов не видно.
 Светило садилось,
 И приглашало ребяток поспать.
 Слезы, они были частые гости,
 Мы тосковали о мамах своих,
 Ждали весну, чтоб весною, как птицам,
 Нам разлететься по чумам родным.
 У педагогов грустнели вдруг лица:
 Жили мы дружно домом одним.
 Но предстояло на время расстаться,
 Чтоб отдохнуть до осенней поры,
 И повзрослевшими вновь повстречаться,
 Жизнь постигать до вечерней зари.

Перевод Лукерии Валей

Мэнена небяв

Мань ябдадм': небяв тания.
 Ту нанохона теда', тедахав'
 Вадё"ма яхан' ятналгюв".
 Небяв сырта, пили" натена.
 Си"ив нюм' вадаб" сиби вуни ца".
 Вы' илебцам' торумда" махад
 Харад' ил' майбцода яңгу.

Ханяхэвня сэримы не.
 Яля манзара, пи сэдора.
 Луца' манзая малда ни' нядю".
 Недкуда нюда ила ни"ым тара.
 Нопой енабцда ихинянда тания:
 Нюн" нармда" – савава илелтына"!
 Ню" нармдана, пыда пухумдана.
 Нока манзаям' манз"мы нуда".

Вэва нум' нерад нензаласетыд"
 Тикы' илелхана сава ялякоңэ
 Нюта' ню" тания" – Нарка майбцо!
 Туцякомда мэңгу, нани' сэдараңгу.
 Сэдорава сер" сём' ханаңгу.
 Мер" яңгумы нюта' нисям',
 Мюсермадо' ихинда ха"маб"
 Сидя сэвханда хаял' намдангуд".

Моя любимая мама

Счастливая я, мама есть у меня.

Малая родина – ведь это часть огромного.
 Приближает нашу встречу пароход,
 Старенькая мама, добрая родная,
 Смотрит вдаль и встречи с дочкой ждёт.

Ждёт и вспоминает, как детей растила с мужем,
 Как привычно, радостно им было в тундре жить.
 Но беда случилась – рано овдовела,
 Что ж теперь о тундре говорить...

Жизнь безрадостна в посёлке, неуютна,
 Всё чужое непонятно и тоскливо ей...
 Но жила, уставших рук не опустила, –
 Ей в глаза глядели семеро детей.

И рыбачила она в сезон рыбачий
 Днём работала, ночами за шитьём...
 Подрастут ребята и тогда, конечно,
 Хорошо, счастливо заживём.

Так мечтала. Мы росли, старела мама.
 И натруженные руки перед непогодой болят...
 Стала бабушкой – появились внуки,
 Радостью теперь её глаза блестят.

Вновь она берёт тучейку в руки –
 Прочные стежки ложатся ровно в ряд.
 Спорится в руках её работа.
 Рада шить обновы для внучат.

Будет шить и запоёт тихонько песню.
 В ней слова про молодость и про отца её детей.
 Не проходит жизнь, а продолжается во внуках,
 Как у всех на свете матерей.

Вспомнит всё. Слезу уронит тихо,
 Вытрет молча с милых, добрых глаз.
 Не видали дети слезы сильной матери,
 Не увидят внуки их сейчас.
 Счастливая я, мама есть у меня.

Любимая мама

Собралась я на малую Родину,
 Там с любовью ждет меня мать.
 Вижу дивной речушки излучину,
 Где пришлось нам с семьей кочевать.
 Мама ждет, смотрит в дали тундровые.
 Долго ждать может только лишь мать.

Овдовев молодой, беззащитною,
 Поселилась в поселке с семьей.
 Ей вести бы, вести жизнь тундровую,
 Ведь в поселке, ох, трудно одной.
 Но без устали руки умелые
 Днем работу справляют сполна.
 Бурки шьет при свечах, в ночи белые.
 Поднимает детишек она.

А наступит сезон, и рыбачкою
 Станет рыбу ловить-неводить,
 И склонившись над жаркою печкою,
 Будет суп ароматный варить.
 Ты жила лишь одною надеждою:
 Дети вырастут, станет легко.
 Наделила сноровкою каждого, –
 Жизнь тынзеем взлетит высоко!

Перевод Лукерии Валей

Перевод Галины Тарасенко

Небянана"

Инда" вэва нэб",
 Майбцода" яңгоб"
 Харта небяха"та
 Сей едя вади
 Нёда" хэтимбю".
 Нобтарем' нэ"
 Пыдо' илевадо'
 Сиби нись нэ".
 Тале ханяңэ"на
 Нока ярмэки".
 Ньюто' ябдавам'
 Сава илевам'
 Пыдо' тэвудаць.
 Пон' нэтенаць.
 Надьбянда нэ"
 Париденя яля"
 Тад" тоб"нандо'
 Паднабцам' мэда".
 Сейхад миндя
 Вади нэдарада".
 Харта небяната"
 Им' савумдада".

Наши мамы

Коль тяжело станет вам,
 не нужно матерям
 стремиться передать
 своей души печали.
 Ведь мамы много лет,
 Прокладывая след,
 В своей судьбе
 Дорог полегче не искали.
 О, сколько раз тайком,
 Сглотнув бессилья ком,
 Скрывая горечь слез,
 О будущем мечтали.
 И для своих детей
 Во тьме тяжелых дней
 Счастливой доли свет
 Упорно добывали.
 Коль тяжело станет вам,
 Родимым матерям
 Вы нежные слова
 В своем письме пошлите.
 Пусть душам матерей
 Вдруг станет потеплей,
 В сердцах их зазвучат
 Счастливой песни нити.

Перевод Владимира Гордеева

Наши мамы

Если плохо вам,
 Нету радости,
 Если в сердце боль,
 Не говорите матери.
 Не несите матери
 Жизни тяготы.
 Жизнь родителей
 Не была ведь лёгкою.
 И украдкою
 Они тоже плакали.
 Счастье, будущее,
 Жизнь прекрасную
 Для своих детей
 Всё мечтали дать,
 И конечно помогали.
 Когда грусть придет,
 Ничего не ладится,
 Напишите матери строки нежности,
 Теплоты, любви, так необходимые.
 Сразу на сердце отзовется радостью,
 В скором времени жизнь наладится,
 И душа твоя успокоится.

Перевод Ольги Латышевой

Вындер' не"

«Ненэй некуцяда", неда" ңэсетыда"» –
 Ңамгэм' хэтван хадав харваса?
 Ңока" по" пуд теда' таслав,
 Хусувэй ненд' харта ябда.
 Ненэй некуця харта илирта
 Вэва ңэбта" савумдабңгуда.
 Нюта' е"эмня ида ядэрта.
 Хув' мерувна нюта хонёван
 Туцякомда мэнгу, мирм' сэднгу.
 Теда'-тедари" енабцда янгу.
 Ңарка яляхана марна" поңгана
 Сава нита' ня" мята мярнгу.
 Ной панымда, нибтя сэр" паным'
 Харта сэдвэмда ңани' серңгуда.
 Тумда пята"махад сём' ханангу.
 Хусувэй манзьяхад пинвада янгу.
 Саңговобта ңо" ни ңымдаңгу.
 Ненэй некуця" тарця ни"ым' ңа".
 Вы' яханана" тарця" не" ңока"!

Тундровички

«Настоящими женщинами будьте всегда» –
 Что хотела сказать этим бабушка?
 Годы шли, повзрослела, тогда поняла:
 Каждая женщина по-своему счастлива.

Настоящая женщина будет стремиться
 Жизнь, даже тяжёлую, сделать счастливою.
 С думой о детях, пока они спят,
 Сошьёт на продажу паницу красивую.

Пока вся надежда лишь на себя,
 Всё переделает в доме сама,
 В ловкие руки тучейку возьмёт,
 Паницу белую на праздник сошьёт.

Вместе с подругами выйдет нарядная,
 В городе чум поставят на праздники,
 Ловко и быстро костёр разведут,
 Забудут о тяготах, песню споют...

Нет той работы, с которой не справятся
 Руки умелые любящей матери.
 Во такие они, настоящие!
 Тундрой рожденные, тундрую взрощены!

Тундровички

Изрекла однажды моя бабушка:
 «Настоящими женщинами будьте вы».
 Что хотела сказать этим бабушка?
 Годы шли, душа взрослела юная,
 Помню: поняла житейский тот намёк:
 Женщин несчастливых не встречала я,
 Счастливы по-своему в свой век.
 Настоящей женщине не видится
 Жизнь ее несчастной и убогою,
 Даже если трудности ей встретятся,
 Всё наладит она, со всем справится.
 А возьмет тучейку с копытцами,
 Сумочку она сошьёт нарядную
 Да сувениры расписные, разные.
 А когда на праздник большой в городе
 Чум поставят настоящий на площади,
 Выйдет она в нарядной панице.
 Чудный голос ее вы услышите,
 Тяготы все снимет песнь народная.

Перевод Лукерии Валей

Перевод Галины Тарасенко

Вы' хадако"

Нарка марканана"
«Теневана» ма"лёян'
Нюту' ню вадарць
Хадако" парумби".
Сейто' маймба
Пя' мят' тюнга".
Пя' мя" мюй
Сэвм' майбтамби.
Ханярина намдэд"
Сидяркат' сырца".
Таңы' явна
Мюсертарахава".

Нацекэця" тэри"
Хадакуто' пумна
Суюдарев яда".
Сэвридо' мэ"ца".
Хадакуто' няю'
Саңом' ханасеты".
Хадакоця" нод"
Нюту' ню' нэвам'

Салмрасетыдо'.
Индо' сава нэва
Сякнато' нади,
Ванерабтасеты".
Харто' поңгнандо'
Хэтавидадо' цока.

Хусувэй ненд'
Харта вы' яда,
Харта иле"мяда.
Сюдбабцараха.

Тарця" ма"лёя"–
Тарана сер"!
Нюна" нюха"
Ненэй вадаха"на
Тэри" паннаңгу".
Ңоб" сяхаңгава'
Вы' ямнана"
Харто' вадакомдо'
Мал' мэтадо'!

Бабушки-тундровички

В столичный «Теневана» клуб
Идет, торопится народ.
Вновь бабушки то там, то тут
Внучаток за руки ведут.
Уютный деревянный дом,
Как прежде, радует сердца.
А обстановка – нет родней,
Картинам радуется глаз,
С которых смотрят на людей
Цветы, цветущие для нас.
Мы, словно в летней тундре, вновь
В кочевиях своих родных.

Внучатам интересно все,
Здесь оленятами спуют.
Тундровый быт им надо знать,
От бабушек не отстают.
В их руки теплые они
Игрушки-нухуко кладут.
Головки внученек своих
Поглаживают ласково.

С отличным настроением
Проходит вечер славный наш.
Улыбка добродушия
Да разговоры светлые,
Есть что сказать у каждого,
Ведь в жизни много видано.
Как в песне сюдбабц водится,
Своею жизнью делятся.

Судьба – земля тундровая
С изъезженными воргами,
Как встарь встает пред взорами.
В улыбках лица светятся,
Сердечки наполняются
У внуков словом ненецким,
Чтоб дум родных звучание
Не унесли ветра.

Перевод Лукерии Валей

Царка нябав

Нарэй хаерэця сырам' юдавы.
Ханя' нин' сырт" – ид" лохорңа".
Седа" мал' ниня варё" пармиде".
Царка нябан' ня' тэхэ" еванзь
Нись паромбю" ти ңэдалыни'.
Мани' сырңани': юдмян' тэкуця"
Яхам' мадавы", тэри" хадырңа".
Нябав тёребтей", вэнм' ңэдара.

Царка"я хабт" намдортадо' яңгу.
Нябав нян' ма: «Пэдаваковэй,
Тюку сяд' ниня ңатенахаркар!
Хабто' ёпнани', вэва сер" ңэңгу»
Вындер' некуцянд' сейкода царка.
Ендсавэй муеда ит", париденя ит"
Нензямидямда ти лабкадтада.
Япдако ит' ты" пюрцеда".

Њэваридо' ңади", хан" ни ңадю".
Ид' сяр' нина нябав лямборта.
Яха'сяд' ниня яррив марна.
Няби яха' варан' мэта" ңодь" танэяд".
Хумбахэй нером' нябав сарвабтамби.
Сидя ңэнда' ни нулмахаданда
Ю" хабт' няю' сё' ңардан' тёрм' ңэдара.
Неры томамдо' вунивэдо' юр".
Яха' хара' тяха' ты" нявотыд".
Пон' нись ңа" хэувнан' то".
Нябав ңэдалы, сята нярмвы.
Пыда нерданда маймба сюрбыв"
Нябав нултада, ңоб" тарем' ма:
«Саць парумам'. Сейкомд' харедм'
Ян' хахая сыра' пул таявы».

Старшая сестра

Весеннее солнышко снег растопило,
Повсюду бурлит и клокочет вода.
От снега, проталин в глазах зарябило.
С сестрой моей старшей я еду к оленям, –
Привычное дело отца заменять.
Пастушим мы часто без устали, лени, –
Тундровые люди нас могут понять.

С десятков оленей пасется за речкой.
За речку нельзя им, их надо вернуть!
Мое застучало от страха сердечко:
Глубокие воды закрыли нам путь.
Но только сестра моя правит умело,
Упряжку направила в бурный поток.

И вот над водою не видно упряжки,
Лишь только сестрица по волнам плывет,
(Как иглы, по мне пробежали мурашки),
Хоть знаю, пастушкой отличной слывет.
Но вышла упряжка на берег,
встряхнулись

Олени, обдавши хозяйку свою
Струей ледяною. Казалось, коснулись
Меня эти брызги, а я все реву.
Гортанные крики услышав, олени
Вернулись на прежнее место свое.
Ко мне подбежали по тропке весенней,
И тем успокоили сердце мое.
Сестра, по мосту ледяному вернувшись,
Меня обнимала, румяна, смела.

Перевод Лукерии Валей

Няръяна мар” лахана

Хар”на” вадава” те”ны” похо”на
 Маня” маркнана” нир намдаңгу”.
 Нина” манэ”пана” парумбасьтыва”
 Луца’ вадарим’ мер” мэцьтыва”.
 Хар”на” вадакова” ңани’ юрмбива”.
 Нямяна” нод” тарем’ торумдакы”?
 Няръяна марад тад” вахалпата
 Радио’ няю’ парумбасьтыва”.

Вындер” хибя” сямандо’ сер”
 Таңгу мякнандо’, хад’ ярюсеты”.
 Тюку яляхана ңамгэм’ намдңгува”,
 Сенений сём’, нибтя сюдбабцм’?
 Округханана” хурка юн” тая”?
 Хари” вадакоця тарем’ инзелеб”
 Яхакодрев пэ” поё”мана лохортараха.
 Харвабта хибя ида ядалаңгу.

Тоходанна” нюна” хар”на” вадава”
 Те”ны” похо”на нидо’ тохоламбю”.
 Ңамгэ нюхуна” нисьтыва” май”
 Хар”на” вадава” тад” яңгобта
 Округна” нюм’ хурка ңэңгу?
 Ненэй вадава” минрена нина”
 Маня” илебцава” хури” майбтамбида”!
 Хар”на” вадакова” нерня’ минрехава”.

Говорит Нарьян-Мар

Речь родную порой
 В нашем городе редко услышишь,
 И при встрече стремимся
 На русском всегда говорить.
 Может, легче нам так,
 Видно, так мы привыкли общаться.
 «Говорит Нарьян-Мар»
 Лишь услышим,
 Погромче включаем эфир.

В теплом чуме своем
 Перед самым дежурством в бригаде
 С нетерпением ждёт
 Передач на родном языке
 Тундровик, ведь сегодня
 Услышит он вести.
 Как бальзамом речь предков
 Приятно коснется души.

И тундровым ручьем по камням
 Слово мирно стремится
 Передать всем приветы, –
 Далеким и близким друзьям.
 Речь родную сберечь
 Кто желает в семье или школе,
 Не стесняйтесь при встрече
 «Ңани’ торова!» всем говорить.

Перевод Лукерии Валей

Норвегия яхана

Сидя сэврив пили" мэцтыдм'.
 Хэвний яхана вадам' ехэраб"
 Харвабат но" вадам' нин мэт.
 Салмуй сехэрэвна мирнабна"
 Хар"н вы' яв маниенарахадм'.
 Норвегия' я – яна" то"олха.
 Сэракоця сыра, сыра яберырна.
 Нув' нярахана нумгы" есабарна".
 Нарка пэ хой" тэри" ту"лена".
 Нись парумбю" ты" хадырна".
 Харто' яханандо' наркадьюта".
 Маня" няюна" хадырмандо' сер"
 Пысамбададарев сылаңгасеты".
 Мань ихинян тарем' мандараха":
 – Маня" яхана" ти товыда"ню",
 Намгэм' хэтңгуда"? Ил сава ңэб"
 Хэвний ян' нивыкэда тут".
 Маней нянда" намгэм' хэтңгудм':
 – Нокам' манэ"надм'! Савам' манэ"надм'.
 Хусувэй хибя харта илевада.
 Хурка паской, сава ңэбта но"
 Хэвний я, ява" вуни ңэңгу".

Хар"на" ява", хар"на" тэкоцина"
 Намгэ тания нина" лэтрамбина".
 Ненэй вадава" нюна" нибто' юр".
 Хэвний яхад тона" мядондаха"
 Маня" тэкоцина" тания пысамбая".
 Маня" тэкоцина" сава илеңая"!

На земле норвежской

В чужой стране, не зная языка,
 Я молча всё лишь созерцаю.
 По ровной и манящей ворге едем.
 Тут всё напоминает мне о тундре,
 Что в сердце я всегда храню.
 Норвегия, я поняла, она как тундра наша.
 Искрится белоснежный снег,
 И звезды на небе играют.
 Всё те же сопки-великаны.
 По склонам их стада пасутся.
 Оленьим мохом щедрые они.
 На нас с ленцой кинув взгляд,
 Олени словно говорят:
 – Вы в нашем крае
 И зачем, скажите?
 Ведь если хорошо,
 Ты не поедешь в край чужой?
 Что я могу в ответ сказать:
 – Я много видела. И видела хорошее.
 У каждого ведь жизнь своя.
 И как бы ни была прекрасна сторона чужая,
 Родней она не станет, нет.

Родную тундру и своих оленей
 Скажите, почему не бережём мы?
 Родной язык пусть наши дети не забудут.
 А людям, прибывшим из стран чужих,
 Красивые и гордые олени наши
 Им тоже удивляться будут!

Перевод Галины Тарасенко

На земле норвежской

По земле норвежской я иду,
 Словно бы немая на чужбине.
 Но слова родные нахожу,
 Здесь, как в моей тундре, небо синее.
 Здесь и солнца недалёк полет,
 И равнины, сопки вроде те же,
 Только говор, знаете, не тот,
 Хоть и обликом немного схожи.
 Также по-тундровому блестят
 Белые пушистые снежинки.
 Привлекают удивлённый взгляд
 Сопок ближних выгнутые спинки.
 У дороги ходят, по скале
 Милые тундровые оленки.
 Словно я в своем родном селе
 По делам всё шествую без спешки.
 Также любопытен здесь олень,
 На меня поглядывает мудро:
 – Что вас привело сюда в мой день?
 Может, здесь светлее наше утро?
 Как ответить я ему смогу:
 – Все прекрасно здесь и интересно, –
 Снег лежит в брусничном весь соку...
 Отзываюсь я о крае лестно.
 С дальних мест встречает пусть гостей
 Мой олень с ветвистыми рогами,
 Тундры незабвенный ясавай
 Познакомит с белыми ночами.
 Солнцем в небо песнь моя летит,
 И мой взгляд приветно говорит:
 Лучше нет земли моей тундровой!

Перевод Лукерии Валей

Нянд' лаханадм'

Сахарамбада нява",
 Вы' яханана"
 Юнета паднанам'
 Ехэрана яңгу!
 Нюдя яхананд',
 Ңарка ян' ңо",
 Канин' ян',
 Норвегия ңэсонд'
 Юн' тэворңа".
 Пыдар падвыд
 ңока толасетын.
 «Мюсерма недар»
 Ихинян' ңа.
 Тохолкодадан'
 Сит нюмдебидм'.
 Темд' нерня'
 Ябда иле,
 Едя" нёя" хомбю",
 Сит нёя хомбю".
 Хаер' сэвдарев,
 Ңэрм' нумгыдарев
 Сидна" майбтамбю",
 Ясавэйдарев
 Сидна" вадламбю"!

Посвящение

Проконию Явтысому

Уважаемый, известный
 В тундре нашей
 Ненецкий писатель и поэт,
 Ваших нет стихов
 На свете краше,
 Эти песни весь народ поёт.
 В Вашем Малоземелье,
 В Большезельской тундре,
 И в тундре Канинской,
 И даже Норвегии далёкой
 Весть о Вас доходит.
 Как олени, разбрелись слова.
 Приобщаясь
 К тем стихотворениям,
 Я восторга не хочу скрывать.
 Будьте всегда Вы нашим ясавэем,
 Солнечным лучом, в ночи звездой,
 Правящий уверенно хореем,
 Вы ведите нас вслед за собой!

Перевод Лукерии Валей

«Хаяр» тараб»

Юнета «Хаярм»
Мал' теневава".
Пирцяко наны",
Ябтако пирибтя"
Тара пяхнандо'
Мерця выварта,
Лата" выенангуд".
Пензер" мун'
Хаха" тэберта".
Сём' ханабато'
Сей ла" нарта".
Няндо' сыртахат
Нибт' цо" харва"
Нэ" манзадаңгу".
Ир' савумда.
Вы' яханана"
Сывы' цэбта цо"
Хаер" надимя.
Сидна" маймбтаңгу.

Танцует «Хаяр»

Разошлась молва по тундре, –
О «Хаяре» говорят:
«До чего ж хорош ансамбль
Наших девушек, ребят!»

Бубна зов сольется с танцем,
Будто ветер засвистит.
Сердце в такт народной песне
Разволнованно стучит!

Равнодушных нет, поверьте,
Так насмотришься на вас,
Что душа поет от счастья,
Ноги сами рвутся в пляс.

На окне мороз рисует,
Темень, стужа на дворе.
Как «Хаяр» поет, танцует,
Радость, лето на душе!

Перевод Галины Тарасенко

Харто' иленя"

Нока" по" пуд нюртей мэва
 Вы' ян' мима саць таюкабты.
 Хурка" хибяри", ханзер" илебто"?
 Падарт' тохован' харвабто', нибто"?
 Нули" ехэрава". Нерденя мят'
 Ти тэвотава". Мяд' хэвхана
 Сидна" ядабтамби". Не" ңатена".
 Сидна" мэнекава, не" парума".
 Тум' пятава пон' вуни' ңа".
 Епика мя", еся' ханхана
 Пон" мима пуна', сидна" юда.
 Сяйма сер" тэри" лаханакува".
 Мя"на" ервха" хэтувнда ңока,
 Ина" няркна"ма" хури" ваера".
 Тоходанван' пыдо' харвовадо'
 Саць майбцо! Тохолкодава".

Единоличники

Лет немало прошло с того давнего дня,
 Вездеход снова мчит меня в тундру.
 Незнакомое стойбище встретит меня
 Хлебосольно иль будет мне трудно?
 Тундровик пожелает учиться иль нет,
 Разве стадо оленей оставит?
 Посылая горячий сердечный привет,
 С неба солнце лучи свои дарит.
 Показались чумы. Дело бросив своё,
 Там стоят в ожидании люди:
 – Нани торова! Ань торова нэе!
 Дорогие, друзьями мы будем!
 И хлопочет хозяйка, радушья полна.
 Вот и чай на столе, разговоры.
 Захлестнула меня умиленья волна:
 Рады встрече, приятные взоры.
 Все желают учиться: пастух и дитя!
 Мы не зря собирались в дорогу.
 И слова благодарности птицей летят.
 Все успеем мы к нужному сроку!

Живущие своей жизнью

Давно я в тундре не была,
 Всё как-то не решалась.
 Поэтому тревожно на душе.
 Какие люди, встретят как?
 Хотят иль нет учиться?
 Не ведаем, не знаем мы.
 Вот подъезжаем к стойбищу.
 У тёплых чумов женщины встречаются.
 Радушием полны они.
 Усталость после вездехода
 Вмиг снимают.
 Согревают нас
 Парной горячий чай и разговоры.
 А их слова о школе,
 И так необходимой для «Ямб то» учебё
 Нас радуют и вдохновляют.
 Учиться есть желанье.
 Это хорошо!

Перевод Ольги Латышевой

Перевод Лукерии Валеи

Перевод Галины Тарасенко

В день погожий возле чума,
Примостившись на санях,
Дети в малицах и пимах
Пишут, радуя меня.
Вдаль смотрю я, ожидая,
Вижу, дышит вся земля –
Первозданная, святая
Тундра милая светла.
Слышу птиц я щебетанье,
Слухом хорканье ловлю.
Приглашая на свиданье,
Тундра шепчет мне: «Люблю!»
И на зов я этот милый
Светлой птицею вспорхну, –
И покинет дух унылый,
И легко-легко вздохну
Этот чистый свежий воздух.
И звенит пусть мошкара,
Для меня работа – отдых,
Хоть до самого утра!

Перевод Лукерии Вале́й

Тохолкода”

Нока сава вади
 Школа’ е”эмня хэтва пир.
 Нока юд’ мян” тоходанна”
 Тюку школан’
 Хув’ мерувна парумбасеты”.
 Нарка яляханда теда’
 Нани’ ма”лэяд”.
 Юди” по’ пуд харто’ няхато’
 Тохолкодахато’
 Хэтувндадо’ нока.
 Лэ”мор” малнадарев
 Нарка школа’ мюй
 Тэри” пандвонда.
 Нидо’ севолпа тороварцеты”.
 Юдм’ потадарев
 Тохолкодахато’
 Лаханасеты”, маймбасеты”.
 Хари” тохолкоди сян”
 По” ваянґб” нидо’ юрнгу”.

Учителя

Отыщу слова о светлой школе,
 Об учителях есть что сказать.
 Дети нашей тундры вольной
 Собрались науку постигать,
 И щебечут в школе, словно птички,
 Дети наши – милые птенцы.
 Хотя они пока что невелички,
 Но трудяги, просто молодцы!
 Так идет неделя за неделей,
 И с детьми мудреет педагог.
 Вроде только что за парты сели,
 Посмотри, кончается уж год.
 День прощальный собирает в зале
 Всех детей, учителей родных.
 Пусть ребята, покидая школу,
 Помнят о наставниках своих.

Перевод Лукерии Валей

Пудана сеңга тайна

Нарэй хаерэця' иня
Сидерт' ңани' сырңа.
Школахана хувэхэд
Ңацекеы" маймба яда".
Пудана сеңга мун'
Нарка" нито' е"эмня ңэңгу
Хусэвэр ибедорңа,
Сяхаңгава' ңани'
Пыдо' тарем' нунгу".
Пудана сеңга' мун'
Пыда е"мняндо муно"та.
Тохолкоди" сэвха"на
Хаял" ңамды".
Пудана сеңга мун'
Сейдо' няркнабта!

Последний звонок звенит

Солнце светит в школьное окно,
Вместе с нами деточек проводит.
Прозвенит последний их звонок,
Детство озорное их уходит.

Светлою дорогою пойдут,
Солнышко светить не перестанет.
Младшие задумаются вдруг,
И для них такой же день настанет.

Слезы на глазах учителей,
Проучивших много поколений.
Растревожил добрые сердца
Развесёлый наш звонок последний.

Перевод Галины Тарасенко

Сеюв' есьворца

Нэ́рм' ян' те́р", ян' лака́мбой' ибе́долыда"
 Евако́нэ ваде́ва' сейм' вэ́бтыймдамби.
 Евако́" харда́хана мэна" на́це́кы"
 Техэ́" па́ндо' пю́рць пя́нгу".
 Хи́бья хэ́тнда? Хи́бья няда́нгуда?
 Тарава́хананда нися, не́бя я́нгу.
 Нью́дяко́ця сей" пи́ли" на́тена".
 Хэ́вний ну́да" сиддо́' е́мбпи", на́вламби".
 Хэ́вний ва́ди я́лэ" пы́до' на́мдорца".
 На́дья́нда но́" тарца́ нэ́дакы –
 Хар"на" ва́дакова" ню́на" ю́рнакы"?
 Ва́рьяда и" пи́ли" та́не́нгу.
 Хи́бьяри' и́лебц ме́р" ва́ера́нгу.
 Нью́нда ню́" е"э́мня и́да" я́дэ́рца".
 Харто́' со́я"ма́мдо' пы́до' ю́рнгу".
 Хи́бья хэ́тнгу́да? Нэ́рм' я́ндер",
 Я́н' лака́мбой' ибе́долыда"!

От дум этих сердце болит

Северяне мои дорогие,
 Что творится меж нами сейчас?
 Дети-сироты разве чужие?
 Ожидают, быть может, и вас,
 Что придете, обнимете деток,
 Слово ласки подарите им.
 Вы, родители тех малолеток,
 Наделите их счастьем своим.
 Счастья нет? Вы о детях волнуйтесь...
 Счастье в детях найдёте своих.
 В это таинство скоро вольётесь,
 Коль всем сердцем вы примете их.
 Слова «мама» прекраснее нету,
 «Мама» хочется произнести!
 Поскорей повернитесь вы к свету,
 Сердцу детскому дайте цвести.

Перевод Лукерии Валей

Евако” ңацекы”

Евако” ңацекы”
Нердан’ сюрмби”.
Нидо’ тэводась
Нян’ лахана”.
Лэ”мор” малнадарев’,
Ты’ суюдарев’
Тёркодо’ миңа”.
Ңамгэм’ хэтңгудм’
Ханзер” майбтаңгун?
Сейкони’ пелям’
Хадри” поңгнандо’
Ңока’ по” ялэ
Тярць лядпаңгув.

Дети-сироты

Детишки-сироты веселой гурьбой
Меня обгоняют сторонкой,
Затеяв по ходу игру меж собой.
И смех их разносится звонкий!

Гляжу я на этих веселых ребят, –
Их жизнь станет в будущем трудной.
Они мне напомнили вдруг оленят,
Потерянных мамами в тундре...

Я с болью в душе не могу не смотреть
На игры и шалости детства.
О, как бы хотелось мне всех их согреть
Теплом материнского сердца!

Перевод Владимира Гордеева

Нёда” паромбю”

Хуркари” хибяри”
 Яханана” тая”.
 Ханяңы” хибяри”
 Месури” илена”.

Сава хибяри няп”
 Илевар’ сава нэңгу.
 Вэва хибяри няп”
 Илевар’ вэва нэңгу.

Нарка хибярина”
 Тарем’ манзеты”:
 -Хибя хурка нэвам’
 Ня”ма’ мальңгана
 Таслава пир:
 – Сава хибярир
 Сит нядаңгу.
 Вэва хибярир
 Вадарихинанда
 Сит’ хадаңгу.

Ханяңы” хибяри”
 Нидо’ вуни” хомбю”.
 Нядамда тэрамба
 Нёда” паромбю”.

Не спешите

Людей хороших на земле
 Всегда ты рядом сыщешь.
 В житейских склоках, как во мгле,
 Плохие люди рыщут.

С хорошими людьми дружить, –
 Вам радость дверь откроет.
 С людьми плохими рядом жить –
 Душа болит и ноет...

Нам люди мудрые твердят,
 Связав познания нити:
 – О человеке – скажет взгляд.
 В глаза его взгляните!

Хороший, светлый человек
 Всегда другим поможет.
 А нехороший человек
 Убить и словом может.

Чтоб путь судьбы одолевать, –
 Душа к душе стремится.
 Но в жизни друга выбирать
 Не нужно торопиться.

Перевод Владимира Гордеева

Не торопитесь

Разные люди
 Есть на земле.
 Такие бывают,
 Что зазря живут.

Если друг твой хороший,
 То и жизнь хороша.
 Если плох твой товарищ,
 То и жизнь тяжела.

Старые люди
 Так говорили:
 В дружбе познаешь,
 Каков человек.
 – Хороший товарищ
 Поддержит всегда,
 Плохой же человек
 Словом убьёт.

В жизни бывает
 Друзей сложно встретить.
 А ищите друга,
 Не торопитесь найти.

Перевод Ольги Латышевой

Нятва

Яля” мер” ваеңга”.
По” мер” ваеңга”.
Ќобнзер” нятвавов’
Ваяравнда ни ңов”!

Луца”, ңысма”, ненэця”,
Ќаниндэс” хибяри”,
Мал’ яхананов’
Тяхасовна илеңов!

Няхана” маймбива”,
Ќани’ ма”лэйна”.
Ќэрм’ яхаданов’
Сава я яңгов!

Хар”на” культурава”
Нерня’ минрева”.
Хаер” сэвдарев’
Пили” ңадяёв!

Дружба

Много лет пролетит
И воды утечёт,
Только дружба людей
Никогда не пройдёт.

Ненец, русский, узбек,
Украинец, казах,
Дружно будем мы жить –
Это в наших руках!

Рады встрече своей,
Вновь друзья собрались,
Лучше севера нету
Для этих людей!

Речь, культура другая,
Но слова все поймут,
Что от доброго сердца
При встрече теплее!

Перевод Галины Тарасенко

Печора' серкна

Вы' яханана"
 Ты' пэртина"
 Саць тарана
 Серм' минре".
 Тыто' сенз' ңэб" –
 Илевадо' майбцо!
 Вы' ңацекэңэ
 Маня" теневава".
 Те"ны" похо"на
 Тарця яна сось:
 – Печора" серкна
 Хабэй ты ховы".
 Тикы' сер" ихидан'
 Тэри' ни ханас":
 – Ты" сярвакы,
 Пон" сярвакы?
 Нибтя ңани' хабэйнэ
 Сиддо' хонакы?
 Пудана ңэдалаван'
 Ныхыдо' нид" тэв".
 Ервдо' харвабта
 Паромбавакы?
 Ңадьбянда тэкоци"
 Пенаридо' хабалмы".
 Хибя хэтангуда,
 Ңамгэ хадкаса?
 Хабэй тэкоця"
 Хэтувндадо' яңгу!

Случай на Печоре

Это знают все жители
 Ненецкой тундры:
 Коль здоровы олени
 И щедрый приплод,
 То тогда, как бы ни было
 Сложно и трудно, –
 Будет сытым и радостным
 Оленевод.

Но по тропам кочевий,
 Вдоль улиц селений
 Бродят слухи,
 На сердце оставив следы:
 Находить стали чаще
 Погибших оленей –
 Кем-то брошенных, вмерзших
 В печорские льды.

Непонятность тех случаев
 Души тревожит.
 Бродят слухи, людской
 Обрастая молвой...
 На погибель оленей
 Оставить не сможет
 Оленный пастух.
 Стынут туши оленей
 На Печоре – реке.
 Может, здесь поработали
 Подлые воры?
 Кто об этом
 Поведать бы смог?

Перевод Владимира Гордеева

Ѓамдерма

Яв' вархана юнета ңэсы тая.
Тикы' ңэсы ед' ңока сё" таяць.
Теда' тедахавя ңэсы' помна ядаб"
Вэвакори вада" сата муңгдарев,
Хортаяда нянгад тянарңа".
Ѓарка сайнорма ваеравыраха.
Сидерцяда харад", терсяда харад"
Хибяри товарим' ңатенараха".
Ѓарка марад' няю' ервдо' хая".
Иле"ма' ямдо' ңули" ва"лавэдо".
Сава ил' тоб" Ѓамдерма' ңэсы
Ѓани' юнета, тарем' енава".

Амдерма

На морском берегу
Всем известный посёлок стоит.
Много песен о нём
Улетало со славой в зенит.
Что случилось теперь?
Не находится правильных слов,
Время всех перемен
Всколыхнуло основу основ.
Там лютует зима,
Сиротливы глазницы домов,
Окна – настезь ветрам.
А хозяева где?
Улетели в чужие края.
И посёлок родных
Снова ждёт, свою грусть не тая.
В ожиданье причал,
Тихо плещет морская волна.
«Вы вернитесь, друзья!» –
Нежно шепчет, быть может, она.

Перевод Лукерии Валей

Вы' явнан' ив' ядэрца

Маренуй тиртя" тёрм' намдриб"нан,
 Нюртей' мэва школан' ми"мав
 Юди" по" пуд ихин' ха"амсеты".
 Сёнзякон' мкой ту лэюраха.

Сидя сэвхан' хаял" намдсетыд".
 Хадакон' недам' те"над' маниев".
 Яля" ваеңга", по" ваеңга".
 Луца' манзая малкода яңгу.

Хадан' вадари" ихинян' хаи":
 – Мюселава ёна" нисетыд юр"!
 Вы' якоцява", мюсьлавина"
 Ихиваханан' пили" тенеян.

Немарихинан' нани' мюсерґадм'.
 Њэдалёдаком' тад" сэтаба"ан,
 Пон" мунзи" сырлисетыдм'.
 Вы' мядекова" ихин' ха"амсеты".

Думы о тундре

Услышав крики перелетных птиц,
 Со школой встречу тотчас вспоминаю,
 И выражение печальных лиц
 Я внутренне с любовью созерцаю.

Я вижу слезы горькие свои,
 Те слезы по лицу ручьем стремятся.
 Мне бабушка: «Ты знаний миг лови,
 А в стойбище вернёшься с внешней птицей».

Учёба городская увлекла,
 Я стала настоящей горожанкой,
 Но помню своей бабушки слова:
 «Кочевия не обходи стороной!»

И помня милой бабушки завет,
 Я мысленно в становище бываю,
 На все вопросы здесь найду ответ,
 Лишь вспоминая детство золотое.

Лети вперед, упряжка моих мыслей!
 Тебе, крылатой, не бывать в покое.
 Грущу о тундре, слезы мои вышли, –
 Коль не любовь, то что это такое?

Перевод Лукерии Валей

Мэнена нэсыв

Нэсыв, нэсыкоцявэй, цаха”на нэдавэй,
Пили” ив’ ядэрцов, няюнд’ харвадмэй.
Нарэй тиртя” няңэй тован’ харвасетыдмэй
Яв’ варханов си”ми цатенэй.

Нарка хибяриңэ сит нюмдебимэй
Няданд саварков нэсым’ ехэрадмэй.
Иба яв’ няю’ харвабсов яңгуңэй
Вы’ явнанэй мюсеван’ харвадмэй.

Нэсыв, нэсыкоцявэй, мэнена нэсывэй
Теда’ тедахавов няюнд’ тутадмэй.
Яв’ варувна маймба ядңгумэй
Сён’ марнари цахат соңгуңэй!

Любимый посёлок

Мой посёлок далёкий,
Вспоминаю родные места.
Перелетные птицы манят меня
На берег моря, где ждешь ты всегда.

Как лучшему другу радуюсь я.
Милее, роднее не знаю места.
В другие края не хочу уезжать.
Хоть на упряжке приехать к тебе!

Мой посёлок любимый!
С друзьями к тебе собралась.
По берегу моря с песней пойду.
Громкий голос услышишь вдали.

Мой любимый посёлок

Мой далёкий посёлок,
Вспоминаю тебя.
Мой любимый посёлок,
Снова рвусь я к твоим берегам.

Ты мой друг и товарищ,
Нет дороже тебя и роднее.
Тёплый край не заманит меня,
Лишь кочевье зовёт меня, манит.

Мой любимый посёлок,
Вновь вернусь я к тебе.
По берегу моря вновь я пойду,
О счастье своём громко спою!

Перевод автора

Перевод Ольги Латышевой

СОДЕРЖАНИЕ

Моя большая родня	5	Стихотворения и переводы	94
Дядя Егор	6	Вы' яна" соты". Тундровые сопки	94
Тётя Дуся	6	Тиртя" ябдая". Пусть будут счастливы птицы	95
Тётя Татьяна	6	Вы' ява" – хар"на" ява". Тундра – наша земля	96
Мама.....	8	Варандэйхана. В Варандее.....	97
Отец.....	11	Мэнена небяв. Моя любимая мама	98
Бабушка.....	12	Небянана". Наши мамы	99
Тётя Дуся	14	Вындер' не". Тундровички.....	100
Дедушка, бабушка и крёстная	14	Вы' хадако". Бабушки-тундровички.	101
Ликбез в общине «Ямб то»	17	Нарка нябав. Старшая сестра	102
Подготовка к работе в кочевой школе	18	Няръяна мар" лахана. Говорит Нарьян-Мар.....	103
Амдерма – лежбище моржей.....	20	Норвегия яхана. На земле норвежской.....	104
Долгая дорога к чуму	25	Нянд' лаханадм'. Посвящение.....	105
Первое знакомство с учениками.....	29	«Хаяр»» тараб". Танцует «Хаяр».....	106
Горькие воспоминания хозяйки	35	Харто' иленя". Живущие своей жизнью	107
Кочёвка на новое место	37	Сава яляхана. В день погожий.....	108
Учёба в стойбище	40	Тохолкода". Учителя.....	109
Целебное лекарство – панты	48	Пудана сенга тайна. Последний звонок звенит	110
Учительницы, работайте!.....	55	Сеюв' есьворна. От дум этих сердце болит.....	111
Две «совы» на нарте.	60	Евако нацекы". Дети-сироты.....	112
Чудо рыба – голец.....	63	Нёда" паромбю". Не торопитесь	113
Незванные гости.....	66	Нятва. Дружба.....	114
Долгожданная встреча	70	Печора' серкна. Случай на Печоре	115
До свиданья, Амдерма.	72	Ңамдерма. Амдерма	116
Послесловие.....	73	Вы' яванан' ив' ядэрна. Думы о тундре	117
		Мэнена нэсыв. Мой любимый посёлок	118

Литературно-художественное издание

Матрёна Ивановна Талеева

ЗОВ ОТЧЕГО КРАЯ

Воспоминания и стихотворения

166000, г. Нарьян-Мар, ул. Смидовича, д. 20А, корпус 2
тел.: 8(81853) 2-16-92, электронный адрес: etnonao@mail.ru

Выпускающий редактор – Елена Вергунова
Редактор ненецкого языка – Ольга Латышева
Редактор – Наталья Чечуева
Набор текста – Ирина Селивёрстова
Дизайн, вёрстка – Арсений Гусев
Корректоры русского языка – Оксана Кокорина, Влада Зиновьева

Подписано в печать 15.12.2025 г. Формат 60х90/12.
Усл.п.л. 10,0. Тираж 500 экз. Заказ № 25-8180.
ООО «Коми республиканская типография».
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Савина, д. 81,
тел. 8(8212) 28-46-71. E-mail: knigikomi@komitip.ru

ISBN 978-5-7934-1386-2

9 785793 413862 >